

84/22706
T 27

P2
T.

ТВОИ

ТОВАРИЩИ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

84/2Рсс = Р40/6
Т 27

11

ТВОИ ТОВАРИЩИ

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
Литературно-краеведческий центр
Фонд редких изданий
г. Тюмень, ул. Первомайская, 14

16166

88

02

ал - 107948/1

Тюменское книжное издательство

1 9 6 3

ал 4

ТЮМЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЮМЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ

P2
H60

Российская Федерация
Томская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Томь, ул. Луначарского, д. 51/3

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Томь, ул. Луначарского, д. 51/3

Михаил Лецкин

ЗАВТРА ТВОЕ

В галстучке красном мальчишка,
Давай помечтаем вдвоем...
Знаю, не умолчишь ты
О самом заветном своем.
Я вижу тебя:
вихрастый
И чуточку озорной,
Мечтал уж, конечно, не раз ты
Над Марсом летать, над Луной.
И все это будет, будет.
Но только — давай о другом,
О том, как жить станут люди
В доме своем земном.
Повсюду труд и дерзание —
На шахтах, на стройках, в полях,
И коммунизма здание
Растет на твоих глазах.
Все ближе к заветной цели
Подходит народ трудовой,
И вот уж распахнуты двери
Первой коммуны земной.
Смотри: по полям бескрайним
Сплошной гудящей стеной
Идут электрокомбайны,

Созданные тобой.
Текут молочные реки,
Кругом закрома полны.
Сказка?
В двадцатом веке
Мы это сделать должны.
Гудят автоматы-заводы,
Уходят на Марс корабли,
Северных речек воды
Послушно на юг потекли...
Да, ты коммунизму навстречу
Вместе с народом идешь.
Партией путь твой намечен,
Он светел, прям и хорош.
Над нашей планетой прекрасной
Ты встанешь — творец ее.
Мальчишка в галстучке красном,
Ведь это завтра —
Твое!

Настинных косичках

Петьку Салиндера, меня и Юрку Горелова вызвали к директору за то, что мы сбежали с врачихиной беседы. Вчера Юрка сманил нас, меня и Петьку, в лес, показать медвежью берлогу, которую он будто бы нашел. Но никакой берлоги Юрка не нашел. Просто под листовницу намело сугроб, а Горелову показалось, что это берлога. И Петька высмеял его как надо. Петька — ненец, тундру и тайгу знает вдоль и поперек. Его на дугой берлоге не проведешь.

И сейчас мы стояли возле двери директорского кабинета и гадали, кто нас выдал: староста класса Настя Яр или сама врачиха Елена Федоровна.

— Если только Настя, мы ей дадим... — прошипел Юрка и стукнул в дверь кабинета.

— Войдите! — крикнул Василь Василич.

Мы вошли и, словно на уроке физкультуры, выстроились по росту у стенки.

— Почему вы вчера ушли с уроков? — строго спросил Василь Василич.

— Мы не с уроков... — сказал я.

— Про микробов уже все знаем, не интересно слушать, — пришел на помощь мне Петька Салиндер.

— Все?! — удивился Василь Василич.

В эту минуту дверь вдруг распахнулась и в кабинет, как пуля, влетел Колька Астроном. Фамилия у Кольки — Харючи. Астрономом прозвали его за то, что он ведет дневник запуска спутников, лунников и других ракет.

Колька, словно выброшенная на берег рыба, хватил воздух ртом и заорал:

— Человек в космосе, Василь Василич!

Директор вскочил, хотел нам что-то сказать, но только махнул рукой и побегал вслед за Колькой. Дверь осталась распахнутой. Мы вышли в коридор, переглянулись и тоже понеслись в пионерскую комнату, где у нас стоял радиоприемник.

Протолкаться в пионерскую, поближе к радиоприемнику, мы уже не смогли. Комната была битком набита ребятами и учителями. Но и в коридоре все было хорошо слышно. Мы прибежали как раз в тот момент, когда сообщение ТАСС начали передавать вторично.

— Вот это здорово! — воскликнул Юрка и ткнул меня кулаком в бок.

Я отмахнулся, чтоб не мешал слушать. Когда сообщение кончилось, все заговорили так громко, что ничего уже нельзя было разобрать: ни слов диктора, ни того, что говорил директор. Мы привыкли видеть Василь Василича с серьезным, даже сердитым лицом. А сейчас он стоял, смеялся и совсем не сердился на то, что его никто не слушает. Шум стоял невообразимый. Девчонки визжали и кидались друг другу на шею. Мы с Юркой тоже что-то кричали, награждая друг друга тумачками. Только тетя Груня, прижав звонок к груди, стояла у стенки и тихо плакала. Чудачка, радоваться надо...

День этот для занятий был, можно сказать, пропащий. И на перемене, и на уро-

ках только и говорили что о Юрии Гагарине. Юрка страшно гордился, что и его зовут Юрием и что фамилия у него тоже начинается с «Г». В перемену Юрка вызубрил строение атмосферы и схватил по географии пятерку, чем немало удивил учительницу Софью Абрамовну. Учился Горелов неважно, на троечки, да и дисциплина у него хромала. Дорогу в кабинет Василь Василича он узнал сразу же, как приехал, потому что в тот же день разбил снежком на кухне окно и забрызгал чернилами белый фартук у Насти Яр.

Вечером мы долго не могли уснуть. Потухли в интернате огни. Воспитатели разошлись по своим комнатам. А мы все еще шептались про Юрия Гагарина, гадали, какой он. И вдруг Петька ни к селу ни к городу проговорил:

— А у меня скоро брат будет!

— Ну и что,— сказал я.

— А то, что мы назовем его Володя Ульянов,—выпалил Петька.

— У вас же фамилия Салиндер!— Юрка откинул одеяло и сел в постели.

— Ну и будет Володя Ульянов Салиндер.

— Так не бывает, чтобы две фамилии, а то все захотят по две фамилии.

Петька хотел мне ответить что-то, потому что тоже сел и даже взмахнул рукой, но в спальню вошла дежурная воспитательница и сказала, что, если мы не замолчим, одного из нас отправят в изолятор. Ночевать в пустом изоляторе никому из нас не хотелось, мы сразу же замолчали и незаметно для себя уснули.

А наутро нас опять вызвали к директору. Целый час рассказывал Василь Василич о разных великих людях, как они в детстве хорошо учились, как много знали.

— Но,— сказал Василь Василич,— ни один из них никогда не говорил, что знает все, решительно все... Знание беспредельно, как Вселенная.

Мы уже устали слушать про великих людей. А Василь Василич все говорил и говорил. Отпустил нас только перед началом занятий. Мы побежали в класс.

— Все из-за тебя,— сказал я Петьке,— молчал бы уж, а то «все знаем...»

Первый урок — история. Материал неинтересный, про французских королей. Я, правда, попытался слушать внимательно,

потому что завтра меня обязательно должны спросить, а учить дома неохота будет. В это время Горелов бросил мне записку. «Только! Астроном говорит, что Америка напала на Кубу». Я прочитал записку и стал писать ответ.

— Парфенов, повтори, что я сказала!

Я вскочил.

— Генрих третий, король из династии Валуа, погиб...—Что случилось после гибели короля, я не знал и замолчал.

— Садись,— сказала Галина Петровна,— останешься после уроков, будешь учить материал по учебнику.

После уроков Галина Петровна что-то писала, а я сидел и зубрил, как Генрих четвертый Бурбон служил нашим-вашим, то гугенотам, то католикам, а с крестьян три шкуры драл, недаром восстания охватывали целые области и продолжались годами.

Галина Петровна отпустила меня, так и не спросив урока. Я вышел в коридор. Горелов и Петька сидели на подоконнике и смотрели картинки в журнале «Огонек».

— Вредная,— сказал Юрка про Галину Петровну,— чуть что—оставайся! А чего их учить, средние века, там давно все по полочкам разложено. Вот древняя история—это история. Там еще много неизвестного, одни черепки да камни остались... Попробуй узнай что по ним. Когда мы с папкой были в Узбекистане,— он нефть искал,— так неподалеку от нашего отряда археологи работали. Хорезм раскапывали... А вот в Сухумском музее мы видели мраморную плиту. Ее со дна моря достали. Целый город затоплен, дворцы мраморные. А что ему, мрамору, в воде делается! Я там на берегу раз монету нашел, золотую... Папка сказал, ценная монета, из того города, что под водой, велел в музей сдать, и я сдал. Вся старинная культура на юге!

— А у нас...— начал Петька.

— Чего у вас, вечная мерзлота,— перебил Петьку Горелов,— ваша земля мертвая.

— Сам ты мертвый!— рассердился Петька.

Меня тоже зло взяло.

— А чего ты тут живешь, если мертвая. Много видел, много знаешь, а толку что, тянешься на троечки...

— Да я подлизываться не люблю, а захочу—и на четверки буду учиться.

— Ну и захоти,— сказал я. И мы с Петькой ушли в библиотеку.

Юрка вообще-то хвастун. Мы с Салиндером это сразу заметили. Был бы у меня или у Петьки отец геолог, и мы бы ездили и не хвастались бы...

В воскресенье мы отмечали день рождения старосты нашего класса Настя Яр. В классе она была самая старшая, сегодня ей исполнилось уже шестнадцать, и училась она, будь здоров, на одни пятерки. По случаю Настиных именин на завтрак подавали сладкие пирожки из брусники, а конфет давали по две порции. От дирекции Насте подарили большую красивую книгу, называется «Витязь в тигровой шкуре». Мы посмотрели, а там одни стихи, но книгу похвалили, чтобы Настю не разочаровывать.

Ученики третьего класса тоже принесли подарок — модель космического корабля «Восток». Настя у них пионервожатой работала. День выходной. Занятий не было. За завтраком сидели долго. Пели хором старинную пионерскую песню «Взвейтесь кострами синие ночи». Песню эту научила нас географичка Софья Абрамовна. Она была седая, толстая, то и дело хваталась рукой за сердце, и нам не верилось, что она тоже когда-то была пионеркой.

В разгар нашего веселья в столовую ввалились во всех своих меховых доспехах Настины бабушка и дедушка. Родителей у

Настя не было. Оба они утонули в Тазовской губе, когда Настя была еще совсем маленькая. Старики вырастили Настю и потом долго не отдавали в школу. Василь Василич привез ее почти насильно.

— Аньторово,— сказала бабушка, а дедушка даже не поздоровался и пошел прямо к Насте. Что он сказал, мы не расслышали. А Настя покраснела, и на глазах у нее выступили слезы.

— Я не поеду, дедушка,— тихо проговорила она по-ненецки.

Ее-то мы уже хорошо расслышали, потому что тогда все замолчали и стали смотреть только на Настю и ее дедушку. Мы, здешние русские, понимали и говорили по-ненецки не хуже самих ненцев. Ненецкого языка не знал у нас только один Юрка Горелов. Они с отцом приехали сюда совсем недавно. Поэтому Юрка сразу же толкнул меня и спросил, о чем говорят Настя с дедушкой.

А Настин дедушка сказал:

— Хватит учиться, ты уже большая, а бабушка старая, она не может работать. Собирайся, поедem домой.

Тут тетя Груня принесла чаю и стала приглашать стариков за стол.

— Чаю, это можно,— проговорил по-русски дедушка и, даже не снимая шапки, сел за стол. Он всем своим видом показывал, что очень спешит. Бабушка, однако, сняла надетую поверх ягучки шаль и бросила ее к порогу. Бабушка была еще крепкая, здоровая, почти на голову выше дедушки.

Как назло вышла куда-то дежурная воспитательница, а учителя по воскресеньям вообще в интернате не бывали. Ребята заволновались. А Петька выскочил из-за стола и куда-то побежал. Я понял — побежал он к Василь Василичу.

Старики пили чай, хвалили пироги, а Настя сидела, как в воду опущенная. Мы все с жалостью смотрели на нее. Вот тебе и именины!

— Да что стариков слушать. Они же отсталые,— во весь голос проговорил Юрка. Но я вовремя ткнул его под ребро и показал кулак. Старик понимает по-русски, зачем его дразнить. Рассердим — Настьке хуже будет.

Вошел Василь Василич, поздоровался со стариками за руки и сказал, чтобы ему тоже дали чаю. Но Петька уже тащил чи-

стый стакан, а за ним с парящим чайником в руках шла тетя Груня. Наверное, Василь Василич распорядился Петьке насчет чаю заранее. Тетя Груня поставила чайник на стол и стала выгонять нас из столовой.

— Пусть останутся только дежурные,— сказала она.

Вместе с дежурными остались и мы с Юркой. Петька тоже остался. Он и в самом деле был дежурный, но с утра дежурить ему было лень, и он вместе со всеми сел за стол, чтобы сразу после завтрака улизнуть на речку.

Василь Василич разговор с дедушкой начал издали, спросил, сколько в колхозе оленей, хороши ли выпасы. Но тут тетя Груня все же вытолкала нас, хотя мы с Юркой самым усерднейшим образом таскали посуду на кухню.

Обратно в столовую мы пробрались уже к шапочному разбору. Старик согласился оставить Настю в школе.

— Пускай год учится — и хватит! — по-русски сказал он. — Жених есть хороший, ученую не возьмет, пожалуй.

«У Настыки есть жених!» — Мы с Юркой отвернулись к стенке и прикусили зубами рукава, чтобы не расхохотаться. Уголкем глаза я посмотрел на Настю, и смеяться

мне сразу же расхотелось. Ее круглое, как луна, лицо было залито слезами.

— Настя, — шепнул я, — ну чего ты ревешь, как маленькая, старики, они все с пережитками, чего ты...

Настя сидела не шевелясь, будто неживая, и слезы падали ей на колени. А Настина бабушка что-то все искала в своей сумке из оленьих лапок. Наконец, вынув пригоршню монет, она сделала такое движение, будто хотела их бросить. Но монеты не рассыпались, а только глухо зазвенели: оказывается, они были нанизаны на шнур.

— Вот, — сказал дедушка, — вплетешь это, а тряпки из волос выбрось.

Настя отшатнулась от протянутой старухой связки монет и умоляюще посмотрела на Василь Василича.

— Ничего, Настя, бери, — проговорил Василь Василич. — Надо уважить бабушку.

— Конечно, уважить! — заулыбался старик, наверное, сильно довольный, что директор поддерживает его.

— Только в класс в этом ходить нельзя, но сегодня занятий нет, можно и надеть.

Бабушка, не дождавшись, когда Настя наконец возьмет монеты, сама подошла к ней, выдернула из кос белые капроновые банты, подарок Софьи Абрамовны, и минуты две спустя в Настиных косичках красовались тяжелые, старинные, покрытые зеленоватой окалиной, медяки, тускло отсвечивали серебряные монеты.

— Вот это да, — прошептал Юрка, — ходячий музей...

Мы подошли поближе, чтобы разглядеть диковинные монеты. Заинтересовался монетами и Василь Василич. Он по специальности историк и иногда замещал у нас Галину Петровну, если та куда-нибудь уезжала или болела.

— Где вы добыли такое богатство? — спросил директор. — Ни у одной женщины не видел подобных монет.

— Эге, — усмехнулся старик, — добыл, однако, в разломанном городе. Ехал мимо, смотрю, торчит из берега круглый камень. Я по нему стукнул палкой, а он зазвенел, будто пустой. Сильнее стукнул, сломался камень, глиняный горшок оказался, деньги посыпались...

Старик говорил по-ненецки. И я кое-что наскоро переводил Юрке, но, конечно, не

очень хорошо переводил, отвлекаться не хотелось...

— Не так переводишь,— сердито бросил мне Петька.

— Ну и переводи сам!— И я побежал вслед за стариками на улицу, чтобы посмотреть на олешек.

Василь Василич тоже на крыльцо вышел.

Когда мы возвратились в столовую, Настя уже вплетала в косы свои белые ленты, а связка монет валялась в углу на полу, куда Настя швырнула их сразу же, как только старики вышли.

— Чудо!— рассмеялся Василь Василич и поднял монеты. — Вот это, ребята, английские стерлинги, — показал он нам две монеты,— а это вот, наверное, голландская или датская монета, я и сам не знаю. Ну, а остальные наши, русские, деньги.

Настя, не сказав никому ни слова, ушла в спальню. За ней следом убежали девочки, а мы сбились возле Василь Василича, рассматривая монеты.

— Василь Василич,— сказал я,— русские — это понятно, но откуда в нашей тундре взялись английские или там голландские деньги?

— Ничего удивительного. С Мангазеей торговала половина Европы.

— Это что, настоящий город был, да?— спросил Петька.

— Конечно, настоящий! В городе был кремль с пятью сторожевыми башнями, три церкви, богатые купеческие дома, лавки. Была, конечно, и тюрьма, куда сажали несговорчивых «инородцев» и русских ремесленников, недовольных грабежом купцов да засильем царских чиновников. Все было, что полагалось иметь большому торговому городу того времени.

— Где этот город располагался, почему там раскопок не делают?— закидали мы вопросами Василь Василича.

— Ребята, я расскажу вам все позже, недели через две. Я и сам о Мангазее много не знаю.

— Ну, расскажите, что знаете, а подробнее потом,— не унимались мы.

Василь Василич сел, и мы притихли.

— Город был расположен на правом берегу реки Таз.

— На реке Таз!— воскликнул я пораженный.— Так это же наша река,

— Да, на нашей реке и стоял когда-то

богатый, знаменитый на весь торговый мир город... В прошлом году, когда мы ездили на экскурсию за мхами, я показывал вам место, где проходит Северный полярный круг. Помните, мы еще там мету ставили. Так вот, примерно в шестидесяти километрах отсюда и была основана Мангазея.

— А раскопки?!—спросил Петька нетерпеливо.

— Были и раскопки, приезжала археологическая экспедиция, собрала ценный материал.

Петька с торжеством поглядел на Горелова. Но Юрка был так поглощен рассказом Василь Василича, что на Петьку никакого внимания не обратил.

— А больше нигде раскопок не делали?— продолжал добиваться чего-то своего Петька.

— Ну, ты, мало тебе Мангазеи,— сказал я, вспомнив, что сегодня воскресенье и Василь Василичу тоже надо отдохнуть.

— Делали,—ответил Петьке Василь Василич,— на реке Полуи, например. Судя по раскопкам, между Тазом и Полуем еще до нашей эры жили оседло очень культурные для того времени племена. Они умели добывать и плавить металл, делать оружие, художественные украшения. Ну, хватит на сегодня, а сейчас все на улицу, погода теплая...

— Что, мертвая земля, да?!—сказал Горелову Петька.— Еще то ли будет, когда газ начнут эксплуатировать...

— Ну, это ты уже из другой оперы зашел,— огрызнулся Юрка.

Едва за Василь Василичем захлопнулась дверь, Юрка поманил меня и Петьку в угол и зашептал:

— А что, ребята, двинем на Мангазею раскопки делать, распустят на каникулы и двинем, а?

— Да там уж, наверное, копано-перекопано, чего теперь найдешь,— усомнился я.

— Скажешь, Хорезм десятки лет копают, да и то всего не раскопали.

— А что, поедем!— Петька засунул руки в карманы и выпятил грудь.

Я молчал.

— Ну как, решили?— сказал Юрка.

— Решили-то решили, да меня, пожалуй, отец не отпустит,— и я вздохнул.

— «Пожалуй, пожалуй», — передразнил меня Горелов,—а меня отпустит, что ли...

Придумал!— Юрка стукнул себя по лбу.— Мы скажем, что поедем к Петьке в стойбище оленей пасти, а Петька скажет, поехал к вам на фабрику или к нам в отряд.

— Чего мне врать,— сказал Петька,— меня отпустят, и лодку отец даст, а наврешь — ничего не получишь. В гости с лодкой не ездят. А куда мы без лодки, больше ста километров...

— Решено, ребята!

Юрка сразу же загорелся походом в Мангазею и на другой день стянул у тети Груни нож, которым она скоблила крыльцо.

— Я порядки знаю,— хвалился Юрка.— Археологи завсегда ножом работают. Лопата — такого инструмента у них нет.

— Зря ты нож у тети Груни взял,— сказал я,— чем она теперь крыльцо скоблить будет.

— Чем-нибудь!— беззаботно ответил Юрка.— Нам для научной работы...

— Отнеси нож!— раскосые глаза Петьки стали злыми, колючими.— Будут все такие, как ты, придется к каждой вещи сторожа ставить.

Юрка обругал нас верблюдами, ослами, но нож все-таки отнес.

Наутро Петька выпросил у тети Груни ключ, сходил в кладовку, где хранились наши личные вещи, и принес свой нож в ножнах и с цепочкой.

— Когда приедем в стойбище, я вам каждому подарю по такому ножу,— сказал он.

Потом он извлек оттуда же настоящий компас, который еще прошлым летом подарил ему брат, студент Ленинградского института народов Севера.

С этого дня руководство по подготовке экспедиции как-то незаметно перешло в руки к Петьке.

Поход свой мы решили держать в секрете. Когда в секрете, всегда интереснее. Юрка где-то раздобыл карту нашего округа, но где, не сказал. «Наверное, опять стянул»,— подумал я.

Но я напрасно так думал. Карту Юрка выпросил у начальника красного чума, который, когда приезжал из командировок, тоже жил в интернате, потому что его мать, тетя Маша, работала у нас поваром. Карт этих у него было множество, и Юрка попросил одну, сказав, что будет отмечать путь отряда геологов, в котором работает отец.

Мы сразу же посмотрели масштаб и нанесли Мангазею на карту. От поселка до Мангазеи провели черту — наш путь. Оказалось, что на пути мы встретим всего один поселок, да и то почти у самой Мангазеи.

Чтобы ничего не забыть, мы составили список и каждый день дополняли его, припоминая что-нибудь, без чего в походе не обойтись.

— Ребята,— сказал я,— а вдруг мы тоже, как Настин дедушка, горшок с деньгами найдем.

— Деньги неинтересно,— покрутил головой Юрка,— деньги мы уже видели, вот если б оружие или утварь какая...

— А что, и деньги, если золотые,— проговорил Петька,— закажем космический корабль, чтобы на Марс...

— Сказанул! — воскликнул Юрка... — На такой корабль денег, наверное, воз, и то мало. Знаешь, сколько там работает ученых, изобретателей да рабочих еще.

— Все равно,— настаивал Петька,— в войну деньги на танки давали! Мой отец пятьдесят оленей сдал. Может, на танк и мало пятьдесят оленей, а танк все равно построили. Отцу бумага пришла. Она и сейчас у нас есть!

— Конечно,— согласился я,— на космический корабль государство денег завсегда добавит...

Дни летели быстро. Приближались каникулы. Интернат гудел, точно улей, готовились к экзаменам. Только наш класс экзаменов этот год не сдавал. Нам с ребятами это было на руку.

А весна наступала. Тронулась река. Петька, я и Горелов стояли на берегу. Громадные, белые, как сахар, льдины стремительно неслись по темной воде Таза. Река скрежетала. Выла. Силища!

— Километров десять в час понесет,— сказал я.

— Не,— покрутил головой Петька,— тогда такого напора не будет, большая вода уйдет...

Недели за две до каникул мы с Юркой сели сочинять письмо к его отцу. Василь Василич сказал, что без разрешения отца Юрку в гости к Салиндерам не отпустит.

«Здравствуй, папа!— написал Юрка.— Когда распустят, меня приглашает в гости Петя Салиндер. Разреши мне ехать. Подумаю, что я буду делать один в интернате,

когда все разъедутся. В. В. сказал, что за мной будет смотреть тетя Груня, а я что, маленький, чтобы за мной смотреть. Папа, напиши директору, чтобы отпустил меня к Петьке. Это мой друг. А к началу твоего отпуска я вернусь в поселок, и мы поедем в Сухуми. Дашь Кавказ! Ура! Всегда твой Юра».

Ответ пришел скоро. Наверно, Юркин отец отправил его с тем же самолетом, с которым пришло наше письмо. Василь Василич вызвал Юрку, передал от отца записку и сказал, что отец разрешает ехать к Салиндерам. В записке он писал, чтобы Юрка в поселок не возвращался. Отец сам приедет за ним в бригаду, он хочет познакомиться с родителями Петьки.

Теперь дело оставалось только за мной. На другой же день я отпросился у воспитательницы и после занятий пошел домой.

Фактория, в которой мы жили и где работал пушником-заготовителем мой отец, находилась в пяти километрах от поселка. Поначалу поселок хотели строить там, где фактория. Но потом, когда поставили два домика, рацию и факторию, оказалось, что место это нехорошее, берег у реки илистый, близко болото, с которого летом наносит столько комаров, что без накомарника нельзя показаться на улице, комариный звон стоит день и ночь. Стали искать для поселка другое место. А мы так и остались жить на отшибе. Каждый год нас собираются перевезти, но все почему-то не перевозят.

Когда я пришел, папа принимал чернобурку у охотника-ханта Сидорова. Потом все сели пить чай — папа, я, Сидоров и ненец Тайбарей, который не знаю чего сдал. Мама принесла чайник и сказала, что уже поздно и меня одного она в поселок не пустит. Хотя, если рассудить, может ли быть поздно, если почти круглые сутки светит солнце. Но охотник Сидоров вызвался подвезти меня, и мама успокоилась.

— Ну, что, — сказал папа, когда я уже надел пальто, — к Салиндерам, пожалуй, можно. Тут близко, семья хорошая, плохому не научат.

II

В Петькино стойбище мы приехали вечером с попутными подводами. Петькина семья жила в чуме, потому что они оленеводы

и им поневоле приходится жить в чуме. Юрка никогда не видел чума. И было смешно смотреть, с каким удивлением разглядывал он все, даже жерди и те пальцем потрогал.

Салиндеры сидели за ужином. Ели лапшу. Мясо уже было съедено. И тетя Аня, Петькина мать, сразу поставила на печь сковороду, растопила жир и стала тушить для нас мясо, нарезанное мелкими кусочками, чтобы побыстрее сготовилось. А пока мы тоже сели есть лапшу.

Поужинали и пошли, как сказал Юрка, любоваться окрестностями. Комаров еще не было, и чумы стояли на опушке лиственного леса, уже начавшего зеленеть. Я люблю лиственные леса. Там всегда чисто и красиво, а в еловых — заросли, бурелом, без топора не пробраться. Как только начнутся комары, оленей погонят от лесов на север, в тундру, под ветерок...

Петькин отец, Иван Салиндер, был сегодня дежурным и сразу же после ужина ушел сторожить стадо. Дядя Иван не стал отговаривать нас от похода. Место, где стояла Мангазея, он хорошо знал, но так как этого города никто не видел, не видели даже деды теперешних стариков, то и он думал, что город этот — сказка, выдумка.

Дядя Иван так хорошо описал приметы местности, на которой когда-то стояла Мангазея, что мы были уверены — никак не минуем его. Вечером в чум пришел старик, такой маленький и худенький, что сначала нам показалось, что пришел мальчик, только потом мы разглядели его селые жидкие волосы и морщинистое лицо. Старик, узнав о наших планах, сказал, что старый город отыскать легко, там стоит «божий дом».

«Неужели сохранилась церковь или какая-то часть от нее?» — обрадованно подумали мы.

— Наверное, она под охраной государства. Все историческое под охраной государства, — сказал Юрка.

Лодка у Петькиного отца была маленькая, троим в ней не поместиться, и дырявая, как решето. Неизвестно зачем оленеводу лодка. Я спросил об этом Петьку. Но Петька, оказывается, и сам не знал.

Чудо! У Петьки есть собственные олени, которыми он может распорядиться, как ему вздумается. И Петька распорядился. Он за-

прыг пару оленей, погрузил на нарту наше снаряжение, и мы поехали, вернее, пошли к Петькиному дяде, бакенщику, у которого, по словам Петьки, непременно есть запасные лодки.

Всю дорогу к дяде мы брели по колено в воде. Тундра у нас иногда и за лето не успевает просохнуть, а сейчас еще только едва успел стаять снег. Оленей мы вели по очереди. Петька, правда, предлагал нам с Юркой по одному садиться на нарту, но олени и так были сильно нагружены: кроме своих вещей, мы везли дяде подарки от Петькиной матери — пол-оленьего зада и две шкуры.

Петькин дядя лодку нам дал, даже не спросив, зачем и куда мы едем. Мы не верили своему счастью. И если бы не Петька, мы с Юркой так бы и поехали, даже не обсушившись. Но Петька распорядился хорошо просушить обувь, и выступление наше назначил на завтра.

Утром выехали еще по изморози. Петька сел рулить, а мы с Юркой взялись за весла. Как только выгреблись на середину, Петька, как заправский моряк, скомандовал:

— Суши весла.

Мы сложили весла, посмотрели с Юркой друг на друга и рассмеялись.

Река наша растянулась на тысячу километров. И шириной она, говорят, как Обь: Да вот беда, летом река мелеет, и ходят по ней только катера да моторные лодки. «Тихая» река, как говорит мой отец. Только в сентябре, когда идет сельдь, на реке бывает людно. Во времена Мангазеи река, наверно, была более глубокой, а то как же входили в нее иностранные корабли.

...Мы плывем уже часов шесть. Вместе с нами плывут берега, поросшие густым еловым лесом. Отсюда, издали, леса кажутся черными. Очень ярко светит солнце, больно смотреть даже на горизонт, но на реке холодно. Я начинаю мерзнуть. А Юрка — так тот давно уже заикаться начал от холода.

Мы поначалу хотели причалить к берегу, развести костер, поесть и погреться, но потом подумали, что на это уйдет много времени, и решили есть в лодке, а греться на веслах. Не успели мы всего обсудить, как за весла пришлось взяться поневоле. Шел катер из Тазовского, надо было отвортывать лодку, чтобы не попасть под волну.

Лодка у нас легкая, чего доброго, перевернется. А купаться — здесь не Волга..

Часа через два мы все-таки решили причалить к берегу. Юрка замерз окончательно, не может согреться даже на веслах, да и где-то здесь проходит Северный полярный круг, стоит наша мета. Хорошо бы посмотреть — цела ли? Мы поглядели на карту. Река в этом месте течет на Север прямо, как по линейке. Следовательно, часов десять—двенадцать и мы будем уже в Мангазее. Здорово!

А пока мы развернули лодку и поплыли к берегу. Берег приближался быстро, ершился тальниковыми зарослями. А за ними, точно нарисованные тушью, чернели на небосводе редкие ели. Причалив, увидели, что вода уже далеко ушла от основного берега. Меж рекой и берегом тянулась широкая песчаная отмель.

Ну, раз подгрелись, решили высаживаться. Петька придержал лодку веслом, а я выпрыгнул на берег, чтобы подтянуть ее. Едва ступил на песок, нога у меня сразу же по косточку провалилась в прибрежный ил, но я не обратил на это внимания и продолжал подтягивать лодку, но тут и другая нога ушла в трясину, и я почувствовал вдруг, что погружаюсь во что-то мягкое и бездонное...

— Ил, ребята, ил, не сходите! — закричал я, пытаясь высвободить ногу. Руками я держался за лодку и это отчасти замедляло мое погружение, но вытянуть ноги из трясины я уже не мог, меня будто кто-то тянул за ступни книзу. Стало жутко. Я слышал много рассказов, как люди погибали, угодив в эти прибрежные болота, замаскированные наносным песком.

— Не шевелись! — крикнул Петька и бросил мне весла. Я оперся на весла и стал потихоньку вытягивать сначала одну ногу. Вторую ногу я вытянул неожиданно скоро, но без сапога.

Заляпанный грязью, тяжело дыша, я завалился в лодку. Петька с Юркой подобрали весла и стали поспешно отчаливать от проклятого берега.

— Что, Толька, назад повернем? Куда ты теперь без сапога, — сказал Салиндер и поглядел на мою ногу в пестром шерстяном носке.

— Не выгребемся назад, далеко ушли...

— У нас же деньги есть, — воскликнул Юрка. — Мне папка на расходы двадцать

crystal

рублей перевел. Это ж, если считать на старые деньги, целых двести — на сапоги хватит. Завернем в тот поселок, что на пути лежит, и купим Тольке сапоги.

На том и порешили...

Будильник (мы взяли его потому, что других часов ни у кого из нас не было) показывал уже восемь часов вечера, когда мы подошли к крутому, поросшему кедром берегу. Теперь до Мангазеи оставалось километров сорок... Тут решили заночевать.

Развели костер. Я обмотал ногу полотенцем и стал кашеварить. А Петька пошел на речку отполаскивать ил с моих штанов, потому как куда я без сапога. Юрка ничего не делал, сидел у костра нахохлившись и все мерз. От еды он отказался, не хотел. А мы с Петькой с аппетитом съели всю банку говядины и напились чаю с хлебом и маслом.

Решили немного поспать, а когда высохнут штаны, ехать дальше. А пока я, как на побережье Черного моря, ходил в трусиках.

Петька пожалел меня, что я в трусиках и босой, снял меховые чулки и отдал мне, оставшись в сапогах на босу ногу. Но тут оказалось, что у Юрки есть запасные носки, конечно, они не чета меховым, но теперь не зима, не замерзнет Петька, вот купим сапоги...

Но сапог купить не пришлось. Когда мы с Петькой проснулись, Юрка еще спал. Лицо у него было красное. Он хрипло и тяжело дышал. Наверное, Юрка заболел. И мы начали его будить, чтобы точно узнать, заболел он или нет. Но Юрка сначала не просыпался. Потом открыл глаза, стал называть меня Василь Василичем и понес всякую чушь.

— Вот это да,— сказал я и поглядел на Петьку, а Петька поглядел на Юрку и сказал, что его надо быстрее тащить в лодку и везти домой.

Вот тебе и Мангазея! Я побежал надевать штаны. Они немного не просохли, но ничего, досохнут на мне.

— Надо его покормить, а то он вчера ничего не ел, еще умрет с голоду,— крикнул Петька и понесся за валежником.

Мы вскипятили воду. Петька бросил в кружку шепотку чаю, заварил, наложил туда сливочного масла, сахару.

— Чтобы питательнее было,— сказал он.

Мы снова принялись будить Юрку. Он проснулся, попросил пить. Мы обрадова-

лись, и Петька сразу же подсунил ему кружку со своей мешаниной. Юрка сделал глоток, поморщился и пить больше не стал, но Петька все же заставил его еще глотнуть раза два.

Пока мы таскали обратно в лодку свое снаряжение, Юрка опять уснул. Мы разбудили его и увидели, что ему до берега не дойти. Кое-как, под руки, подтащили мы его к лодке. Юрка зашагнул в лодку одной ногой, а другую поднять не может.

— Ну, ну,— стал я подбадривать его, а Юрка стоит и ни с места. Тогда Петька нагнулся, приподнял его ногу с земли, и Юрка завалился в лодку как куль. Мы уложили его поудобнее и взялись за весла. Едва выплыли на середину реки, как нас сразу же понесло обратно в Мангазею. Гребем, гребем, а берег все ни с места. Тогда Петька сказал:

— Зря отплыли. Надо было привязать к лодке веревку, а самим идти берегом, как бурлаки...

Картина про бурлаков висела на стенке у нас в интернате. И мы по ней даже сочинение писали. Я вдруг вспомнил Василь Василича, папу с мамой, которых я все-таки обманул, сказав, что еду к Петьке в гости, а сам поехал в Мангазею, и мне стало не по себе. Что нам будет за то, что уехали без разрешения в эту экспедицию? Ну уж будь что будет, лишь бы Юрка остался жив... Я глянул на разгоревшееся, как кумач, Юркино лицо и приналег на весла. Из школы выгонят, пойду с Сидоровым в тайгу, охотиться, он добрый, возьмет...

Петька направил лодку обратно к берегу. От того места, где стояли, нам удалось уйти всего метров на двадцать, а ладони у меня уже горели, словно опаленные.

Петька достал веревку, а мне велел снять с Юрки ботинки и надеть на себя. Я так и сделал, а Юрке на ноги натянул Петькины меховые чулки. Юркины ботинки мне были велики, а в общем-то ничего... И мы пошли. Петька вел лодку, как оленя, на поводе, а я шел позади с палкой. И когда лодка зацеплялась за что-нибудь, подталкивал ее палкой.

Шли мы довольно ходко, а когда встречался очень крутой или илистый берег, мы садились в лодку и гребли. Скоро оба набили на руках мозоли.

Неподалеку от Полярного круга мы переплывали небольшую речку, впадающую в

Таз. Впереди нас плыло что-то черное. Сначала мы думали — бревно, и Петька велел мне следить за ним, чтобы не столкнуться. А потом оказалось, что это медведь. Он вскочил на берег, отряхнулся и побежал в лес. Вот Юрка посмотрел бы!

Мы с Петькой засвистели сколько было мочи, чтобы зверь ушел подальше, так как намерены были остановиться здесь и покорить Юрку. Да и сами сильно устали и намучились.

Возле речки мы отдыхали больше часу. Вдруг Петька вскочил и заорал:

— Катер! Катер!

Я тоже вскочил. И мы оба принялись кричать и размахивать руками, указывая на Юрку. Но на катере нас, видимо, не поняли. Кто-то помахал нам платочком, и катер ушел. Я чуть не заплакал от обиды и злости. Сел на траву и стал смазывать слюной синяки и ссадины на ноге.

Я сидел, слюнявил болячки и вдруг вспомнил, что в прошлом году в кружке «Юный моряк» мы изучали азбуку Морзе...

— Прошляпил,— сказал я. — Надо было сигналить, тогда поняли бы.

Я снял рубаху, оторвал от нее подол и, выстругав из тальника палочки, сделал флажки. «У нас больной товарищ. Нужна помощь»,— попробовал просигналить я. Но у меня ничего не получилось, я перезабыл много букв. Петька мне помочь ничем не мог. Он в «Юном моряке» не занимался, а ходил на ферму к чернобуркам. Тогда я решил, если будет проходить катер или моторная лодка, сигналить просто «СОС». А пока я опять впрягся в лодку, и мы пошли.

Как нарочно, до самого вечера нам не встретилось ни одно суденышко, река точно вымерла. Только теперь я понял, что значит «тихая» река...

Юрка плох, в горле у него что-то хрипит. Он бредил и даже пытался выскочить из лодки. Теперь один из нас сидел в лодке, караулил Юрку, а другой тянул вдвое потяжелевшую лодку. От Юркиных ботинок отвалилась подметка.

До Петькиного дяди было уже недалеко, когда Петька вдруг закричал, чтобы я оста-

новился. Я сразу чего-то испугался и, бросив веревку, побежал к лодке.

— Пить,— стонал Юрка.

Мы опасались давать ему холодной воды. И Петька стал разжигать костер. А я набрал воды и поплелся смотреть, сможем ли мы пробиться берегом сквозь густые заросли тальника, преградившего нам путь, а то, может, опять придется садиться за весла.

Я спустился к самой воде и, придерживая ветки тальника, стал пробираться по узенькой каемочке берега. Скоро кусты поределли. Я вышел на полянку, густо заросшую багульником, и прямо перед собой увидел человека в синем комбинезоне и накомарнике.

— Дяденька, дяденька...— сказал я и заплакал.

Оказывается, мы наткнулись на ту самую экспедицию, в которой работал Юркин отец. Но самого его здесь не было, он улетел куда-то с отчетом. В этот же день из Салехарда прилетел самолет, и Юрку увезли в больницу. Врач сказал, что у него двухстороннее воспаление легких. Нас с Петькой геологи посадили на свой катер, который направлялся в наш поселок за продуктами. Мы не очень-то хотели садиться на ихний катер, мы теперь и сами бы добрались, но нас туда втолкнули почти силой.

Когда мы с Петькой пришли на фабрику и папа узнал про наши похождения, он сказал:

— Если бы не гость, я выдрал бы тебя как сидорову козу.

Гость — это Петька.

Мама, наплакавшись, затопила для нас баню. Мы с Петькой мылись и все говорили про Юрку, как он там, неужели врачи в Салехарде дадут ему помереть...

Через месяц я получил от Юрки письмо. «Здравствуй, Толя,— писал он.— Мы с папой уезжаем в отпуск в Сухуми. Я там схожу в магазин и куплю все, чтолагается археологам. На будущий год мы снарядим настоящую экспедицию. У нас будет моторка. Где возьмем, пока секрет. Но моторка будет. Да здравствует Мангазейя! Сообщи Петьке. Гип-гип! Ура!»

Юван Шесталов

Северное

Чем не чудо-чудеса:
Загорелись небеса,
Ой, горит-пылает пламя
Над сверкающими льдами!
Ой, горит большой костер
Выше леса, выше гор!
Он горит,—
А снег не тает.
Он блестит,—
Не согревает.

Мерзнут горы и леса,
Коченеют небеса..
Кто зажег огонь чудесный,
Золотой костер небесный.
Не живет ли
В вышине
Великан могучий,
Не печет ли
На огне
Хлеб себе за тучей...

Перевод с манси Сергея Погореловского

МОЙ СЕВЕР

В голубой песцовой шубе
Гордый горбится Урал,
А над ним буран бушует,
Намечает снег буран.
Родились бураны в тундре
У заснеженных морей,
И метут снега оттуда
Для мансийцев-малышей,
Чтоб катались шалуны
С гор на лыжах до весны.
А весной снега тают,
Возвратятся уток стаи,
Станут крикать и носиться —
Веселить ребят-мансийцев.

ЛЫЖНИК

Брат стоит под самой тучей,
На горе, на страшной круче.
Эй, сестренка, берегись!
Посмотрела Татяя ввысь,
А вверху меж стройных сосен
Будто кто-то снег подбросил,
Будто там, меж стройных елей,
Птицы белые взлетели,
Будто буря и гром,
Будто вниз по склону
Белый ком кувырком
Ринулся с разгону.

Перевод с манси Игоря Смольникова

Сказка-быль

Есть у нас, на Веселогривском кладбище, одна могила. В изголовье березка растет. Сажали ее — думали: «Пусть лепечет она, белая, да зеленая, недосказанные Берестышковы сказки...» Повдоль холмика — по две елочки с каждой стороны. Сажали их — думали: «Пусть стоят они, строгие, в почетном карауле у простого надгробья, с красной звездочкой наверху». Две тополилки в ногах. Сажали их — думали: «Пусть напоминают они людям, что здесь похоронен человек, который украсил зеленым веночком кусочек родной земли».

Воробьи — птица шумная. Опустится ихняя стайка на молодые деревца, и сколько там щебета поднимется, озорства, чириканья... Даже драку, безобразники, откряют!

— Тише, птицы, тише!.. — уговаривает их березонька. — Тише! Здесь спит Берестышко.

— Бер-рестышко? — радостно переспросит старый воробей. — Знаю такого. Я у него за наличником вывелся. Он птиц любил.

Он рад нам и сейчас... Чирикай, братцы! Чивь-живь...

Налетит Ветер-Полесовщик, взьерошит деревьям макушки, завихрит, занасвистывает, баловной, шуму наделает.

— Тише! Тише! — унимают его елочки. — Тише, Ветер... Здесь спит Берестышко.

— Хе-хе!.. Го-го-гой! — того пуще запроказит Полесовщик. — Вас, мелочи, еще в семечке не было, когда я запросто шляпу с него срывал. Подхватчу ее, бывало, покачу — догоняй, Берестышко! Да в ноздри ему еще заберусь. Он чихнет, а я: «Будь здоров, Берестышко!» Друзья мы с ним, закадычники! Ясно, мелкота?!

Запоют по-басовитому, разгудятся по-могучему на деревне старые тополя.

— Тише! Тише, Старые Тополя! — просят их чуткие елочки. — Не тревожьте Берестышку...

— О-о-о-у... У-у-оу! — торжественно отвечают им Старые Тополя. — Он нас на то и развел-вырастил, чтобы мы ш-ш-шумели!

Отсюда и начнется наша сказка-быль.

Почему сказка? Потому что песен писать не умею, стихов складывать не могу, а домашними словами про таких, как Берестышко, невозможно говорить: стыдно! Как потом, после домашних-то слов, светлому лесу в глаза посмотрю! Обидится зеленый! Вон, скажет, сколько я листов на своих ветвях выращиваю... Миллиарды! А найдика два одинаковых?! Не найдешь! Вот так и ты свои слова выращивай. Ну, а почему была — тут ответ покороче. Потому, что Берестышко и взаправду жил на нашей умной зеленой радостной земле. Да и сейчас таких, как он, среди нас найдется... Но есть и другие, вроде Фильки Казненного Носа, о котором тоже речь пойдет. Ну, начнем.

I

Фамилия у Берестышки — Пятков. Звали-величали Кузьма Алексеич. И был этот Кузьма Алексеич великим охотником с берестой возиться. Снадобья всякие на ней отваривал, деготь гнал, посуду из нее вырабатывал. И под квас, и под ягоду, и под домашний цветок. Даже узоры по ней каленым шильцем наведет. Коньков, петушков с пушистыми хвостами из нее вырезал, плащи непромокаемые пастухам кронл, жвачку кулушкам варил, и красил, и кудрявил ее. При этом поговорочку имел: «Влезу на горушку, обдеру телушку — не дай мне яловины, дай берестышка».

Ну и допросился.

Фамилию его постепенно забыли, имя-отчество не часто употребляли — стали звать его «Берестышком». Берестышко и Берестышко!..

В нашей деревне, в Веселой Гриве, значит, он после японской войны появился. Без глаза пришел. Землю пахать — небольшая, конечно, помеха, а только лес его почему-то больше заманивал. Поступил он в лесники. Избушку себе у нас поставил. Отсюда, говорит, хоть горой поезжай, хоть под горой — все равно в лес угадаешь. И верно.

Стоит Веселая Грива над ключевым синим озером. К самым берегам его, к самым деревенским огородам, просторные березовые рощи подступают. Деревя по ним редкие, кудрявые. И доносят оттуда летние ветерки медогонные, струйчатые запахи натомленной солнцем земляники, мяты, соков, горячего березового листа. Зелень да синь там, да милая глазу белая одежда краса-

вицы дерева березы. Осенью новое чудо... Позолотят их молодые морозцы — яркой медью горят, полыхают наши рощи. Не зря цыганские таборы в былые времена свои шатры здесь раскидывали. Понимающий народ. На славе у них была наша Веселая Грива.

Оно опять и так суди! В сказках да былинах что ни место, где про лес упомянуто, то и гремучий он, то и темный, черным даже называется.

Наш лес не такой!

Светлый, он прострельно-звонкий, лепетливый.. В таком, как один старый цыган высказался, не богу радеть, не пиле скрипеть, а песни петь да самоварам кипеть.

Конечно, не сплошь они такие, наши леса. Есть и осиновые чащобы, и таловые заросли вокруг болот. И мелкий воробьятник местами да всякий этот сорт чернолесье в приживалках у государыни-березы обитается. Она здесь владычит.

К тому времени, о котором дальше сказывать буду, Берестышко наш совсем уж дедушкой стал. Старуха у него померла, детей не нажито было—один остался. Один—да не без радости... От народа ему почет и уважение. От соседшек—по хозяйству подмога. Сельсоветские дела решать начнут — он там нашим депутатом выбран.

Только первой и неразлюбимой жалью — лес ему остался. Идет по нему, бывало, легонький, сухонький... Шаровары на нем из белого льняного полотна, такая же гимнастерка, ремешком подпоясанная. На голове—мятая, гнутая линиялая шляпа. Дегтем она травленая, дождями сеченая, градом битая, кострами копченая, колесами перееханная—в каких она передрягах за сорок лет не побывала?! Идет он по белоствольному раздолью, и не враз ты его от берез отличишь. Японский глаз ущурен. А живой, голубенький столько в себя всякой лесной красоты да благодати вобрал, что так и брызжет ею. Бородка у него в клинышек сведена, а усы—саморостом, как им любо, так сединки свои и распушивают. Нос широкий, с открылышками и вподвысь смотрит. Слово скворешенка, с двумя лазами. Все ветра приветствует! Через это лицо у Берестышки всегда чуть удивленное и по-ребячьи доверчивое.

Встретишь его в лесу — то горсть какой-нибудь травы он насбирал, то грибков тащит, а то змея в защипке хвостом перед ним вырабатывает. Власть у него была над

змеями. За пять и больше шагов слышал он их пополз. Подойдет к змее и пустит через нос особую песенку:

«М-н-нн-ги-ги-ги».

Приговаривает вот так, а сам складешок тем моментом из кармана достает. Змея глазками поблескивает: слушает лежит. Срежет Берестышко тросточку, конец ей раздвоит, разведет пошире, спичку туда насторожит и готова змееловка. «Ммнн-ги-ги-ги-ги...» — Спичка выстрелится или сломаётся, а змеиная шея, глядишь, в защепку оказалась затиснута. И пляшет тогда она на хвосте перед Берестышком. Другой раз до самого дому живьем ее донесет.

Стоял у Берестышка в сених ведерный горшок с каким-то составом. Деготь со скипидаром да купоросом перемешанный, еще что-то... Отпустит он туда змею — вот она там и заходит, и завывается. Аж деготь закипит! Только черные блескучие кольца мелькают. На другой день заглянет он в горшок, поболтает состав. — Ну, конечно... — скажет. — Готова. Растаяла... Как и должно быть!

Этот змеиный настой у него не переводился. При ящуре он им коровьи языки смазывал. Овца у кого зачервивеет — к нему же бегут. Ревматизменные лопушиными кореньями у него разживались, с кем желтуха случится — подсушенный бессмертник у него находится, «кошачья лапка». Только не сразу да не каждому давал он свои снадобья:

— Я тебе, — скажет, — голубок, в твою внутреннюю не смотрел, а побывай-ка ты у врачей, посоветуют они тебе мою травку пить — приходи. Травка есть. Хорошая травка... Лесная!

Другая радость у Берестышка была — тополя.

На нашу Веселую Гриву заезжий народ частенько дивится. Это потому, что у нас не осталось дома, возле которого бы три-четыре тополя не росло. Кругом лес и в середине лес! Вот и дивятся...

Первый тополь Берестышко против своей избушки в огороде посадил. Лет через семь награбил он черенками соседей. А потом уж и Берестышков тополь опиливали, и соседские — образовалась у нас от одного корешка целая тополияная улица. Летом идешь деревней — тень тебе лысину от солнечных ударов оберегает, бравый тополийный дух дыханье бодрит и мило глазам твоим. Не закрывал бы их!..

Вот Берестышке и приятно было:

«Умру, — думает, — не сразу меня забудут... Тополя-то пошумят в мою память, погудят, пошелестят!..»

Третья радость у него была — ребятишки да сказки. Не какие-нибудь там дедами насказанные, а свои — Берестышковы. Возьмет самый заурядный случай и в такие узоры его изукрасит, так быть с выдумкой перепаяет, что только сиди да побрякивай. И мухомор, и пчела, и окуневый глаз, и кукушкино яичко — все у него на свои особые голоса заговорит. Болотная кочка — и та чего-нибудь мокрыми, моховыми губищами бухтит-квачет. На всякие изломы да извороты язык свой приловчил...

Ребятишки другой раз спрашивают:

— Как это ты, дедо, всякому зверю-птице подражать научился?

Завздыхает Берестышко. В уголок отвернется и будто бы даже всхлипнет. Потом табакерку достанет, нос заряжать начнет. Ребятишки ждут. Окинет он их ласковым голубеньким глазом и поведет:

— За неволю, голубки мои, научись... Вы вот при отце-матери безотлучно находитесь, а я до пяти годов у Скворца-Дразнилы в дупле жил. От него чего не переймешь?.. На все голоса птица.

Нынешних ребятишек разными там бабагами да кашеями не проведешь быстро-то... Ну и тут кто-нибудь не доверится. Гегекнет или сфыркает. Берестышке того и надо! Чье-либо усомнение в таком случае ему за находку. Примется удостоверять:

— Маленький тогда я был. Несмышлёныш совсем... Вынесла меня сестренка, нянька моя, на лужайку, на свежий ветерок. Положила на одеялко, а сама убежала цветочков мне для забавы нарвать. Я тем временем уснул. И уследил меня коршун Вострый Глаз. Подхватил за рубашонку и потащил в гнездо свое коршунячье, коршунят своих, большеротых обжор, сладким мясом моим полакомить задумал. Я сплю. Так то-есть храплю, что в облаках дырки просвистываются. Укачивает меня на рубашонке-то. Теплым ветерком обдувает. Ни комар, ни муха не тревожат.

Дальше и вовсе чудеса начнутся. Маленький Берестышко, видишь ли, чихнул, а у коршуна от этого будто бы «лапки сдрожали». Обронил он парнишечку. Ладно скворцы погодились. Подхватили его и с лету в свое дупло поместили.

Умел рассказывать старинушка... Люби-

ли его ребяташки. Сейчас вот пионерские сборы возле его могилы устраивают. Другими природы себя называют.

II

Приезжает одно лето Берестышко в район и докладывает старшему лесничему:

— Так и так, Никифор Яковлевич... Лес на Веселой Гриве поспел. Приметил я с пяток лесин, у которых не в пору верхушки желтеть начали.

А желтая верхушка на летнем дереве — первая примета у лесников. Дай такому лесу еще несколько лет постоять — зачернеет он сердцевиной и вовсе сохнуть начнет. А ведь не для червяка рощен.

Поблагодарил старший лесничий Берестышко за его службу и говорит:

— Загудит нынче Веселая Грива... Городскому леспромхозу уж порубочный билет туда выписан. Скоро в твоём обходе, Кузьма Алексеевич, целый поселок построится. Казахи туда едут. Семей тридцать, однако... Так что встречай и привечай.

— А они, — спрашивает Берестышко, — рубили когда лес, казахи-то?

— Не беспокойся... — старший лесничий говорит. — Еще нас с тобой поучат. Сейчас народ на все руки!

С неделю времени после этого разговора прошло, смотрит как-то Берестышко: что за полурота против его избушки с тракторной тележки спешивается. Они... Только без семей. Мужчины одни. Подходит к Берестышке здоровенный казах в годах уж, подает руку, себя называет:

— Галим Сабтаганов — десятник.

Берестышко тоже ему отрекомендовался.

Предъявил Галим порубочный билет и говорит:

— Указывай, Кузьма Алексеевич, где нам тут поселок себе заложить?

— Поедемте! — говорит Берестышко.

Через месяц стояло на том месте тридцать домиков, тридцать первый — магазин, начаты были пристройки для скота, копались колодец.

И завизжали, запели на Веселой Гриве пилы, зазвенели топоры, вздымилась первая, легонькая пороша под хлесткими гонкими стволами чудо-берез. На нее же, на порошу, скатилась и Берестышкова слеза. Знает, твердо знает, что сводить лес надо,

не гниль же из него разводить, а вот ранит сердце и — что хочешь делай!

К весне высились тут штабеля делового и полуделового кряжа, стояли многорядные поленицы дров, кое-где облеживались вороха сучьев.

И вот — в мае это было — пустил кто-то по Горелому болоту пал. А тут ветер погодился! Как рвануло, как выметнуло огонь, и пошло пластать по верховой осоке. К болоту кустарники всякие прилегали, чернотал. За кустарниками — глухие осинники начинались. Охватил их огонь клиньями с двух сторон и жарит. Казахи трактор свой завели. Гусеницами подступы к заготовке обминают, лопатами траву секут. Тут и выскочила на них лосяшка с двумя лосятами. Увидела людей — да назад. А там огонь... Она опять поворот! Ну, тут уж расступились... Проскочила она с одним теленком, а второго не видать. Стали разыскивать — изпод самого огня почти выхватили. Лежит он — глазки напуганные, и всей шерсткой своей сотрясается. Нога у него повреждена оказалась. Не то сам в суматохе обо что стукнулся, не то матка на повороте копытом пришибла. Что со зверяткой делать? Подогнали казахи телегу, положили его на соломку, припутали вожжами, чтобы не ускочил, и повезли в поселок.

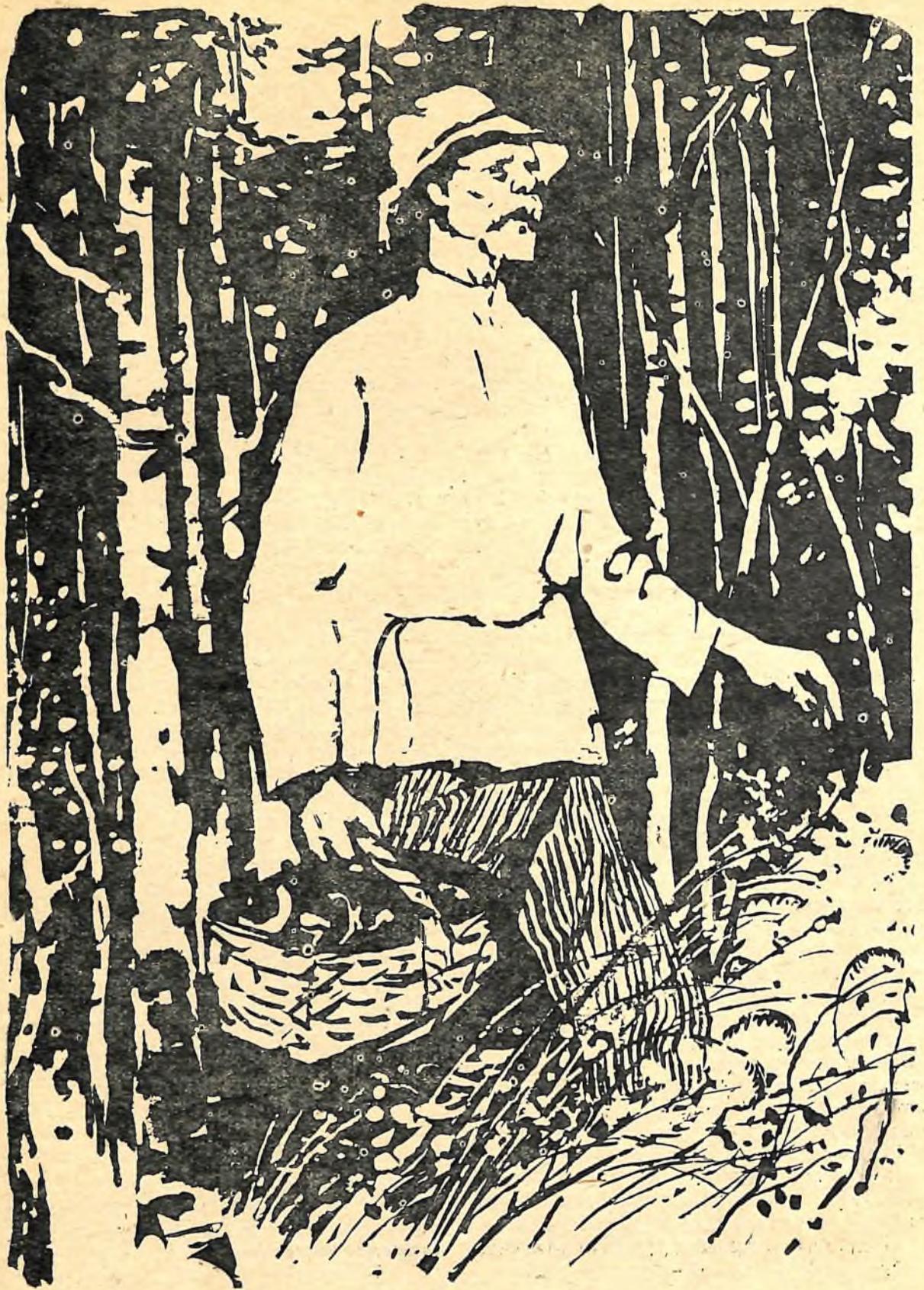
Дней восемь он пролежал — полегчало ноге. Вставать стал. Заприступал на нее полегоньку. Поили его коровьим молоком. Налют в бутылку, соску на горлышко натянут — и чмокай, Кырмурын. «Кырмурыном» его прозвали: горбоносый значит понашему.

Ребяташки не отходят от него: тот бутылку молока тащит, другой. В диковинку он им. Через месяц нога у него совершенно отошла. Такой резвый сделался, такой балун — и старого, и малого распотешит. Взапуски с ребяташками играть научился. Забава детворе! Хохочут, гамят... И вприсядку, и вприпрыжку пойдут. А Кырмурын тоже вроде присмеивается: нижней губой — шевель-шепель... Хохоту на полянке гуще. Другой способ: морду вздирать начнет. В гармошку соберет ее, ноздырьки раздует, а зубы наголе окажутся. Улыбнулся вроде...

Галимов внучек Ермек — ему тогда третий годик шел — этот все дорывался верхом на лосенке покататься.

— Подсади меня, — деда просит.

Галим не соглашается.

— Нельзя...— говорит.— Хребетик у него еще тоненький. Повредить можно.

— А когда я на нем покатаюсь?

— На будущее лето. Ты подрастешь, он подрастет — славные будут джигит и лошадка!..

— Я сейчас хочу-у,— захнычет Еремек.— Пусть он сейчас меня покатает.

— Ох, ты!..— схватится вдруг за тубейку Галим.— Совсем старый я, из памяти выбился... Там тебе заяц лепешек прислал с деляны. В сумке у меня лежат. Пойдем скорей!

Заблестят глазенки у Еремек. Уцепит дед за палец и Кырмурына из сердца вон. Заячьи лепешки!.. Славный дружок он — заяц лесной! То сладкой клубники Еремеку насбирает, то веток с черной ягодой, смородиной, наломает, а когда и конфеток в берестяном кульке пришлет.

Грызет Еремек сохлые лепешки. Бабка их неделю назад пекла. Завалились они в дедовой сумке — пыли на них наросло, мусора налипло. Но есть ли на свете что-нибудь вкуснее заячьей лепешки?! Заяц спек. Лесом от нее пахнет, сказкой, диковиной.

Хрустит на Еремекых зубах заскорузлая, неподатливая лепешка.

— А где он, дедушка, живет, заяц?

— В сучьях. Сложили мы ему большую высокую кучу — настоящий заячий дворец получился. Теперь ему ни дождь, ни мороз, ни сам серый волк не страшен.

— А как он меня знает? Он меня видел?

— Видел, видел... Помнишь, ты в деляну со мной ездил?

— А откуда он на меня смотрел?

— Из-за пенька.

— А кто ему сказал, как меня зовут?

— Я сказал. Помнишь, когда он тебе ягод прислал.

— Помню, — шепчет Еремек.

Глазенки у него заворжились, на губах улыбочка дремлет... Замечтался джигит. И Кырмурына забыл.

А тот перезимовал и с добрым жеребенком ростом поравнялся. Важничать стал. Взапуски с ребятами уж не бегал. А покататься допускать. Только далеко не повезет. Пока сахаром подманывают — идет. Схрумкал сахар — и седока на землю!

Года полтора ему сравнялось — стали у него рожки проклеиваться. Ребятишки ожидали, что они сразу кудрявые появятся, а он выпустил две спицы и шабаш.

Теперь уж по целым дням стал отлучать-

ся. Дед Галим забеспокоился. Как бы, думает, его не подстрелили в лесу. Он ведь к людям без опаски... Решил пометить лосенка.

Был у него в сервизе обломыш чайной серебряной ложечки. Вечер плющил он ее, потом напильником вечера три вытачивал — получился у него настоящий осиновый листок. Зубчики даже обозначены. Вытравил он на нем арабскими буквами какое-то казахское слово, краешек уха Кырмурыну продырявил и на нем этот листок прикрепил. С серебряным ушком стал лось ходить. Издали приметно. Еще одну зиму прожил он в поселке. А на лето по целым неделям в лесу стал пропадать. Насбирается там всякого лосиного лакомства и отдыхает. Рога у него три сучка пустили. В возраст стал входить.

Еремек спрашивает:

— Кырмурын, дедушка, от нас совсем ушел?

— Нет, он придёт еще... Порезвится на воле, пока везде вода есть, а погом пить захочет и придет.

— И не уйдет больше?..

— Обязательно уйдет... Есть у него в лесу подружка... Как начнет она его звать — тут он и уйдет.

— А как она его звать будет?

— Как звать будет?.. А вот так: «Кырмурын ты мой, Кырмурын, закричит, где ты ходишь-бродишь, господин мой рогатый?! Как у меня весной народятся телятки, маленькие, робкие лосятки. Кто их от волка, от рыси защитит? Кто их из огня-пламени жаркого выведет? А у тебя рога крепкие! А у тебя копыта острые. А у тебя уши чуткие... Сам ты — храбрый и сильный. Приходи ко мне, господин мой рогатый!» Так вот каждое утро она будет кричать. Тогда и уйдет от нас Кырмурын. Насовсем уйдет.

После этого разговора стал Еремек по утрам прислушиваться: а не закричала ли Кырмурынова подружка?.. Но был он, надо сказать, большой засоня, вставал поздно и все проспал. Одно утро Кырмурын ушел в леса и больше не вернулся. Видно, позвала его подружка.

III

Собрались один раз ребяташки по смородину. Еремек тоже взяли. Под условием: идти, мол, иди, а в лесу шагу не смей от старших отставать,

Подобулся Ермек, взял алюминиевый котелок с собой — хороший котелок, боевой — дед Галим из него на войне ел. Заложил туда горбушку хлеба — тронулась ватага.

Поначалу дело у них дружененько пошло. Лучше бы и не надо... Найдут добрый куст, окружают его, ягоду оберут и дальше всем табунком следуют. И вот попалась им целая смородинная плантация. Вся круговинка тут высокой крапивой поросла, а в крапиве смородинник. Такие сильные да богатые кусты выдались. Лист с них частью облел — насквозь ягоду видно.

У одного рука к славненькой кисточке тянется и у другого. Глядишь — и соткнулись... Третий тем моментом не зевает, да скорей эту кисточку в свою посудину. Спор, шум... Один кричит: я эту кисточку первый увидел, а другой доказывает: я, мол, весь куст нашел. До того доспорились, что завладели каждый по кустику и не подходит никто. Надо и Ермеку самостоятельный куст искать.

«Ладно, — думает, — такой ли я еще ягодки насмотрю. Удивляться будете!»

Завлеклись ребята и без внимания, что парнишки на виду не стало, похваляются только один перед другим. Ермек шел, шел по крапиве — и вдруг, откуда ни возьмись, заяц на него выбежал. Быстренько и бежал-то косою. Да сверкнул ему Ермеков котелок в зрачки — он и остановился. Поднялся на задние лапки — любопытствует. Он ведь, заяц, в других случаях приглуповат бывает. Воробей вспорхнет — он сломя голову, на чем только сердце в запазухах держится, побежит. А перед охотником с ружьем стойку сделает. Как вот перед Ермеком сейчас...

Ермек их, зайцев-то, до этого на картинках только видел. А все равно признал. Ну, умишко у него и сработал: «Дружок это мой! — думает. — Повидаться со мной прибежал...» И не успел он ему «здравствуй» сказать, как тот в сознание вернулся. Топнул лапой по земле, сложил уши за спину, да как задаст стрекача. Ермек за ним. Сапожишки просторные, хлябают — быстро в них не побежишь.

— Заюшка! — кричит, — заюшка! Это я, Ермек! Подожди, хлеба дам!..

Того, ясное дело, уж и след простыл, а Ермек все дальше в лес забирается.

«Не за тем ли, — думает, — кусточком он меня поджидает». Проверит — к другому с этой же думкой торопится. Ну и заплутался! Свои-то, по его догадке, не в южной стороне стали находиться, а на западе. Да

какой он юг-север знал? Определилось ему, что вот в той стороне должны ребята быть — туда и направился.

Когда хватились его — он уж краем бо-лота по кустам версты за две ушлепал. Где искать? Куда бежать? Покричали поблизости — не отзывается. Часа два по кустам лазили — нет парнишки. Ни ягода им не мила стала, ни крапива не страшна. Нет Ермека! Исчез... Известили старших. Те на лошадей — да в лес, к смородиновой этой заросли...

Если бы догадался кто из них разбить верховых на отряды да по разным сторонам разъехаться, — может, и разыскали бы Ермека. А так просуматошились, протолкашились след-вслед дотемна на одном пяточке.

— Ищи, Жолбарыс, ищи! — твердил Галим собаке и хрипло кричал в затемненный лес: — Ерме-е-ек! Ерме-е-ек! Внучек!

— Ерме-е-ек! Ерме-е-ек! — отзывались ему лесорубы. Съезжались они, разъезжались, некоторые и сами уж приبلудили, на голоса правились — ночь, она ночь и есть.

— Ищи, Жолбарыс, ищи!

Умная собака виновато виляла хвостом, искала в темноте человеческие глаза:

«Разве ты забыл, хозяин, что я плохо чувую, что я глазами беру?.. Не один раз — много раз я метал под твои ноги огневые пушистые тушки лисиц, настигал переярков — волчат. Верно я служил тебе, хозяин, а сейчас — что хочешь со мной поделай! Не могу я отыскать Ермека...»

В полночь спешил Галим, присел на валезину и замер. Тишь. Темнота. Осыпали комары выдубленную на солнышке шею, до бровей залепили лоб, усеяли большие натруженные руки. Но не тревожат его их пронзительные жала. Лизнул Жолбарыс теплым языком Галимовы щеки — соленые они... Тревожный у них вкус. Нацелился пес в далекую мигучую звездочку и тоскливо по-звериному завыл.

IV

А лес — он чуткий! Лес — он прислушливый, догадливый — лес!..

Стоило Ермеку заговорить с зайцем да посулить ему хлебушка — маленькая птичка, красногрудка, сразу же смекнула:

«Этот мальчик ищет сказку!»

Еще не выбрался Ермек из чернотальни-

ков, а на опушке светлого леса стало известно: «Сюда идет мальчик. Он ищет сказку».

Нашел пестрый дятел звонкий сухой сучок и пустил по округе мелкую дробь. К основанию сучка клювом бьет — дробь глухая, утаенная получается, к вершинке перескочит — словно серебряный колокольчик там разыщет:

«Слушай, зеленый светлый лес! Слушайте, зверушки и пичужки! Сюда идет мальчик — он ищет сказку».

И затаился лес. В тысячи зорких глаз смотрит он на маленького Ермека. Смотрит ветка, смотрит ягодка, приподнимается на лапках полосатый бурундучок, шевелят желтенькими ресничками цветы, прободала прошлогодний лист коричневая головка обабка. «Тише! Тише! — шепчут листья и травы, — мальчик ищет сказку».

Идет он без топора, без ружья, без рогатки... Несет он в руках старый дедушкин котелок... В котелке горбушка хлеба и ягоды. Слышите, что выскрипывает знающая Береза:

— Резонно ррассудили. Сказки всегда живут в березовых лесах. Ищи, каррапуз, ищи...

— Тише, тетенька, тише, — залопотали маленькие осинки. — Пусть ищет.

И опять все подглядывают. Вот Ермек наклонился зачем-то к земле...

— Тетенька... — шепчут маленькие осинки. — Чего он там нашел? Сказку?

— Нет, — чуть скрипнула старая Береза. — Это барррсучья порррыть. Корррешки барррсук рррыл...

Росла в светлом лесу всеми уважаемая мудрая Старая Береза. Со всех сторон окружали ее березы, березушки и березыньки. Все от ее семечка пошли.

Росли они мирно, ровненько, в стороны не изгибались, не теснились. Сучья свои так направляли, что в случае ветер или буря — друг дружку бы им ветками не хлестать, зеленый лист да сладкую почку не обивать. Две только непутевых выродились. Это березы-близнецы. Упали они семечками в след козьего копытца, да так то в обнимку, то в раздирку и росли. Вершинами выше матери вымахали, а и там не ладят. То одна, то другая Старой Березе докучают:

— Ма-а-мынька, Задириха от меня солнышко прячет!

— Ма-а-мынька, Неспустиха меня ветками хлещет!

— Ма-а-мынька, на меня птичка села, а она ее вспугнула...

И спорят, и вздорят, и нюняются... Выведут старуху из терпения — она и пригрозится:

— Затихните, бесстыдницы! Не то вот поклонюсь Ветру-Полесовщику — задаст он вам трепки.

Близнецы примолкнут. Слыхали небось, что с Ветром-Полесовщиком шутки плохи. Налетит, так за зеленые косы отмотает — головушки кругом пойдут. А еще слышать приходилось: грудью он бьет. Где пронесет ее — там и полягут деревья. С корнем поворотит их богатырь Полесовщик!

И вот проснулась однажды Старая Береза — балуется с солнышком. Самая милая забава для таких старушек. Любят они ранним утречком тоненькими своими прутиками несмелые солнышковые лучики ломать. У птиц в это время самый-то щебетливый час наступает. Аж в дрожь их от песенок бросает. Перышки встопоршат, клювы разомкнут, крылышками «кочетка» начнут выделять — «берегись, красное солнышко! Раскляют тебя лесные пичуги!»

Завлеклась, значит, Старая Береза светлыми солнышковыми лучиками и вдруг слышит — легонький стон от корней доносится. Сразу она про солнышко забыла, давай листиками промигиваться. Промигалась — смотрит на землю и видит, что дочери ее, Задириха с Неспустихой, зажали между стволами голову Зверя Лесного. Он и так и эдак изворачивается, вырывается, а близнецы похотатывают в зеленые пазухи и думки у них нет, чтобы Зверю помочь. Увидела Старая Береза, что ее доченьки вытворяют, и так огневалась, аж до последнего листка ее перетряхнуло.

— Что же это вы, негодяйки, делаете?! Пошто Зверя Лесного мучите, глумитесь над ним?! Да я на вас сей же секундой Ветру-Полесовщику поклонюсь! Пошто вы его в комли затиснули?

А те уж навыкли ее пустые угрозы слушать — отвечают с усмешкой:

— Мы, маменька, его не затискивали. Он сам, глупый, затискался... хи-хи... Голова с рогами...

— Сюю же минуту отпустите! Не знаете разве, что об эту пору у зверей рога зудятся.. Костенеют они, шкурка с них облазит. Он, видно, почесаться хотел, радовались бы, негодницы, что к вам зверь ласкается, а

вы — вон что! Кому приказываю отпустить Зверя?!

Близнецы видят: не на шутку Старая Береза рассердилась. Уперлись они сучками одна в одну и расталкиваются. Сверху-то порядочно разошлись, а внизу и незаметно даже. Упирались они, упирались — не выходит толку.

— Не в силах мы, маменька, отпустить его! Он, погляди-ка, за ночь что наделал, какие ямины под собой копытами выбил. Огрузнул теперь и вовсе завязился.

— Ах, вы злодейки, ах, вы уроды! — принялась опять бранить дочерей Старая Береза. — Что наделали вы, злоехидины?! Да на вас теперь весь лес плеваться будет!

Три дня скрипела Старая Береза, три дня срамила и укоряла Задириху с Неспустихой, а Зверь Лесной все глубже и глубже уходил в землю. Ноги у него стали подламываться, тело дрожало, из безответных намученных глаз сочились слезы. На виду у всего светлого леса погибал лютой смертью красавец Зверь. Вот он зашатался, зашатался — сейчас рухнет и... Но прибыло вдруг откуда-то ему силы и опять бьется он, опять изворачивается, подпрыгивает, упирается, тянется. Ворон любит падаль. А есть же какое-никакое и у ворона сердце. Поглядел он, в каких муках, с какой силой и упрямством борется Лесной Зверь за свою жизнь, и ушибло ворона жалостью. И пропал у ворона аппетит.

— А и в самом деле... — сказал он Старой Березе. — Чем без толку скрипеть — поклонилась бы ты Ветру-Полесовщику. — Старая только и ждала какой-нибудь потачки. Уж если сам ворон жалкует по Лесному Зверю, то как же после этого ей, старой, мудрой, честной Березе, в глаза светлomu лесу глядеть. Поклонилась она на все четыре стороны и заголосила:

Уж ты Ветер-Полесовщик да тугая грудь!
Как зовет тебя Береза Старая.
Злое дело на моих глазах свершается:
Погибает, умирает добрый Зверь Лесной!
Он не пил, не ел, не лежал, не спал,
Не сгонял с себя злых комариков,
Полонили его мои дочери,
Задириха с Неспустихою.
Прилетай скорей — расскажи ты их!
Хочешь — высеки, хочешь — вытрепли,
Хочешь — корни им повыверни,
Не оставь в беде Зверя слабого —
Зверя слабого, Лося кроткого...

Услыхал Ветер-Полесовщик Старой

Березы жалобу — вихрем налетел. Тербнул за макушку дерева высокие, поклонил дерева малые, подогнул крылья ворону и закричал громовым голосом:

— Кто в лесах озорует? Кто в светлых вольничает?!

Указала ему Старая Береза на Задириху с Неспустихой, на Зверя Лесного.

— Твори волю свою, — говорит.

Задумался Ветер-Полесовщик. Думал, думал, потом взвился над Старой Березой, выбрал место, где у нее лист погуше, забрался туда и шепчет:

Если корни им повыверну —
Падать им не врозь, падать рядышком.
Худу быть тогда неминуемо:
Свалят с ног они Зверя слабого,
Жилы вытянут, позвонки порвут.
Пусть подышит он — сколько дышится,
Пусть постонет он — сколько стонется —
Видно, так на роду ему написано:
Смерть принять ему между двух берез.

Ворон в это время вглядывался зоркими своим глазами в глубь светлого леса. Идет там кто-то маленький, ни топора, ни ружья, ни копья, ни рогатки — один котелок в руке. В котелке — горбушка хлеба и ягоды. Взвился ворон и полетел ему навстречу. И услышал тут черные лесные пересуды, будто мальчик ищет сказку. И закричал он тогда маленькому человеку: «Иди прямо!»

Когда Ермек увидел Зверя Лесного, он подумал, что это стоит чья-нибудь лошадь. А где лошадь — там люди! Это Ермек точно знал. Заторопились его ножонки, чуть не бегом побежал... Зверь, хоть и полузамученный стоял, хоть сами собой закрывались его глаза, но, как услышал он чьи-то шаги, — заповодил длинными чуткими ушами, насторожился. Тут и увидел Ермек серебряное его ушко. Через минуту он гладил и целовал горбатую лосиную морду, наговаривая радостные ласковые слова:

— Кырмурынушко! Ты нашелся! Я нашел тебя... Дедушка обрадуется, ребята обрадуются!.. Пойдем домой, Кырмурын!

Лось в ответ слабо застонал и опять закрыл глаза. Обошел Ермек вокруг него, и хоть небольшой был у него в голове умишко — да не березин и не ветров, а человеческий... Понял он, в какую беду попал веселый добрый Кырмурын. И маленький умишко обмозговал: «Чем выше стволы от земли поднимаются, тем дальше друг от

друга уходят. Шире там делается, просторней... Если натаскать Кырмурыну под копыта сучьев — выше поднимет Кырмурын свою шею. А выше поднимет шею — не удержать тогда его Задирихе с Неспустихой».

Не причитал Ермек, как Старая Береза, не оправдывался, как Ветер-Полесовщик, — скинул он сапоги, которыми до кровавых мозолей ножонки сбил, и стал собирать по лесу сучья. Наберёт охапку — ломает их, в ямки складывает. Кырмурын ровно чувствует, что ему добро делается, — подминает сучки под себя, утрамбовывает их копытами. Вот уж вровень с землей налегло сучьев, вот уж бугорки на месте ямок образовались...

На закате солнца скользнул Кырмурын рогами по бересте и освободился. Не поверилось ему сразу-то... Маленькими шажками начал он пятиться от злых берёз. А сам все глядит, глядит на них. Отошел недалеко и рухнул на землю. Пластом вытянулся. Напрасно Ермек наговаривал ему ласковые слова, звал домой, пугал темной ночью, напрасно совал ему в губы корочку хлеба... Кырмурын лежал с закрытыми глазами, время от времени постанывал и не переставал дрожать. Хлопотал, хлопотал Ермек вокруг своего товарища — не встает лось. Привалился он тогда озябшей спинкой к теплому мохнатому брюшку Кырмурына и уснул.

...Старая Береза рано просыпается. Последние дни она первым делом не на солнышко, а на землю глядит. Вот и сегодня... «Но куда подевался Зверь Лесной?» Шурилась, шурилась она листиками — не видать Зверя! Тогда окрест себя поглядела Береза. Поглядела и обрадовалась: вон он идет, шагает, притаптывает росистые травы острыми копытами. Не кручинься, светлый лес! Отдохнул он, сил подкопил — Ермеку вприпрыжку за ним поспевать приходится. Голенища сапог он под мышкой зажал, дедушкин котелок в руке несет.

— Куда мы идём, Кырмурын? — спрашивает он у лося. — Домой? Ты знаешь дорогу, да? У меня дома сахару много... молока тебе дам. — Смекает маленький: дружба, мол, дружбой, а подсластить не лишне.

Только не домой ведет его Кырмурын. Идет он к лесному озеру, пить хочет. От озера пар курится, в осоках утки кря-

кают... Бегом кинулся Кырмурын к воде. Забулькало под его губами. Ермеку видно, как перекатываются по лосиному горлу тугие быстрые кольца. Глоток — кольцо, глоток — кольцо... «Надо и мне попить», — подумал Ермек и полез с котелком в воду. Кырмурын приподнял морду и шумно вздохнул. Осочка даже зашевелилась. С мокрых длинных губ роняются в озерко звонкие капли.

Глядится Кырмурын в воду. Его или нет обличье отражается. После такой передряги любой не сразу себя признает. Удостоверился — опять пьет. После третьего приема вышел он на бережок и тянется к Ермеку мокрой српаткой.

— Хлеба хочешь? Сейчас дам...

Вытряс Ермек из голенища початую вчерашнюю горбушку, разломал ее на две части — большую поднес к Кырмурыновым губам:

— Ешь, да пойдем домой! Лома у нас много хлеба! К дедушке Галиму пойдем.

Сжевал Кырмурын свою немудрящую пайку и пошагал. Куда он направил свои копыта — кто знает, а только, думается, напонила ему хлебная корочка людские дымки. А за дымками мудрено ли про сахар вспоминать, про овсянку, про теплое молочко. Может, и вывел бы он своего маленького спасителя к дому. И лепетал бы им вслед светлый лес: «Смотрите! Смотрите! Мальчик нашел сказку».

И славная была бы эта сказка! Сами судите... Сидит старый, седой, с белой, как лебяжье перо, бородой дедушка. Вокруг него внучата расселись. И рассказывает дедушка, как вывел его, маленького, из незнакомых лесов добрый, горбоносый, рогатый зверь с серебряным ушком. Как согрел он ему, озябшему, теплым мохматым брюшком спинку. Как пожевали они хлебushка от одной горбушки! Как попили водички из одного озера!

Разве плохая была бы сказка?!

Но не расскажет ее Ермек своим внучатам. Застрекотали вдруг сороки, каркнул ворон, зашумел, затревожился светлый лес!..

— Прячьтесь! Прячьтесь! — мечется и суетится все живое вокруг. — Хоронитесь! Бегите! — машет ветками Старая Береза. — Бегите! Укрывайтесь! Сюда идет Филька Казненный Нос!..

В детстве этот Филька в первом классе три года сидел, во втором тоже третий дожиливал. Сказать, что он недоумок какой был, никак нельзя. На озорство да на проказы откуда у него что и бралось. А коснись таблицы умножения — полная неустойка получается. В школе его держали все-таки... Авось, мол, когда-нибудь за ум возьмется. Илья Муромец вон до полной возмужалости в сиднях сидел, а потом — гляди-ко...

Соберутся ребяташки, рассядутся где-нибудь под плетешком, сказки, кто какую слышал, начнут пересказывать. Филька сюда же присоединится. Сидит и бракует. Эта сказка плохая, другая — неинтересная, а третья вовсе неправдишняя.

— Ну, расскажи тогда правдишнюю, — раздосадуются ребяташки. — Все тебе неладно!..

Филька лоб наморщит.

— Чичас! — говорит.

Ждут, ждут ребяташки, а у него всё лоб наморщенный.

— Ну, скоро ты? — спрашивают.

— Чичас... Думаю, какую рассказать.

И начнет наконец:

— Жил-был рыба кит... Кит, значит, жил... Кит...

— Ну, понятно, что кит! Дальше-то что?
— Дальше неинтересно. Я вам другую расскажу.

И опять бухнет:

— Жил-был лев!..

Ну и царю зверей столько же жить достанется, сколько киту.

Третью начнет рассказывать:

— Жили-были старик со старухой... — В этой до конца доберется: — Жили они были, а после померли...

Ребятишки спрашивают:

— А кто у них остался? Петушок? Мальчик-с-пальчик?.. — Вскочит вдруг Филька, сгребет которого-нибудь за волосянки и досказывает свою сказку:

— Пискун-волос у них остался!.. Пискун, визгун, плакун, верезгун... — Ребятишки поразбегутся и голосят потом из-за углов:

— Жил-был Филька! Жил-был Филька! В каждом классе по три года жил-был...

А один раз он их вот чем заинтересовал:

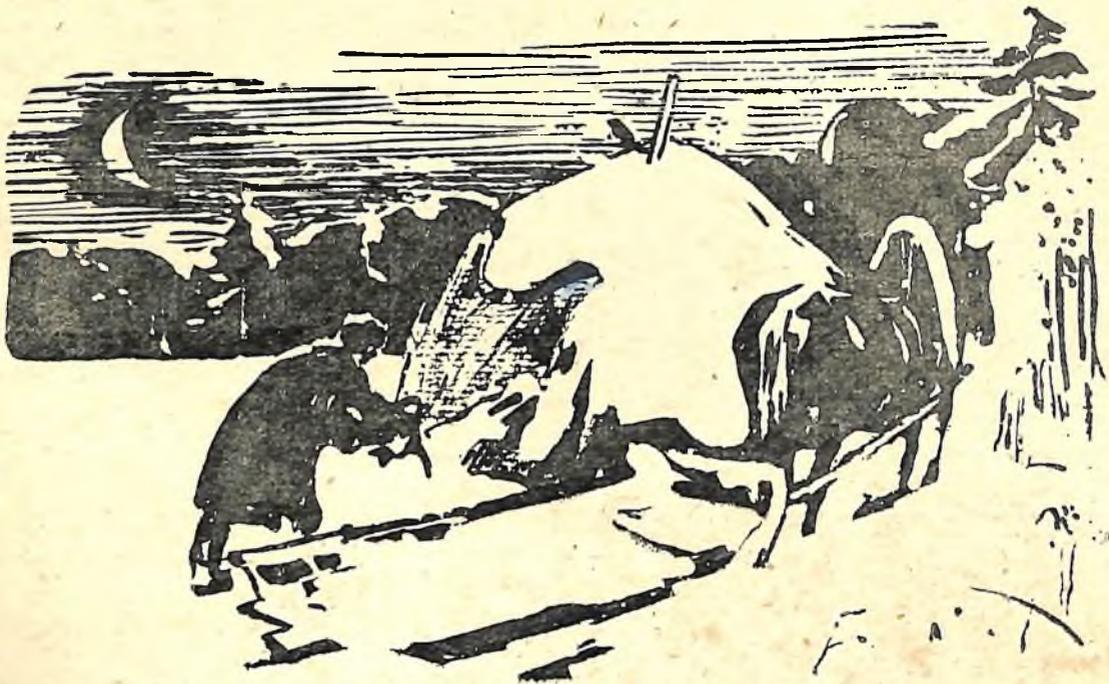
— Меня, — говорит, — ни одна собака не кусит. Я гипмозги знаю...

— Что это за гипмозги? — залюбопытствовала мелкота.

— А вот, буду глядеть ей прямо в глаза и никакой власти у нее не станет, чтоб меня кусить.

— Ну-ка, — говорят, — попробуй!

Берестышко как раз по каким-то делам

в совхозе находился. Собака с ним же Пальма. Умница была. Ласковая. К ребятишкам привычная. Берестышко в контору зашел, а она возле палисадника его ждет. Филька и уследил. Ведет к ней ребятишек. Та сидит, хвостом мечет, рада детворе. Пригнулся Филька, выпучил на всю возможность глаза и подступает к собаке. К самому ее носу свой веснушчатый поднес. А Пальма что?.. Взяла да и лизнула его в нос. Ребятишки захохотали.

— Нашел, — говорят, — кусачую!.. Пальма котенка не трогает, не то что человека...

Филька тогда другое решил:

— Надо ее на цепь посадить! На цепи собаки злей бывают...

Обнял он ее за шею, повел домой. Пальма идет. Вынес Филька цепь, запетлял ее на собачьей шее, потом подвел Пальму к столбу, привязал и говорит:

— Смотрите!

Пригнулся опять, как хорек перед прыжком, глаза еще страшнее выкатил — посовывает к собаке. Пальма ему в другой раз нос языком подтерла. Ребятишкам — того смешней.

— Ты ее, — советуют, — сперва сам куси!

— Нет, я ее сперва разозлю, — говорит им Филька.

Выломил он из огуречника кусок частоколины и принялся со всей руки по собаке хлестать. Пальма понять ничего не может — за что ее бьют — визжит, извивается, служить перед Филькой пробует, слезами плачет, а он одно ей за каждым ударом твердит:

— Злись! Злись! Злись!..

Так, с палкой в руках, опять свой нос к ее носу подносить начал. Ну, тут до любой доведись!.. Любая, поди-ко, обороняться станет. Цокнула Пальма разок зубами и полнозри Фильке вырвала. Взвыл он поодичалому да бежать от нее. Ребятишки — тоже врассыпную. Тут, через малое время, и до Берестышки весть о происшествии донеслась. Собаку Филькин отец успел уж покалечить. Еле идет Пальма. Жалуется Берестышке, скулит тоненько.

Отвез Берестышко ее в лес. Вернулся — усы жгутиками, так-то как им любо распушивались, а тут слезой склеило.

После-то многие ему говорили: зря, мол, поторопился. На такого Фильку сам ангел загавкает, не то что собака... Молчит Берестышко. Заметно только, как рука на коленке дрожит. Легко ли ему!

После стыдили Фильку и ребятишки и взрослые. Только тот сквознячком все сквозь уши пропустил. По его понятию выходило, что ежели собаку застрелили, да еще сам хозяин застрелил — стало быть, он, Филька, не виноват. Стало быть, собака виновата. Так и отец говорит. Ведь это шутка ли — полнозри вырвать?! Ребятишки вон «Казненным Носом» дразнят. Как теперь в школу показаться?..

Проучился он еще года три — еле-то еле третий класс осилил. Ус у молодца просекаться начал, одноклассники дяденькой зовут... Ну, не до бороды же его в первой ступени держать! Решил Филька работать в совхозе. Отец у него к тому времени на конюшню перешел. Стал Филька помощником конюха. И хорошим помощником. Недоспит, а лошадок удолит. И накормит, и вычистит, и гривы подстрижет, и копыта подрежет.

— Конь — не бык... — повторял он при этом отцовы слова. — Конь ласку два века помнит. Он тебя и из беды вынесет, и из огня вымчит.

VI

Едет Филька по светлому лесу, мурчит Казненный Нос ласковые слова:

— Лес мой, кормилец... батюшка... благодетель...

А птица — диким барашком у нас ее зовут — взвывается под самые облака, сложит в небе крылышки и пулей острый свой нос к земле несет.

— У-би-би-би-би-л! У-би-би-би-би-л, — рыдает и дрожит его голосок.

Это он про то, что застрелил Филька на гнезде его подружку, потоптал Филька сапогом запаренные яйца.

Кружится над Филькой маленькая птичка — дикий барашек...

— Лес мой кормилец! — опять распускается в улыбке Филька.

А лес посуровел, потемнел, затих... Боится он хоть одним своим зеленым листочком увидеть Филькину улыбку.

— Погуби-и-тель! Погуби-и-тель! — несутся вслед Фильке сдавленные страхом звериные и птичьи голоса.

Один ворон с воронихой не прячутся. Им после Фильки кое-что перепадает. Сороки тоже знают Фильку. Подлетывают они с дерева на дерево, пострекотывают, глаз своих,

вороватых, с него не сводят. После воронов — их черед.

Филька едет разыскивать лошадей. Сейчас сенокос. После работы напоит их Филька, нацепит смиренной кобыле Бурухе ботало на шею и — паситесь ночь. Ездит Филька с ружьем. «На случай волка, — говорит, — таскаю». Только врет Филька. Не щадит его ружье ни утенка, ни тетеревенка, ни тяжелой зайчихи, ни козленка.

Едет он шажком, не торопится. Самое-то времечко, по восходу солнышка, дичинкой разжиться. Всякая лесная живность в этот час радуется, играет, резвится, должной предостороги не соблюдает. Птица по росе вымокла, летает худо, не надо и пороху тратить — кнутом застрелишь. Только не зевай!

Ружье и волка Филька не с простого ума в один рядок ставит. Нельзя ему иначе! Вот, если бы у всех людей коротка вдруг память оказалась, — тогда другое дело. Но не забыли люди о проделках Фильки...

Одну весну небывалая в наших местах оттепель наступила. Март месяц в половине, а снег даже в лесах огружаться начал. Потом морозы... Так заковало, что местами без лыж иди — не провалишься. Вот тут и пришла лосям да козам самая погубительная пора. Говорят, волка ноги кормят... И этих зверей ноги кормят, да ноги же, бывает, и губят. Не держит их снежная корка-наст. Проваливаются они сквозь него своими острыми копытами, до крови, до жил издирают об жесткие, льдистые краешки кожу на ногах. Косяками губят их в это время волки-лосятники. Остановят в сугробе — до горла низко, копыта не близко — рви. Мрут они тогда и от голода. И недалеко корм, а до стона больно шагнуть.

Кто бывал в такое время в лесах, тому своими глазами доводилось видеть кровавые норы в снегу. Пойди таким следом — он приведет тебя к ослабелому, беззащитному зверю.

В такую пору лазил по лесам Берестышко. Стояло у него там несколько стожков сена. Для лесничества заготовил. Со всех сторон промял он к ним тропы. Попадёт коза на такую тропу — она ее к сенцу приведет. До оттепели и перестоит зверь. Лосям Берестышко тропил ивняки, валил в лесах осины. И случилось ему в одном месте на козлиные следы напасть. Четыре штуки прошло. И по каждому следу — кровь.

Решил Берестышко разыскать этот табунок и тоже ему тропку к сену проторить. Пошел. Вскорости завиднелся ему сенной оденок. Стог отсюда был вывезен, а по дну да по краям оттаинки чернеются. Следы туда ведут, а коз неприметно. Ближе, ближе Берестышко подходит и видит: красные пятна вокруг оденка на снегу полыхают.

«Волки побывали! — мелькнула у него догадка. — Кончили табунок!»

Подошел — нет, не волки. Волк с козы кожу не снимает, волк туши в сено не хронит. Развернул Берестышко одну шкуру — нестреляный зверь. Ножом по горлу резан. И недавно. Тушки еще остыть как следует не успели.

От самого оденка чуть приметными линеечками лыжные следы по насту вдаль утягиваются. Берестышко к тому времени двустволькой обзавелся. Снял он ее с плеч и пошел по этой варнацкой лыжне. Через полчаса на дорогу вышел. Дорога плотная, до звону наезженное конское копыто на такой следа не оставляет — приметька-ка тут, в которую сторону лыжины повернули. Погадал-погадал Берестышко — так решил:

«Доложу-ка я об этом деле председателю сельсовета. Засаду, видно, тут придется устраивать. Как бы нынешней же ночью не наведались за тушками. — Глянул на солнышко, а оно уж скорые потемки сулит. — Э-э-э... — думает, — пока я к председателю бегаю, козлятинка уж лавровым листком запахнет. Горчичкой ее смажут... Придется, видно, одному в засаду становиться».

Насбирал он охапочку потерянного сена по дороге, выбрал куст погуще, постелился, залег и ждет. Заря еще не отгорела — слышит, скрипят чьи-то дровенки. Лошадь Берестышко признал — совхозная лошадь, а кучера не определит. Голоса не подает, в здоровенный тулуп закутался — неведомый человек едет. Неведомый — однако тот самый, которого Берестышко ждет. Дровенки-то на лыжный след свернули. Лошадь проваливается, не сладко ей тоже по насту, а кучер ничего — кнутом только ее бодрит и к самому тому оденку направляет.

Продрог Берестышко, а лежит. Часа через полтора возвращаются дровенки. Поравнялись они с кустом, Берестышко и поднялся. Кучер в тулупный воротник врос — не видит, не слышит. Полозья поскрипывают, копыта постукивают. Недолго думая, легкой ножкой настиг Берестышко сани и

примостился на задок. Скинул рукавичку, пошарился в сене — тушки тут. Вскоре и кучера узнал — на лошадь тот заругался — Филя Казненный Нос.

«А ладно же! — думает Берестышко. — Расстроят тебя с этой козлятинки».

Поближе к деревне подъехали — песню Филя запел. Голос у него пьяный сделался — с гулянки человек едет. По всей Веселой Гриве орал, а перед совхозом затих. Привез он Берестышку к самому своему дому. Ворота начал открывать — Берестышко ему и скомандовал:

— Руки вверх, голубок!

Филька перетрухнул было, да ненадолго. Тулуп скинул и в наступление пошел:

— Кого тут по ночам таскает? Я покажу — руки вверх!..

— Вверх, говорю! — звонко крикнул Берестышко, да как ахнет из одного ствола. — Второй у меня картечью заряжен! — доложил он Фильке.

Ну, тот и расквасился:

— Прости, дяденька, миленький... Век ножки мыть буду!..

На выстрел народ сбежался. Ну и предстал Филя! И перед людьми и перед судьями.

Но и после суда, как он был Филька —

так и остался: мелкую живность бьет, зорит, крупная — тоже не жди от него милости. Застрелит — урвет какой кусок, а остальное — зимнее дело — звери, птицы растащат, летом — протушит. Хуже волка.

— ...Погуби-и-тель! Погуби-и-тель! — не отстают, не смолкают лесные голоса.

Тихо едет Филька. Зорко смотрит Филька. «Стой! Что это шевельнулось между белыми стволами? Лось! Лось ведь!.. Ах, лес, кормилец...» Ермека из-за Кырмурыновой туши Фильке не видно. Да он и не приглядывается. Он меняет дробовой заряд на картечный. Вот он вскидывает ружье и замечает вдруг на лосином ухе сверкающую блестку.

— Меченый! Ну-к что?.. Меченого картеча, что ли, не возьмет?! Поглядим чичас!..

— Берегитесь! Хоронитесь! — машет ветками Старая Береза.

Но Кырмурын не бежит. Он не боится людей. Зверь знает — они добрые. Люди кормили его, прикасались к нему руками, и никто ему не сделал худа. Доверчиво и небоязливо косится он в Филькину сторону.

«Повыше глаза ему целю — и мозга насквозь...»

Зоркий глаз у Фильки — не заслезится, тяжелая рука у Фильки — не дрогнет, чер-

ное у него ружье, злая на ружье мушка. Вот он подводит ее...

В этот момент наступил Ермек босой ножонкой на острый сухой сучок и громко ойкнул. Дрогнула-таки Филькина рука, но выстрела не сдержать уж было. Дохнул он огнем и синим дымом в светлом утреннем лесу, рывкнул страшным гулом. Напрочь ссекла горячая картечь край серебряного ушка. Брызнула кровь. Больно! Страшно! Крутнулся Кырмурын и помчался в обратную сторону. А на месте, где стоял лось, оказался мальчик. Нет у него ни ружья, ни топора, ни копья, ни рогатки — окаменел он от страха... Тихо расползлся пороховой дымок.

— Го-го...осподи!. Затряслись вдруг Филькины губы. — Храбруют! — прохрипел он в кобылье ухо и бестолково, суматошливо заподтыкал ее в ребра кнутовищем.— Алюры три креста! Родная! — подстрекал кобыленку к бегу. Ветер свистел в его ушах, срывал со лба крупные капли пота и легкими холодными струйками притрагивался к ребрам. — Храбруют!!!

Стих топот. От Кырмурынова ушка, от росинки крови поднимается легонький пар. Закричал Ермек, заплакал, бросил сапоги и котелок и с невидящими от слез глазами побежал вслед за Кырмурыном.

И загудел разгневанный лес:

«Филька расстрелял сказку! Филька-Казненный Нос расстрелял сказку! Ты, черный ворон, пожалел Зверя Лесного, а Филька...»

Взмыл вдруг ворон — закрылась черным делом старая дружба... Бешено скачет Филька, но не уйти ему от ворона. Он любит сказки. Он сам из сказки. Он скажет об этом Фильке. Под самым его носом пронес свои крылья ворон.

«Зря! Зря!»— прокаркал.

«Рваная ноздря»,— слышалось Фильке.

Чуть не умер Филька от страха, но когда разглядел ворона, прибыло ему духу, захрипел:

— И ты туда же? Мало ты мяса пожрал!..

«Дрян! Дрян!»— залетел второй раз над ним ворон.

— Афион, в сажу мазаный!..—окрысился на него Филька.— Засажу вот дробин...

Кружится над Филькой ворон. Много бы он мог сказать ему, да какая у ворона речь?

«Расстрелял... дррян!..—выкрикивает

он голосом, а крылья шелестом, свистом своим договаривают:—сказку-у!»

И не расскажет ее Ермек своим внукам. А какая была бы сказка! Какая была бы сказка!

VII

Ломал и сек чаще вспугнутый выстрелом, ожаленный горячей картечью, обрызганный бисеринками крови Кырмурын. Скакал и заклинал от «нечистой силы» сомлевший в седле Филька. Бежал от страшного Фильки Ермек. Бежал, плакал, кричал:

— Дедушка! Дедушка! Кырмурын...

Впереди лес, лес и без конца лес. Но в эту сторону умчался Кырмурын! Неужто он совсем убежал! Нет, Ермек найдет его! Нашелся же он вчера. И еще дальше от поселка, еще глубже в леса забирается Ермек.

— Дедушка! Любимый, милый мой дедушка!

Светлый лес хоть чем-нибудь пробует утешить его. Вот он расстилает перед его глазами алые кисточки костяники.

«Поешь, детка... остуди жажду... отдохни...»— шепчет добрый лес.

Но Ермек не замечает лесной доброты. Все дальше и дальше бежит он. Вот уж и солнышко садится. Затаиваются птички голоски. По дуплам, по гнездам, по развилинкам сучьев устраиваются они на ночь. Столько лесу излетано, столько песенок перепето — пора спать. Темно и тихо стало в лесу. Ни листок не дрогнет, ни веточка. Только встрепыхнется вдруг дремотная, вспугнутая приглушенным ребячьим плачем, пичужка. Встрепыхнется, чивикнет что-то себе в запазушку и опять спрячет свой носик под теплое крылышко.

Вскоре и плач стихает. Ермеку кажется, что кто-то неведомый, страшный может подслушать его в затемненном лесу. Он сворачивается калачиком под неведомой березой, потихоньку нашаривает вокруг себя прошлогодний лист, укрывает им ноги, шею, щеку и совсем затихает. Маленький и незаметный... Так прячутся робкие недельные козлята. Некоторое время он чутко прислушивается, а потом начинает придремывать. Она тонка, как паутинка, его дремотка. То вздрогнет, то всхлипнет. Но вот кто-то, ласковый, надежный, садится у его изголовья. Теплая мягкая рука смыкает его ресницы, утирает со щек холодные слезинки.

«Спи, маленький, спи...— шепчет над ним,

в зеленом цветастом платьице, в веночке из «кукушкиных глазок», вьюнком-травой подпоясанная, славная лесная девчушка.— Спи.. Взойдет завтра солнышко...»

Пахло от этой девчушки заячьими лепешками и, кажется, заячьей лапкой..

«Как хорошо пахнет заячья лапка! Не уходи, девочка!..»

А в это время, черная, бесшумная, бирюковатая, кралась к Веселой Гриве грозовая туча. Кралась, чтобы врасплох, в одно мгновение, огненным своим сполохом, ревучим трубным грохотом, тугим нахлестом косых струй ослепить, оглушить, исхлестать Веселую Гриву. Сначала насквозь просветился лес. Каждую былинку, каждую малую козявку осияло.

Один миг разглядывало огненное небо земную темь и все успело увидеть. Вот отстукивает неведомую тропочку костылик Берестышки. Там вырвались из темноты лошадиные морды, седла, люди. Едет глухими осинниками, с покрасневшими от бессонья глазами дедушка Галим. Неслышно ступают в лошадиный след мягкие лапы Жолбарыса. Здесь, под березой, спит припорошенный легкими сухими листиками мальчик...

Но вот грянул гром! Ермек вскочил, открыл испуганные глазенки, и тут же согнул его, оглушил, до земли осадил гремучий дробный смерч. Пронзали, рассекали и рвали густую темноту огненные мечи. Трубило, грохотало, ревело, стонало черное небо. Сжимался в страхе и бессильно выл добрый великан лес. Только что яростная молния в щепки, в мочало, в обугленные куски измельчила могучую красавицу березу. Видел лес ее моментальную смерть. Видел и устрасился.

Грохот, вой, скрежет, вопли, синие, зеленые сполохи — грозная, непонятная битва!.. Ермек бежал, падал, вскакивал и опять, опять бежал.

Лишь на третьи сутки вышел Ермек к человеческому жилью. И первым делом к колоде с водой припал. Тут его и увидели. Подхватили на руки, понесли в избу, молоком поить стали, разной едой потчевать.

Скоро и дед Галим подоспел. Обрадованный Ермек так и повиснул на шее у деда. Повиснул и даже ногами несколько поболтал.

— Зачем ты от ребят ушел?— допытывался у Ермека дедушка Галим.

— Я от них не хотел уходить... Я только хотел поговорить с зайчиком.

— С каким зайчиком?

— А который лепешки мне пек, ягоды присылал... Ты забыл разве?

— И ты пошел его разыскивать?

— Он сам меня подследил. Я кустик смородины искал, а он ко мне выбежал.

— Ну и дальше?

— Я хотел сказать: «Здравствуй, зайчика!..» А он побежал. Я подумал, что зайчик боится, как бы нас ребята не подслушали, пошел за ним.

Дед Галим руками всплеснул:

— Глупый ты, глупый... Да разве зайцы разговаривают? Разве они умеют печь лепешки? Ведь я тебе вместо сказки это рассказывал... Ты сказку пошел искать.

— Я Кырмурына находил!

Еще одно чудное дело!

Рассказал Ермек, как выручал он своего друга, как потом пили-ели они, как выстрелил по ним неведомый человек.

Дед Галим сомневается:

— Приснилось тебе, наверно, в грозу...

— А ничего не приснилось!— раздался вдруг голос деда Берестышки. Он протиснулся к Галиму, запустил руку в голенище Ермекова сапога и достал оттуда Кырмурыново ухо.

— Твоя мета?

— Неужели?— поднялся с чурбана Галим.

— Ухо от сапог в полсажени валялось. Кровь на траву брызнула... До дождя-то, видать, добрый след был... Кто стрелял по вам, голубок?— обратился Берестышко к Ермеку.

— Дяденька на лошади стрелял.

— Какой из себя?

— С ружьем.

— А лошадь какой масти?

— Не помню...

Допытывали, допытывали—никакой приметы парнишка не помнит. Человек... с ружьем.. на лошади— вот и весь его разговор.

«Надо бы с Филькой их свести,— подумал Берестышко,— его поноровка угадывается».

VIII

Как ни исхитрялся Берестышко свести Фильку с Ермеком, ничего у него из этого не получалось. Поначалу врачи препят-

ствие поставили. Прописали они Ермеку полный покой и отдых. И никаких про его путешествия разговоров. Это значило, что и Фильку ему показывать не следует. Да и не так-то это просто было сделать. Пробовали было заманить его в казахский поселок — да «чует кошка, чье мясо съела». И руками и ногами отбрыкивается Филька.

Вскороности Ермека увезли родители. Заопасались, как бы он опять с зайцами не повстречался. Вовсе ладно Фильке! Только не такой человек был Берестышко, чтобы фильки у него покойно жили.

Едет как-то Казненный Нос деревней. Форсит особенной своей однобокой посадкой. Усы вверх торчат, борода тугим округлым валиком вперед выбодрена. Привыкла. Издали-то ее и за бороду трудно признать. Ровно полколяски толстой колбасы на уши себе человек навесил. Поводья в трех пальчиках держит. В той же руке плетка с витой из молодого краснотала ручкой затиснута. Поравнялся он с Берестышковой завалинкой — тот его и подозвал:

— Ну-ка, сказывай, как ты по меченому лосю стрелял, как дитенка в лесу покинул?

Филька давно ожидал такого вопроса. И давно ответ заготовил:

— По какому меченому? Я их, простых-то, сколь годов в глаза не вижу... не только стрелять. А на дитенка, даже когда его разыскали, взглянуть не пришлось.

— Врешь ты все! — обрезал его Берестышко. — Мне ветер все твои варнацкие дела перешепнул. Знай, Филька! Не помру я спокойно, пока опять тебя на свежую воду не выведу. Попомни мои эти слова!

И опять тревожно стало жить Фильке.

— Ветер ему перешепнул. Знаем мы этот ветер! — бормотал он всякий раз, когда случилось ему повстречать Берестышку. — Тот раз, неведомо откель, в санях с козлухами очутился. Сейчас лосиное ухо... Это надо же разыскать? Ветер!.. А змеиный настой кто варит? По дегтю-то, сказывают, аж пузыри... Не прост ты, старичок, ежели кто с понятием в тебя вникнет... И вить бесстрашный какой. Ночь ему не ночь... От лесовика, что ли, такой выродился.

IX

А оно и вправду, видно, уж от рождения такой он, беспокойный, Берестышко. Еще в молодости, когда начинал лесничить, не жалел он себя ради друга зеленого.

Было это до революции. Тогда в лесах много всякого народу шлялось. Застанет, бывало, Берестышко кого-нибудь за самовольной порубкой в лесу, по ручке с лесонарушителем поздоровается, глаз свой в него вонзит и спросит:

— Значит, посиротил земельку?

— Какую земельку? — вроде не понимает лесонарушитель.

— А на какой живешь, голубок!

— Дык... Дак... Кузьма Лексенч... Оно самое... — запереминает язык нарушитель, — нужда, во-первых, а во-вторых, подумалось, лес по дереву не плачет... Как и море по щуке.

— Про море я тебе не скажу, — насторожит палец Берестышко, — а про лес ты, голубок, врешь! Плачет он... И земля плачет. Лизни этот пенек языком... Ну, лизни!

Порубщику каким бы только способом беду ни сбить: станет на четвереньки, лизнет.

— Какой вкус? — спрашивает Берестышко.

— Сладкий.

— Вот видишь? Сладкими слезами земля плачет. Сладких не жалеет! Она эту лесинку на свое украшение растила, а ты, голубок, с топором пришел!..

— Дык ить, надобность, Кузьма Лексенч! Нужда! Сам знаешь, как бьюсь...

— По надобности ты бы меня спросил. Срубил бы ты лесину — я бы тебе спасибо сказал. Да еще денежку в лесничестве для тебя выпросил бы. Вон ее, санитарной рубки, сколько! Подальше только ехать надо.

Это он так разговаривает с тем, кто на самом деле от нужды топором волю дал. Который же в силах, в достатке живет да к тому же в лесах пакостит, с тем у него другой разговор находится.

Опять же, по ручке поздоровается, химический карандаш из кармашика доставать начнет. Тут же форменную бумагу составит. — Распишись, голубок! — предлагает. «Голубок» и заворкует. На всякие выверты... Уговаривать Берестышку начнет:

— Стоит ли нам грех заводить, Кузьма Лексенч? Ды нам с тобой добра не пережить! Давай уж как-нибудь, ладком-рядком это дело согласим.

Кабанчика Берестышке обещать начнет. Или овцу. Кто овчинами на полушубок его соблазняет. Только зря это! Берестышко высоко свою службу понимал:

— Я, — скажет, — милки мои, не вам и не

начальству служу. Я вашим внукам служу да красоте земли еще.

А чаще так говорил:

— У тебя одна мать, а у меня две...

— Как, то ись, две?— заудивляется порубщик.— Ты все притчами, Кузьма Лексеич, говоришь.

— А вот и не притчами! Ты до сивой кудри дожил, а она тебе и не вприметку, вторая-то мать, Земля-то Зеленая...

И тут к такому разговору подойдет.

Родная мать, мол, песенки над твоей колыбелькой пела, сладким молоком вскармливала, имечко дала, русую головушку расчесывала. А стоило тебе сделать первый шаг, как вторая мать — земля ласковая — подошвки твои розовые целовать принялась. Первая в погремушку гремит, а вторая — голубую стрекозку тебе на мизинчик садит. Ты ее изловить, — а она — порх — и запела крылышками. И поманила тебя...

«Иди-ко, голубок, гляди-ко, голубок... много див у твоей Зеленой Матушки про тебя наготовлено. В грудку — дыхание свеженькое, сквозь цветы да мяты процеженное. Животу да язычку-лакомке — земляники, малины и любой сладкой ягоды, глазам — жаро-птиц, полянки лесные, ушам — соловешек звонких».

Кропят твою полову ее чистые дождички, мужаешь ты под ее резвыми громами, растешь, крепнешь, зорче становятся твои глаза...

Вот у первой твоей матушки и морщинки на лице обозначились, и седые струнки по косам потянулись, а вторая, что ни год, все моложе да красивей перед глазами твоими является. Цветет она лугами, зеленеет лесами, порхает красной птичкой, снует веселой рыбкой. Солнышко, звёзды и радуги ее охоращивают, синие ленты рек ее украшают. И все это — от голубенькой стрекозки до устыдчивой молоденькой апрельской зорьки — все это на усладу да радость твою цветет у Зеленой Матушки.

Придет час: не пустобайкой зазвенят в тебе петье, перепетье слова — «Мать-земля, моя родина» — присягой зазвенят. Притронется чуткими, тайными крылышками к душе твоей тихая радостная боль, и двум матерям станет биться твое сердце. Обидят которую — в бой пойдешь! Согрубят им — ты заступничек! На красоту и счастье ихнее кто замахнется — ты того за руку схватишь, затиснешь ее, остановишь!..

А надо — и кровь, и жизнь отдашь.

— Вот какие у меня матери, голубок!

Порубщику после такого разговора и дар речи закупорит. Слюнявит он Берестышков химический карандаш об затверделый свой язык и расписывается. А Берестышко приговаривает:

— Лес — он, голубок, в гимназию не ходил, а денежку пересчитает.

Это значит: жди порубщик штрафа. Не кабанчика, а пару на базар вези...

Совсем потерял покой Берестышко, когда война гражданская началась. Тут под шумок, многие коз да лосей стали бить. В некоторых семейках на года лосиною да козлиною мяса насаливали. Все погребка кадками уставлены.

Безвластье! Колчаку-то — ему разве об лосе сердце болело? Корона мерещилась... Лесники уж по году и больше жалованья не получали. Обходы свои побросали, да кто во что горазд. Один Берестышко не попустился. Однако и он... Видит, что вытворяется, — а управы не сыщет. Всплеснет только руками да приговорит:

— Посиротят землю! Совсем с ума посходил народ...

Над ним подсмеиваться примутся:

— Людей вон бьют. Брат на брата, сын на отца поднялись, а ты все об своих рогальях стонешь...

— Сам ты рогаль! — рассердится на такого мудреца Берестышко. — Рогаль и костяная башка притом... Потому что без соображения!.. Брат на брата поднялся. У них, у братовой, по винтовке в руках, да у каждого по своей правде-неправде за душой! А зверь как к этому причастен? Он безоружный, кроткий — губи его, бей! Эдак-то ты его своим внукам на картинке только будешь показывать. Водился, мол, такой зверь, да весь вышел.

— И что ты все о наших внучатах соболезнуешь?.. Какая тебе забота об них? — задосадует «костяная башка».

— А та забота, голубок, что из-за внучат наших полземли сегодня в огнях горит, в громах гремит. А ты, со своим соображением, под эту заваруху вместо живого радостного зверя картинку ладишь им в наследство оставить.

И запала Берестышке в голову одна мысль. Раз приходит он к местному учителю, просит:

— У меня, голубок, почерк плохой... В солдатах грамоту одолевал... А про такое

дело писать надо разборчиво. Напиши-ка мне две копии. Одну отошлю, а другую беречь буду.

— А кому и куда писать?— спрашивает учитель.

— Пиши Ленину. По всему видимому, не колчаки да денкины, а он нашим хозяином будет. Он вроде землю русскую не на рубли оценивает. Ему до сердца достанет. Кроме того, есть у меня думка... Ну да пиши!

Сейчас, конечно, слово в слово не вспомнить мне это письмо, ну, а слышать много раз приходилось. Берестышко по первости многим его прочитывал.

Вот, значит, и диктует он:

«Товарищ Ленин! Докладывает вам обходчик четвертого Веселогривского обхода Пятков Кузьма Алексеевич, известный по народу Берестышко. Большие беспорядки творятся в наших местах. Колчакская армия служить не желает и неудержимо дезертирует в леса. Сколько ее по Сибири засело — точно не скажу, а только каждая деревня свое дезертирское стойбище имеет. И нет мне с ними, с дезертирами, никакого сладу и управы. Беспощадно и бессердечно губят они дорогого русского зверя — лося и козу. А кроме того, есть еще люди, которые ни властей, ни совести не чувят и тоже бьет лося. Такое дело выходит, что переведется в русском лесу всякая сказка.

Есть у меня одна думка... Цари, короли да султаны страшных хищников в своих державных гербах чеканили. Двуглавых орлов, львов, зверояростных драконов... Твоя новая держава мир всем народам объявила. И ей ни к чему в свой герб кровожадного зверя рисовать. Нельзя ли было бы, товарищ Ленин, поместить туда кусочек леса и лосиную голову с распростертыми вверх и в стороны рогами. Они обозначали бы там красоту, силу, богатство, миролюбивость и сказку земли нашей русской. Пусть бы тогда на смелился кто стрелять в зверя, который в герб державы вчеканен».

Узнал про Берестышково письмо народ. Некоторые смеяться над ним стали:

— Видал, чего уподобил?.. Лось — князь ему сибирский! Самое по ленинскому вкусу. Он князей, сказывают, страсть обожает.

Кто-нибудь к этому присовокупит:

— Ему сейчас самое время лосями заниматься да козами еще... Всю мировую буржуазию на произвол судьбы бросит, фронта оголит — спасай лосей, комиссары!

Третий так рассудит:

— Ить жа и придумает!!! Замест, значит, двухглавого орла — двухрогого лося!.. Рогатой державой чтоб Расею звали?..

Берестышко бумаги за пазуху засунул, да ходу. Когда отбили от нас Колчака, ото слал он свое письмо по адресу. Дошло оно или нет—об этом не скажу. А только вскорости появился Декрет. И было в том Декрете сказано, что лось и коза по всей нашей земле объявляются заповедными зверями. И чтобы никто не смел их трогать. Наказание даже было за это установлено. Под Декретом стояла ленинская подпись.

Прослезился Берестышко, как узнал про Декрет. С тех пор, как только кто заикнется об охоте на лосей, Берестышко сразу же руку за пазуху, достает Декрет:

— Теперь вы у меня замрите и затихнете!.. Узнаю, кто пошевелил лося или козу, — лично под берданкой в РИК отконвоирую. Мне теперь сам Председатель Совета Народных Комиссаров земной брат.

Запокрывали косматые души.

Х

К тому времени, с которого рассказ начался, в лесной Веселой Гриве появился еще один поселок. Прибыли туда электрические и бензиновые пилы, и квартал за кварталом начали они оголять Веселую Гриву

— Лесок что надо! Не лес, а звон!— поговаривали заготовители.

Берестышко все реже и реже навевывался в свою любимицу. Старый стал. Сидит, силит он, бывало, на завалинке, вздохнет вдруг и сквозь грустную улыбку проговорит.

— Падет на Веселой Гривушке последняя лесинка, а там и мой черед. Вместе умрем...

Однако он только говорил так. А по веселью да выдумке мог любого молодого за пояс заткнуть.

Раз как-то, поближе к новому году, зашел к Берестышке совхозный комсорг Боря Калининников. С тех пор он и зачастил к нему. Заберется к Берестышке в избушку, и до позднего ночного часа не гаснет там свет. Глину какую-то в ведерках к нему таскает, холстину, бумагу, краски. Всем, конечно, любопытно стало, что за секретно-тайные дела комсомольский Борин задор с Берестышкой свели. Первые сведения от ребятшек поступили.

Лепит будто бы Берестышко из глины ка-

кие-то черепа, распаривает в печи молодые осиновыя колышки, спускает с них кору и плетёт из нее не то корзинки, не то картузы. А Боря — тот вовсе несуразным делом занялся — лосиные рога бумагой обклеивает. До того они этой работой увлеклись, что Берестышко за полторы недели ни одной сказки ребятишкам не рассказал. Не удавалось даже подслушать — какие он с Борей разговоры ведет.

А разговоры были:

— Придет ли он? — сомневался Берестышко.

— Обязательно! — уверял его Боря. — Ни одного праздника не помню, чтобы Филька до конца не высидел. Наденет кавалерийскую шинель и красуется в ней. Он — что? В кавалерии служил?

— В ней... Только в конюховом звании. И на фронте от лошадей не отступился. А шинель эту, офицерскую, он уж после войны себе справил. Куда в чужое место едет — обязательно ее надевает. При военной шинели да при фуражке и ноздря за фронтовую славную рану сходит.

Одно утро вывесил Боря около совхозного клуба большой фанерный щит. Снежинками, елочками, разноцветными ленточками он расписан. В правом углу здоровенное румяное, с хитро ушуренным глазком лицо деда Мороза нарисовано. Держит он перед собой микрофон и громко всех через него оповещает:

«В клубе состоится новогодний бал-маскарад».

Недели две он одно и то же перед микрофоном твердил, до самого новогоднего вечера.

Народу набралось столько, что пришлось Боре в кинозале сиденья отвинчивать. Танцевать негде стало. На бабушек не рассчитывали, а они идут и идут. Свою-то молодость за прялкой просидели — хоть на чужую порадоваться. В штапельные платья принарядились, полушалки из сундуков вынули.

Все шло своим чередом. Играла музыка, танцевали, играли, скоморохи раздавали билетки на счастливый выигрыш. Наступило время маскам показаться. Первым «узбек» на ишаке выехал. За ним «самоходная копна» показалась. На самой ее макушке дедушка с бабушкой сидят, ножки в сапожках свесили. Дедко в балалайку наяривает, бабка голосистые частушки выдает. А сол-

даты — Василий Теркин, Иван Бровкин и Максим Перепелица — вприсядку под эту музыку ударили. Баба-яга вокруг них захала. А Дон-Кихот все под ручку ее подхватить норовит. Веселья образовалось, смеху!..

— Ай да Боря! — кричат. — Удружил!.. Славнецко!

А его и не видно.

Когда поутихло немного, показались на сцене еще две маски. Лось с дикой козлушкой вышли. У лося, как то и положено, выгнутая морда, длинные губы и большие двадцатигодовальные рога. Одна нога в осиновый лапоть обута, вторую, забинтованную берестой, на весу несет. По бересте кровь подкрашена. Опирается он на осиновый костыль, а сам к народу приглядывается. У козлушки из бересты лапотки... Тоже раненая... Переднее копытце на таловом лычке висит. У каждого по берестяному плакатику на груди. На козлушкином написано «ИЩЕМ», а на лосевом — «БРАКОНЬЕРОВ».

Тяжело идут звери, прихрамывают, туда-сюда головами ворочают. Удивляется народ на лося. Как это, думают, двухпудовые рога шею маскараднику не сломят. Щупать их давай... На щелчки пробовать. Как по картону звук.

— Да они бумажные!.. — кричат. — Это Боря снарядился! — догадываются.

Филька издали-то ощерялся стоял, а когда подступили к нему звери — не по себе молодцу стало. Хоть с маскарада беги! И попятиться некуда. А они в упор на него уставились. Лось все отстреленное ухо под глаза ему подставляет. Народ сгрудился, смеются...

Вертел, вертел лось своим ухом да как вдруг выстрелит из хлопушки под самым Филькиным носом. Козлушка тут же вторую хлопушку насторожила.

— Руки вверх, варначина! — скомандовала она звонким Берестышковым голосом.

Фильке как током под локти ударило. Вскинул он руки и стоит во всей свей кавалерийской форме перед козлушкой. Дрожит пальцами... Побледнел. Арестуй его в этот момент козлушка, Филька не удивился бы.

— Ей-бо, не сам я их вверх скинул, руки-то, он, этот Берестышко, не прост человек... Хучь и в козлином образе, а гипмозгом и сквозь маску владеет.

Да. Не прост человек был Берестышко. Правильно ты, Филька, сказал. Когда умер он, со всего района съехались лесники проводить в последний обход своего старого товарища. Рыцарем леса, верным сыном Зеленой Матери назвал его старший лесничий.

Стреляли лесники над его могилой из ружей.

Поставили они на ней деревянный памятник с красной звездочкой наверху. Таких много над солдатскими изголовьями.

И обсадили лесники Берестышкову могилу деревцами... Растут деревца. Тихо лепечут листочками березоньки и тополинки, шуршат колючими лапками елочки.

Палетит Ветер-Полесовщик, взъерошит

им макушки, завихрит, заозорует, шуму наделает.

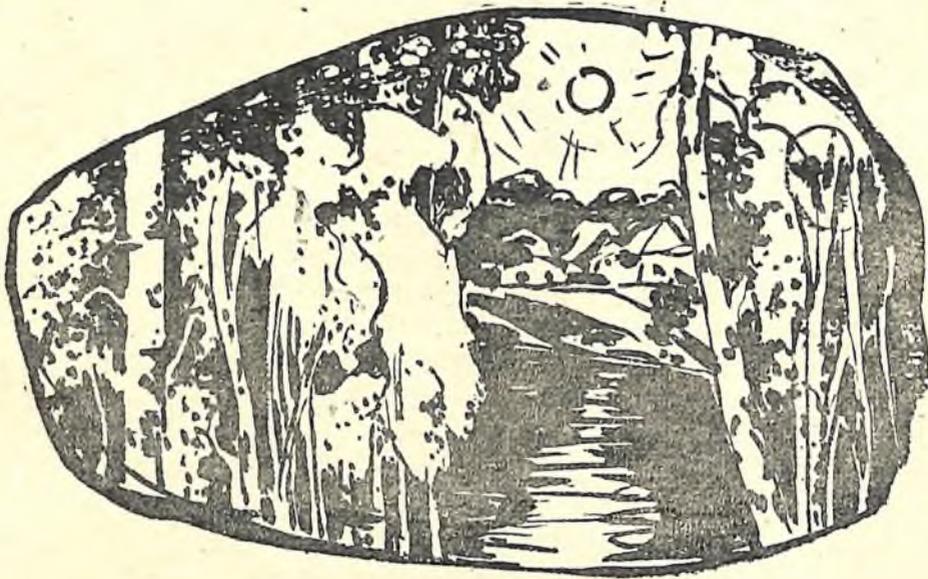
— Тише, Ветер, тише... — унимают его деревца.— Здесь спит Берестышко..

В лесной Веселой Гриве между тем от каждого пня выметнулись к солнышку тоненькие, по молодости лет, березки.

Зеленеет Веселая Грива. Весь день звенят в ней, не умолкая, ребячьи голоса.

А я хожу и смотрю на ребяташек. И хочу угадать нового Берестышку.

«Кто?.. Который?.. Чей мизинчик облюбует голубая стрекозка? Не этот ли вот, по пояс вымокший в луже, с носом скворешенкой, промнет потом тропки в новых веселогривских лесах? Или тот, не по-детски серьезный и любопытный, который больше всех одолевал Берестышку расспросами? А может быть, ты?..»

Пионеры,
Друзья мои, ленинцы!
Ваша жизнь еще впереди.
Я горжусь,
Что горит и пенится
Красный галстук
На вашей груди.
Красный галстук —
Частица знамени,
Под которым
Ходил я в штыки,
Строил домны,
Роняя на камни
Капли пота, как пятаки.
Вот выходишь ты утром росным,
Пред тобою просторная даль,
За деревней товарищам взрослым
Помогаешь ты снять урожай.
Ты садишься на трактор смело,
Я перечить тебе не хочу,
Потому что любое дело
Будет скоро тебе по плечу.
Взгляд твой ясен, пытлив и отточен.
С громкой песней на юных устах
Ты несешь на постройку рабочим
Нефтепровода «Дружба» металл.
Пионеры, друзья мои, ленинцы!
Вы уже
На пути большом.
Я горжусь,
Что над вами пенится
Кумачового знамени шелк.

Горбится кедр
Над сонной водой,
В омут глубокий
Уйдя бородой.
Ею играет
Тихоня-карась.
Кедр бородою
Мотает, сердясь.

Только не в силах
Он рыбу унять,
Бороду грозно
И важно поднять.
Так и висит он
Над тихой водой —
Жилистый старец
С седой бородой.

Звериные тропы

В седом урмане,
Где нет людей,
Лежат тропинки
Лесных зверей.
Бегут по янгам,
У зыбких мест,

Где лось пугливо
Лопушник ест.
Сплетая кольца
У лисьих нор,
Спешат тропинки
До рек, озер.

Честь Класса

Зазвенел долгожданный звонок. Тамара Ивановна встала, и все сразу тоже вскочили со своих мест.

— Ребята! На минутку задержитесь! — вдруг закричал Мишка Елисеев, председатель совета отряда.

— Чего еще там? — недовольным тоном крикнул Сашка Сергеев. — Потом расскажешь!

— Тише ты! — толкнул его локтем Костя Марченко, и Сашка нехотя сел на место.

— Ребята! — начал Мишка. — У нас в школе проводится декадник по сбору металлолома. С завтрашнего дня. Все классы соревнуются — кто больше соберет. Победителям будет вручена премия — радиоприемник...

— Какой? — перебил Владик Ковалев.

— Хороший! Времени мало. Если мы не хотим отстать, то должны сразу включиться. Предлагаю завтра же после уроков провести первый воскресник...

— Лучше в воскресенье! — крикнул Сашка Сергеев. — Прямо с утра!

— Верно! Давайте в воскресенье! — поддержал его кто-то с задних парт.

— Проработаем целый день и завоюем первое место, — важно сказала Галя Воронина.

— И премию! — крикнул Костя, и все засмеялись.

— Значит, договорились! В воскресенье, в девять часов! Сбор на школьном дворе! Не проспите! — Мишка даже охрип от крика.

— Ладно!

— Придем!

— Сам не проспи!

Три дня пролетели незаметно. Утром в воскресенье, без десяти минут девять, Костя зашел за Владиком. Тот уже надевал пальто.

— Идем, — угрюмо сказал Владик. — Какая погода сегодня! Можно было бы свободно футбольный матч организовать. Эх, и набили бы голов этим воображалам из соседнего двора...

Друзья быстро добежали до школы, но во дворе никого не было.

— Неужели опоздали? Неужели они ушли без нас? — удивленно сказал Костя.

— Еще чего выдумал! — рассердился Владик. — Это мы бежали, как сумасшедшие, а они спят еще. Или просто забыли...

— Ну да! Как же это все сразу могли забыть?

— Так ведь это давно было. В среду Мишка объявил. Три дня прошло. А вчера никто не напомнил.

Но вот друзья увидели три знакомые фигуры.

— Идут!— радостно крикнул Костя. — Мишка, Галка и Петька! А где же остальные?

— Какой ты недогадливый,— усмехнулся Владик.— Больше, как видишь, никого нет!

— Больше никого,— дрогнувшим голосом повторил Костя и закричал, обращаясь к Мишке Елисееву:— Это ты, ты виноват! Нужно было вчера еще раз объявить! Переизбрать тебя из председателей надо!

— Так ведь договорились...— оправдывался Мишка.

— Улыбнулась наша премия,— грустно сказал Владик.— Теперь займем первое место с хвоста. Уже половина декадника прошла...

— Хватит хныкать,— вмешалась в разговор Галка.— Идемте собирать! Пусть им будет стыдно!

— А что мы сделаем впятером?— равнодушно возразил Петька.— Ясно, все забыли. Я тоже забыл, если бы за мной Мишка не зашел... Пошли лучше по домам.

— Все равно давайте работать,— настаивала Галка.

— «Давайте, давайте!» — вдруг рассердился на нее Владик.— Заладила, как сорока. Чего мы впятером соберем! Лучше завтра после уроков.

— Раз пришли, то пойдем,— решительно сказал Костя.— А вдруг мы много найдем, больше всех... Какой-нибудь станок старый, или рельс...

— Пошли.— Мишка взялся за большую тачку, и они двинулись в ближайший двор. Владик шел сзади и ворчал:

— Клад какой-то хотите найти, гору целую железа... Так вас и ждут. Тут давно уже все облазили...

И правда — в этих дворах, очевидно, не раз были сборщики металлолома. Ребята обошли пять дворов, стучались в десятки квартир и все равно за два часа не набрали даже полной тачки.

— Хватит с меня! Я иду домой!— решительно сказал Петька.— Совсем неинтересный воскресник и работать не хочется...

— Народу мало. Скука!— поддержал его Владик.

Мишка вздохнул:

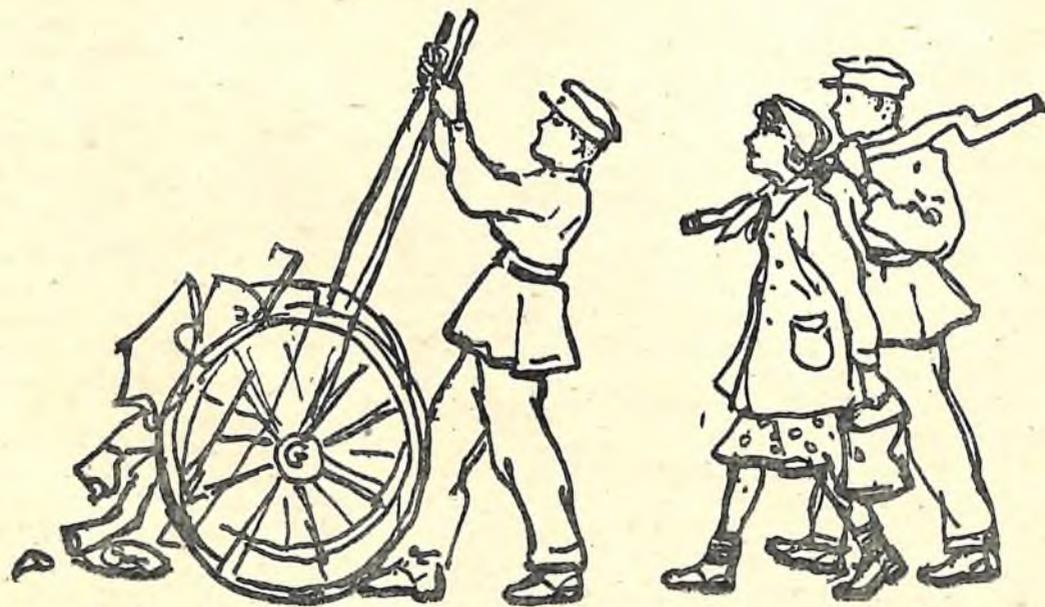
— Ну, ладно, ребята, по домам так по домам. Завтра будем разговаривать с теми, кто не пришел...

На следующий день, как предполагал Костя, все ребята вздыхали и с сожалением разводили руками. «Забыли»,— говорили они в один голос.

— Так мы с вами ничего не соберем!— горячился Мишка.— Будем на последнем месте! Позор на всю школу!

— Осталось только четыре дня!— поддержал его Костя.— Надо что-то придумать!

— Что тут придумывать!— рассердился Владик.— Нужно просто каждый день после уроков до самой темноты работать. Да не лениться ходить подальше. Вот и все!

— Это ерунда!— вдруг услышали все громкий голос Сашки Сергеева и оглянулись.

Сашка сидел, развалившись на парте, и насмешливо смотрел на споривших ребят.

— Я знаю такое место, откуда лом можно возить прямо грузовиками, — сказал он, — сколько хочешь, столько и бери!

— Где? Где такое место? Говори скорее!— закричали все сразу.

— Завтра скажу.

Ребята переглянулись. Все знали, что отец Сашки был директором завода, а уж там-то, конечно, полным-полно металлолома!

— С завода никто не разрешит брать лом, — неуверенно сказал Мишка.

— Это не твоя забота, — засмеялся Сашка. — Завтра приду и скажу куда идти. А сейчас пошли по домам — уроки ведь кончились.

Сашка взял портфель и вышел из класса. Все молча смотрели ему вслед.

На следующее утро перед уроками ребята то и дело выглядывали в коридор — ждали Сашку. А когда он вошел в класс, со всех сторон посыпались вопросы.

— Ну, как?

— Узнал?

— Договорился?

— Все в порядке! — гордо улыбнулся Сашка. — Сегодня после уроков, в два часа!

Необычайно длинными показались ребятам уроки в этот день — всем хотелось скорее попасть на завод.

После уроков сразу разбежались по домам переодеваться и обедать.

На этот раз на воскресник пришли все — с сумками, мешками, прикатили даже две тачки. Но Сашки Сергеева не было.

— Где же он? — волновался Мишка. — Скоро уже два часа, а до завода ехать сколько!

Наконец появился Сашка. В отличие от ребят он пришел без сумки и мешка, в своем новом коричневом пальто.

— Ты чего не переоделся? — спросил его Мишка. — Пальто испачкаешь.

— Ничего не испачкаю, — ответил Сашка. — Вам сейчас сюрприз будет!

— Какой еще такой сюрприз? — рассердился Костя. — Давай поехали на завод! Уже два часа! Ты брось дурака валять!

— Минутку терпения, — засмеялся Сашка. — Как будет ровно два, так все и увидите.

— Уже как раз два, — важно сказала Таня Онищенко.

И как бы в ответ на ее слова из-за угла с тяжелым ревом выехала огромная грузовая машина. Выпустив целую тучу сизого ядовитого дыма, она остановилась у школьных ворот.

— Вот вам и сюрприз! — крикнул Сашка и бросился открывать ворота.

Ребята посмотрели на грузовик и замерли: он был с верхом нагружен металлоломом. Да каким! Не ржавые ведра и лейки, которые занимали так много места, но ничего не весили, а тяжелые, солидные куски железа, обломки чугунных труб и даже старый многопудовый станок были на грузовике.

Машина въехала во двор, из кабины выскочили двое грузчиков и стали быстро разгружать ее.

Ошеломленные, ребята молча следили за ними, а Сашка о чем-то важно разговаривал с шофером.

Когда грузовик уехал, Сашка подошел к ребятам.

— Видали? — гордо сказал он. — Тут тонн пять будет! Больше, наверное, чем вся школа собрала!

— Вот здорово! — восхищенно воскликнул Петька. — Раз — и привезли! Не надо и таскать ничего!

— Это, конечно, хорошо, — вздохнул Костя. — Жаль только, что мы на завод не сходили. Хотелось посмотреть...

— Зачем на завод? — удивился Сашка. — В грязи копать? Тебе под нос привезли все, — а ты еще недоволен!

— Почему это недоволен? — защищался Костя. — Я очень даже доволен...

— Теперь нам первое место обеспечено, — сказал Владик. — И приемник тоже.

Мишка Елисеев нашел где-то палочку, воткнул ее в землю возле огромной кучи металлолома и прикрепил к ней записку: «Это металлолом б «в».

Через несколько дней на большой перемене в класс ворвался Мишка Елисеев.

— Ура! — закричал он. — Мы заняли первое место!

— А приемник? — спросил Владик, когда немного утихли крики восторга.

— И приемник наш! «Урал» называется. Он в пионерской комнате стоит!

И сразу же все побежали смотреть свой приемник.

Прошло несколько дней. Лом со школь-

ного двора давно увезли, ребята уже привыкли к званию победителей.

И вдруг разразилась гроза. Тревожную весть принесла Галка. Она вихрем ворвалась в класс и отчаянно закричала:

— Ребята! Скорее! Новую газету вывесили! Там про нас!

И такой у нее был испуганный вид, что все сразу бросились на второй этаж, где висела школьная газета.

Владик быстро просматривал одну заметку за другой. Не эта, не эта, тоже нет... «Липовое первенство!» «...Шестой класс «в» завоевал первенство и получил премию. Но

это несправедливо! Ведь металлолом они не собирали, а отец Сергеева отдал с завода. Тот металлолом государственный. Завод должен был сдать его бесплатно...»

Какой позор! Позор на всю школу! Владик взглянул на ребят. Они молча читали заметку.

— Вот так так,—прошептала Галка. — Никакие, выходит, мы не победители...

— Не имеют права отобрать у нас приемник! — громко сказал Петька. — Металлолом мы сдали и все! Мы напишем опровержение!

— Ну и дурак! — крикнул ему прямо в лицо Костя. — Опровержение! Все правильно здесь написано. Мы сами виноваты. Развесили уши, слушали Сашку, работать не хотели!

В спор включились все ребята, поднялся страшный шум. Наконец какой-то старшеклассник прогнал их от газеты, и они ушли в конец коридора.

— Я не согласен! — снова начал Петька. — Не отдавать премию.

— Эх ты, только о премии думаешь, — Владик покачал головой. — Написали про нас правильно. Этот лом государственный, мы вроде украли его и государству же продали. А деньги получили. Разве так можно? Какие же мы пионеры тогда?

— Верно! — сказал молчавший до сих пор Мишка Елисеев. — Первенство у нас в самом деле липовое. Опозорились! За легкой победой погнались...

— Ну, а чего... — начал было Петька, но тут на него так закричали, что он замолчал.

— Я вот что предлагаю, — сказал Костя решительно. — Пойдем сейчас все вместе к директору и скажем, что заметку признаем правильной, от первого места и приемника отказываемся! Вот и все!

— Нет, не все! — крикнула Галка. — Мы должны собрать сами столько же металлолома, сколько Сашка привез, и сдать его бесплатно!

— Верно! — обрадовался Костя. — Хорошо придумала! Идем же к директору...

Почти целый месяц ребята классом собирали металлолом, и все никак не могли закончить. Очень уж много тогда на грузовике привезли.

Сам Сашка сначала обиделся и не пошел собирать металлолом. Но это только один раз.

На другой день он, как ни в чем не бывало, пришел на воскресник и работал вместе со всеми.

А когда работа была закончена, Мишка на большой перемене подошел к столу и сказал:

— Ребята, внимание! Сбор металлолома мы закончили. Собрали столько же, сколько было в той машине. Даже на двадцать килограммов больше. Мы исправили нашу ошибку.

— А все-таки жалко приемник, — громко сказал Петька и вздохнул.

— Ничего, — засмеялся Владик. — Скоро будет еще какой-нибудь декадник, и тогда то уж мы обязательно завоюем первое место! Не горюй!

И всем вдруг стало легко и весело.

Все дело нам портил Генка. Лучшему из седьмых классов директор обещал экскурсию на пароходе в областной центр, и мы подтягивались изо всех сил. Генке же не было никакого дела до товарищей: почти каждый день в дневнике двойки. И парень как будто способный, и лентяем назвать нельзя, а вот увлекся — даже стыдно сказать — лягушками, ящерицами, ужами, разным гадьем, и уроки некогда учить. То у Генки в банке лягушачья икра, и каждый день, захлебываясь, он рассказывает, как из икринок вышли головастики, как у них исчезли хвостики и появились ножки. То зовет посмотреть ящерицу, которая в его руке оставила часть хвоста, а теперь он снова отрастает. То уверяет,

что у него живет какая-то необыкновенная жаба...

— Завел бы ты лучше белку или ежика, чем с этой дрянью возиться! — не раз говорили ему, а Генка только смеется:

— Кому что нравится!..

Когда же он достал атлас с цветными рисунками земноводных и пресмыкающихся, то совсем с ума сошел, только и разговоров что о змеях.

Однажды Генка весь урок читал под партой какую-то толстую книгу и, как следовало ожидать, схватил очередную двойку. За это на перемене здорово попало ему от старосты Лены:

— До каких пор ты будешь класс подводить? Опять в хвосте из-за тебя плетемся!..

— Не сердись, Ленка, двойку я исправлю, это пустяки. Если бы ты знала, какую я книгу достал!.. Зачиталась бы!..

Не слушая возражений старосты, Генка подошел ко мне и бросил на парту книгу с золотым тиснением — «По Индии».

— Всю ночь читал, не мог оторваться. Посмотри!..

Он раскрыл книгу, и я увидел на цветном рисунке кобру с коричневыми разводами вдоль спины. Голова змеи высоко поднята, возле нее стоит со смуглым лицом и черными волосами факир. Окруженный зрителями, он играет на дудке, а змея в такт музыке изгибает свое тело то в одну сторону, то в другую.

— Это кобра «танцует» под дудочку.

— Интересно!— говорю.

— Еще бы!.. И знаешь, чтоб заставить кобру «плясать», надо (это я наизусть выучил!) «извлечь особой высоты, ритма и тембра магические звуки. Услышав их, змея сразу же покоряется их волшебному действию...»

— А если факир перестанет играть?

Генка снова продекламировал:

— «Тогда кобра выходит из плена очаровавших ее звуков: начинает злобно шипеть и кусать протянутую к ней руку факира».

— Как кусать?.. Я слышал, от ее яда люди умирают?

— Верно. Но ядовитые зубы кобрам вырывают.

— Послушай, Генка,— после некоторого раздумья говорю ему,— может быть, и наши змеи могут так же «плясать»?

— Наши?— повторил он, удивленно посмотрев на меня.— И как это до сих пор мне в голову не пришло? Обязательно попробую!

— У него запляшут!.. Он и сам-то на факира похож,— сказал кто-то из подошедших ребят.— Смотрите, какой чернявый!..

Так и прозвали с тех пор Генку Факиром.

На другой день я сидел дома и читал книгу. Вдруг с шумом ворвался Факир. В руках у него была стеклянная банка, в которой извивалась крупная коричневая змея.

— Смотри, поймал! Теперь наловлю несколько штук и буду дрессировать.

Я с завистью посмотрел на Генку:

— И я, научи меня!

— Ну, выйдет из тебя толк!.. Это, брат, опасно, не каждый может! Возьмешь неумело — и укусит!..

Он так красочно рассказывал о риске, которому подвергался при ловле, что можно было подумать, будто змей ловят только герои.

В это время вошла мать, бидимо слышавшая из соседней комнаты наш разговор. Увидев змею, она пришла в ужас:

— С ума сошли!.. Живо убирайте эту гадость!

Когда Генка ушел, она строго-настрого наказала мне не притрагиваться к змеям. После этого у меня и правда как-то пропал весь интерес Факир же — упрямый, как его вихор, — решил задуманное дело довести до конца.

Через несколько дней Генка сказал мне, что поймал еще двух змей, и под секретом добавил:

— Скоро они у меня плясать будут, тогда придешь, посмотришь. Вот и дудочку сделал!..

Спустя неделю, он с таинственным видом сообщил:

— Уже начинают поднимать головы под дудочку. Хочешь посмотреть?!

Мы пошли за сарай, где в бурьяне Факир спрятал ящик со своими «дрессированными» змеями. Он снял крышку, и свернувшиеся в клубок гадюки подняли головы без всякой дудочки. Глаза их злобно поблескивали. Невольно я отшатнулся.

— Эх, ты, трус!.. Я по несколько часов здесь провожу. Они меня уже знают. Смотри!..

Генка поднес дудочку к губам, слышалась странная музыка: звуки были то выше, то ниже, то ускорялись, то замедлялись. Не отрывая дудочку ото рта, Факир кивком головы указал мне на змей.

Я весь превратился в зрение.. Вот-вот сейчас змеи поднимут головы и начнут раскачиваться в такт музыке, как это я видел на картинке. Но змеи по-прежнему злобно шипели. Одна из них, развернувшись, пыталась по стенке взобраться вверх. Мне стало жутко.

— Ну, куда ты лезешь?. Назад!..

Генка нагнулся и протянул руку, чтобы коротенькой палочкой отбросить гадюку от стенки, но в этот момент поскользнулся и, чтобы не упасть, непроизвольно оперся правой рукой о дно ящика. В тот же момент он испуганно вскрикнул: на его указательном пальце я увидел выступившую капельку крови. Все было понятно.

— Не говори никому!— дрожащим голосом попросил Генка и начал высывать кровь из ранки.

Но яд в кровь все же попал. Дома Генку стало лихорадить. И когда я пришел к нему, взволнованная мать сообщила, что сын захворал: жалуется на боль в руке, тошноту. Она послала за фельдшером.

— Ты не знаешь, что с ним?— спросила она, позвав меня на кухню.

Я решил не скрывать ничего, так

как дело принимало серьезный оборот, и рассказал все, как было. Мать побледнела.

— Да вы, тетя Даша, не беспокойтесь,— говорю ей, — мы ранку высали!..

Но Генке становилось все хуже. Лишь через несколько часов после введения противоядной сыворотки обмороки, судороги и рвота стали проходить. Опухоли же и кровоподтеки исчезли только через три дня. И еще долго Генка чувствовал себя слабым, как после тяжелой болезни.

— Нет, не быть тебе факиром,— сказал я Генке, когда он выздоровел.— Работал бы ты лучше с нами на участке. Это и интереснее и полезнее. Пойдем-ка, посмотри, какую я кукурузу вырастил, красота! А у девчат капуста — еле поднимешь. На районную выставку повезем!.. И тебе советую: приканчивай со своими гадами, кроме вреда, от них ничего не дождешься!..

Скоро наши пути разошлись: семья Генки переехала куда-то на юг, и мы потеряли друг друга. Окончив школу, затем институт, я стал агрономом в родном колхозе.

Прошло много лет.

Как-то мне пришлось быть в Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства. Однажды, когда я возвращался в гостиницу, меня кто-то окликнул. Обернувшись, я с недоумением посмотрел на незнакомого смуглого человека моих лет. Он молчал, с его лица не сходила теплая улыбка, и весь он точно светился изнутри, а испытующий взгляд как бы проверял, я это или не я. Стал припоминать, где мог видеть этого южанина. Да ведь это Генка, Факир!.. Как водится, мы крепко обнялись, долго трясли друг другу руки, хлопали по

плечу. Я узнал, что он остановился в этой же гостинице, но служебная командировка его закончена и завтра утром самолетом он возвращается домой.

— Ну, как ты живешь?—спросил я, когда мы, спустя несколько минут, сидели в его номере.

— Хорошо... Учился в пединституте, окончил его, но учителем биологии не стал... Уехал в Узбекистан и там поступил на работу в Ташкентский государственный змеиный питомник...

— Разве есть такой?

— Да, целый городок!

— Что за нелепость?! Вместо того чтобы уничтожать змей, их кормят, за ними ухаживают... Какая от них польза?.. Наблюдения ведешь?

— Нет, отцеживаю из желез яд. Беру змею за нужное место и даю пальцами на затылочную часть. Змея скользкая, извивается. Бывали, конечно, и несчастные случаи. Страшней всего кобры. От их укуса человек умирает через два часа, если не ввести противоядие...

— Удовольствие небольшое, — говорю я.— И охота тебе рисковать?

Геннадий вспыхнул, покраснел, как это с ним бывало и раньше, но сдержался и, подавляя горячность, бросил:

— Пойми, ведь это не забава, не развлечение... Яд кобры применяется для лечения многих болезней. А из яда щитомордника и степной гадюки готовится противоядная сыворотка — та самая, которая и меня не раз спасала...

Увлекаясь все более и более, Геннадий рассказал, какую ценность представляет собой змеиный яд и какой огромный спрос на него у нас в стране и из-за рубежа.

— Так что,— заключил Геннадий,— я и сейчас, как в детстве, вожусь со змеями, но не с целью заставить их «танцевать», а чтобы получить средства излечения людей. Пусть и гады послужат на пользу человеку!..

Мы расстались. Я долго думал о друге моего детства—Факире и о том, как в ребяческих забавах иногда кроется зерно будущего призвания.

Лесной ЖИТЕЛЕЦ

Н. Смирнов

С шуршанием легким, почти неслышным, валится отмерший лист. В воздухе плавают прозрачные, тонкие, как нейлон, ниточки паутины. В такие дни рябчики любят кормиться на ягодниках. И уже невольно замедляешь шаги, надеясь увидеть юркую птицу. Лес бережет своих обитателей от чужого глаза, но если сдружиться с зеленым великаном, он расскажет много интересного. Лежит поперек ложка вывороченная с корнем сосна, а воображение рисует мутную, ветреную ночь, причудливых теней мельканье, стон, треск...

Ариехал я как-то к другу в отдаленную глухую деревеньку, чтобы провести у него отпуск.

Переспал ночь на сеновале и у речком чуть свет отправился в лес. Ружье со мной, патронташ. В одном месте встретился ручей, вернее его пустое русло, или—как называют у нас в Сибири—ложок. Решил исследовать его и отправился вдоль бережка. По сторонам осинник молодой. Рябины тоже много, смородины. Эти на особицу стоят, точно запачкаться о соседей боятся.

Надломилось дерево, рухнуло: получилось что-то вроде естественного навесного моста. Прошел я по нему на другой берег и враз наткнулся на лужайку, каких немало встретишь. Было здесь пустынно и тихо. Малинник разросся буйно, и теперь его ветви гнулись под тяжестью крупных, переспелых ягод. Почувствовал я тут себя Робинзоном, возрадовался: этакую красоту

нашел. Тронул одну ветку, другую, вдруг полосатое серенькое из-под ног швырк—и на дерево. Смотрю: бурундучок устался на меня глазенками, не мигнет. Нарочно не обращаю на него внимания, насвистываю хожу. Полосатик успокоился, спустился вниз и давай трудиться. Ветку малины нагнет и ягоды лапчочкой в рот себе. За щеками у него мешки специальные, он их набьет до полна, сбегает куда-то, ягоды высыплет и сейчас же возвращается.

Любопытно мне стало. Пошел я за бурундучком и увидел нору — незамаскированная даже. Понял тут: припасы на зиму готовит зверюшка. Дай, думаю, помогу, ведь старается трудяга. Набрал пригоршни ягод и сложил их возле норы. Бурундучишка прибежал, обнюхал малину, но не удивился,

а воспринял поступок, как должное. Перекатал ягоды в кладовую и не уходит, ждет, понравилось, видно. Делать нечего, пришлось включиться в работу. Полосатик до того освоился, что на руки себя брать позволял,— доверчивый оказался.

И к тому же лакомка большой. Потом я часто навещал его. Он как слышит шаги, так и мчится навстречу, заберется на плечи, карманы обшарит и уж обязательно гостинец найдет.

Только однажды в день отъезда пришел, а его нет. И нора сухой травой забита,— значит, в землю ушел. Удивился: к чему такая спешка, до зимы еще далеко.

Вечером поднялся ветер, нагнал острова туч и повалил снег. Да такой густой, как в декабре.

Нет, не ошибся лесной житель.

НА СТАРИЦЕ

Славка прибежал к Шахматовым задолго до рассвета. Не обращая внимания на заворочавшуюся на печи бабушку Лукерью, он сразу же полез на полаты, где посвистывал носом Федюнчик.

— Федюнчик, а Федюнчик! Вставай скорее! Тятка уже собрался на старицу... Да очнись же, засоня.

Федюнчик чуть приоткрыл глаза и уставился на друга, силясь сообразить, о чем тот ему толкует.

— Вставай! Тятка велел быстренько собираться. А то, говорит, припоздимся,— тормозил Славка,— он уже и коня запряг.

С постели поднялся отец Федюнчика, шумно зевнул и, шлепая босыми ногами, подошел к железной печурке. Он повозился с растопкой, чиркнул спичкой и, не зажигая лампы, стал разжигать дрова. Когда огонь в печке весело загудел и железные трубы, нагреваясь, звонко защелкали, он спросил у Славки:

— Что рано отец-то собрался?

— И ничего не рано, — ответил Славка.— День-то уже на брезгу. Пока доедем, светло будет.

— Шевелись, Федюня! Иван Антонович обещал доглядеть за тобой. По-

сле обеда и я к вам подъеду.— И, обращаясь к Славке, спросил:— А не зря оно будет, дело-то?

— Не должно,—уверенно, по-взрослому ответил мальчуган.— Дед Евсей ездил вчерась на старицу. Говорит, рыба сама за пешней лезет.

— Н-да-а. Ну что ж. Счастья вам и удачи... Не колейте зря. Нодью¹ изладьте. Федюня, возьми хлеба полушку да новые сподни надень.

Федюнчик уже с порога ответил:

— Ладно, знаю.

В ограде Бизиных всхрапывал запряженный конек, успевший закуржеветь после теплой конюшни. Иван Антонович привязывал к розвальням второй короб.

— Готовы, рыбаки?— спросил он у вбежавших ребят.— Что-то долго собирались.

— Можно ехать, тятя,— проговорил Славка, забираясь в короб.

— Э-э, постой! Принеси из завозни смолья.² А ты, Федюнчик, сбегай в избу за тулупом.

¹ Нодья — особый костер в лесу, на ночлегах.

² Завозня — сарай (сиб.). Смолье — смолистые дрова, лучины.

— Зачем тулуп-то, Иван Антоныч?— удивился Федюнчик.

— Не в гости собираемся — на старицу. День-то морозный будет. Глико, какой дым стоит, — пояснил Иван Антонович и, увидев сына, велел ему: — Клади смолье в короб. Туда же брось лопаты, пещни и подсачки..

На востоке чуть светлело, когда рыбаки выехали за ворота. Полозья скрипели в морозном воздухе. Было тихо. Дым столбиками поднимался из труб. Садился обильный иней. Дорога вилась между зарослей тальника, увешанного клочьями сена. Иван Антонович то и дело сбрасывал в короб крупные клочья сена и вскоре завалил ими ребят.

Когда выехали к рыбацкой избушке, на большую излучину старицы, увидели двух распряженных коней.

— Эге! Кто-то еще раньше нас прибыл,— проговорил старший Бизин.

— Это Шевелевы, — ответил Славка.— Давеча поехали, когда я за Федюнчиком бегал.

— Ну, ни чо!.. Места хватит. Давай-ка, сын, распрягать гнедка вон под той талиной. Все вроде затишка будет. Сено собери ему в один короб, а харчи снеси в избушку.

Со старицы доносился стук пещни по льду, звонкое шуршанье мелких ледяшек, кряхтенье мужиков. Гуркотил воздух, перекатываясь подо льдом.

Проваливаясь выше колен в глубокий снег, вышли на лед. Иван Антонович остановился и огляделся.

— Бей-ка здесь свою лунку, Федюнчик. А ты, сынок, вправо от него иди шагов на десять. Я налево пойду. Не забудьте лед из лунки хорошенько выбросить. Да шибко не мокните. Мороз сегодня будет знатный.

— Ладно, тятя. Не в первой—успокой отца Славка.

— И то!.. Начинайте.

Федюнчик был на старице всего второй раз (впервые он приезжал сюда со своим отцом в прошлом году). Но что и как делать — запомнил. Он ловко разгреб снег неширокой дорожкой в обе стороны от себя и принялся долбить пешней лунку-прорубь. Лёд под снегом был тонкий. Не прошло и десяти минут, как пещня провалилась в воду. Быстро выровняв края проруби и выбросив мелкий лёд, Федюнчик заметил какие-то светлые пятнышки, плававшие на поверхности воды. При слабом свете зари трудно было понять, что это такое. Мальчик снял рукавицу и цепко схватил рукой плавающий предмет, предполагая, что это осталась мелкая льдинка. Пальцы словно обожгло ледяной водой, и Федюнчик от неожиданности едва не выпустил из рук.. рыбку голову. Выброшенная на лёд рыба несколько раз подпрыгнула и замерла, схваченная морозом.

Мальчуган снова наклонился над прорубью и быстрыми движениями, хватая рыб за головы, стал выкидывать их на лёд. Пальцы закололо как иголками. Растерев их снегом, он сунул руки в теплые варежки и в тот же момент услышал восклицание Славки:

— Есть! Щучка... Еще одна!

— Осторожней, Слава. В пасть не пихни пальцы-то,— крикнул ему Иван Антонович.

Федюнчик опять увидел в воде несколько пятнышек и, уже не раздумывая, выкинул их на лёд. Но тут же в воде опять замаячили рыбы головы. Теперь было видно, как они высывались из воды и жадно дышали.

Запасы воздуха, оставшиеся подо льдом с осени, рыба расходует быстро, особенно, когда её много. К марту ей уже нечем дышать. Она задыхается и косяками идет к любой отдушине. Не

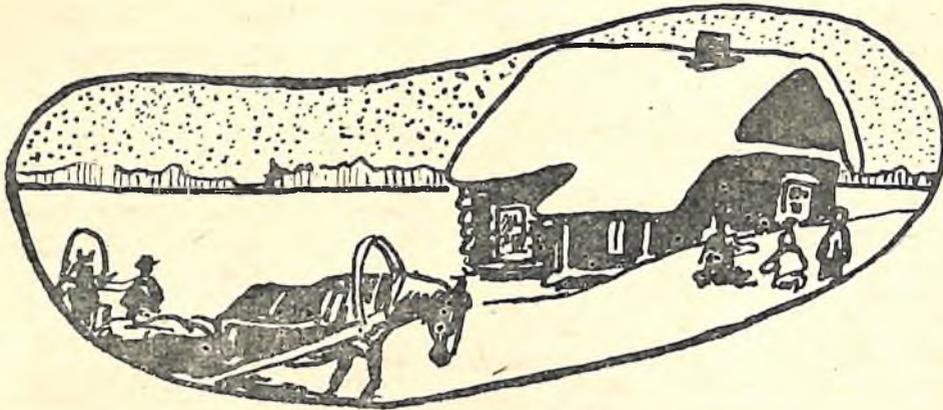
обловить зимой водоем — весной, когда вскрыется лед, все берега будут усыпаны дохлой рыбой. Этим и объясняется, что в замор рыбу можно брать из проруби руками.

Но такое бывает день, от силы — два. Потом, надышавшись, рыба не лезет в прорубь, да и воздуха в воде становится достаточно. На реке замора не бывает: там вода проточная, а вот на старицах и озерах — каждый год.

потом ничего, — и, показывая на прорубь, улыбнулся. — Ишь, как лезут-то.

— Ну, таскай, таскай. Как настынут руки — кричи. Нодью сладим да перекусим, когда рассветает.

На старице в разных местах уже чернело несколько десятков человеческих фигур. Со всех сторон доносились удары пшен и звонкий цокот ледяшек. А на берегу, возле рыбацкой избушки, то и дело слышалось: «Тпру-у!» Подъезжали новые рыбаки и торопливо шагали занять место.

— Ну, как там у тебя, Слава? — крикнул Иван Антонович.

— Да шуки все. Так и лезут. Одну еле вытянул, — отозвался тот.

— Иди на мое место, — позвал отец. — У меня чебак. По силе тебе будет.

К проруби Федюнчика первым подбежал Славка и, увидев довольно большую серебристую горку рыбы, воскликнул:

— Ух! У тебя подъязки. Сладкая рыба.

— Что, Федюнчик, не отморозил пальцы? — спросил Иван Антонович.

— Не... Сперва сильно закололо, а

Над старицей клубился туман от воды, дымки махорочных самокруток, слышались возгласы людей, стуки, ахи, охи, бульканье водяных пузырьков. С берега доносилось похрапывание лошадей и звяканье удил.

Бледное зимнее солнце взошло над горизонтом и, не поднимаясь высоко, покатилося над зарослями тальника. Легкий иней искристой дымкой висел в воздухе, словно пылью покрывая оголенный лед и людей.

Часам к одиннадцати Федюнчик почувствовал усталость и сильную ломоту в почти бесчувственных пальцах. Он хотел было пойти в избушку по-

греться и немного передохнуть, но тут же подумал:

«Скоро перестанет выглядывать. Надышится».

Подув на посиневшие пальцы и потерев их снегом, мальчик снова принялся за дело.

Через некоторое время язичные головы как-то сразу исчезли. Из воды высунулась пучеглазая щука. Федюнчик изловчился и, схватив щуку за глаза, выдернул ее на лед. Язя больше не стало. В это время Славка крикнул:

— Тятя, у меня язь пошёл!

— Вот и хорошс. А у тебя, Федюнчик?

— У меня теперь щуки лезут.

— Это подошёл новый косяк и отогнал язей. Осторожней, Федюнчик, ключие.

Вскоре подъехал на лошади отец Федюнчика.

— Ну как, сынок, дела у тебя?

— Смотри, сколько накидал, — едва прсговорил посиневшими губами довольный мальчуган.

— Э-э! Да ты, я вижу, вовсе замерз. А ну, скорее греться! — крикнул отец, поворачивая упряжь санями к проруби... — Надевай рукавицы да кидай рыбу в короб.

От частых наклонов, подъемов, взмахов Федюнчик быстро согрелся и веселее заглядывал по сторонам. Отец его наклонился к проруби и выкидывал из воды на лед шук. Горка рыбы быстро росла и, когда Федюнчик наложил полный короб язей, у отца уже было с полкороба щуки.

Возле избушки потрескивала небольшая нодья. Иван Антонович и Славка, уже нагрузившие рыбой оба короба, согревали у огня застывшие руки. Тут же было несколько ребятишек. Они рассказывали забавные истории и весело смеялись.

А к избушке всё подъезжали груженные сани. К трем часам дня последняя подвода поднялась на взгорье, и длинный обоз заскрипел по дороге к колхозу.

ВОЛК

на аркане

Е. Ананьев

Однажды серым зимним утром тринадцатилетний Мындчи Худи из ямальского колхоза имени Буденного ездил на оленьей упряжке по тундре, проверяя расставленные капканы. Несмотря на юные годы, Мындчи был уже опытным промысловиком. Как все ненцы, он с раннего детства ходил по охотничьим тропам, метко стрелял, умел так поставить ловушку, чтобы самый сторожкий зверь не заметил ее. Вот и сейчас в один из первых капканов попал белоснежный песец. Но остальные были пустыми.

Юный охотник продолжал осмотр своего угодья. Вдруг вдалеке он заметил движущееся темное пятно. Добыча! Но какая? Ясно, что не песец. Может, ненароком сунул ногу в капкан дикий олень?

Мындчи подъехал ближе. И увидел большого, старого волка, который всеми силами пытался вырваться из зажавшей его железной пасти. Еще немножко и сорвет волк легкий, «песцовый» капкан, уйдет с ним в тундру.

Увидев охотника, волк оскалится, с угрозой шелкнул зубами. Седовато-серая шерсть на нем встала дыбом. Он еще раз дернулся, да так, что капкан зашатался.

Как назло, ружья пра Мындчи не было, а с одним ножом мальчугану с волком не справиться. Что же предпринять?..

Нет, недаром называл себя Мындчи охотником и сыном охотника! Взгляд его упал на аркан (на Ямале его называют тынзян), с которым не растается ни один ненец. Нашел!

Тщательно прицелился, парнишка набросил петлю тынзяна точно на волчью шею. Затем туго затянул петлю, привязал конец к нарте. И погнал испуганных волком оленей домой.

Это была удивительная картина! Прямо к стойбищу во весь опор мчалась оленья упряжка. На нарте гордо сидел мальчуган в малице. А позади, на аркане, полузадушенный от бешеного бега, метался матерый волк!

Сильно хвалили в тот день Мындчи Худи. Даже старые охотники с уважением пожимали ему руку. А правление колхоза выдало премию: хорошего оленя.

С тех пор прошло уже немало времени. Мындчи заметно повзрослел, стал настоящим охотником. Но и сейчас, если в тундре говорят о нем, сразу вспоминают: тот, мол, самый, который волка на тынзяне привел.

**САМЫЙ
КРУПНЫЙ
В СТРАНЕ**

И. Давыдов

Самый крупный в нашей стране скелет мамонта находится в Тюменском краеведческом музее. Он был найден в 1885 году в обвале берега реки Туры близ деревни Решетниково, недалеко от Тюмени. Этот скелет — один из очень немногих в СССР полных скелетов мамонта, собранных из костей одной особи.

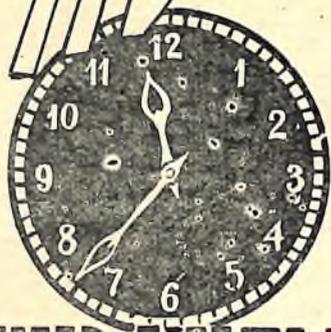
Отдельные кости мамонта, его бивни находят на территории Тюменской области до сих пор.

В 1952 году близ деревни Паренкино (Тюменский район) был найден череп очень крупного мамонта, который хранится сейчас в Тюменском педагогическом институте. Бивни мамонта встречаются в наших краях настолько часто, что в городе Тобольске развился и уже 250 лет существует народный художественный промысел — резьба по мамонтовой кости. До самого недавнего времени тобольские косторезы пользовались в основном мамонтовыми бивнями, найденными на территории области.

Наверняка многие из ребят помнят, что мамонты — это гигантские, похожие на слонов, обросшие густой шерстью животные, которые жили 10—15 тысяч лет назад, имели вес до 7 тонн, длину — до 5 и высоту — до 4 метров. Однако далеко не всем известно, что, кроме обычных, были еще и карликовые мамонты, которые вели такой же образ жизни, как и обычные мамонты, то есть питались растительной пищей, но размеры которых были намного меньше. В нашей стране имеется всего лишь два черепа таких мамонтов. Один из них хранится в Тюменском краеведческом музее.

На территории Тюменской области находят не только кости мамонтов. Здесь были найдены единственные в СССР полные скелеты ископаемого носорога и бизона. Оба скелета обнаружены недалеко от Тюмени, близ деревни Салаирка. Скелет ископаемого носорога найден в 1891 году, а скелет бизона — в 1894 году. Обнаружен последний скелет известным краеведом И. Я. Слобцовым.

Тюменские КУРАНТЫ

На здании Тюменского краеведческого музея через каждый час мелодично бьют куранты. Тюменцы уже привыкли к этому бою, не обращают на него внимания. Многие даже полагают, что эти часы — обычные, электрические, — и ничего особенного в них не видят. И лишь те, кто внимательно осматривал Тюменский музей, знают, что часы эти не электрические, что это старинные куранты оригинальной конструкции, каких в нашей стране считанные единицы.

Тюменским курантам больше ста лет. Они были сделаны в 1857 году механиком-самоучкой Алексеем Трусовым, крестьянином деревни Анохино Тюменского уезда. На промышленной выставке 1871 года, которая проводилась в Тюмени, Трусов был награжден за эти часы серебряной медалью.

Первоначально куранты Трусова имели бой четвертей, половины и полных часов, а также четырехкратный пятиударный перезвон через каждый час.

В период хозяйничанья колчаковцев в Тюмени ходовой механизм часов Трусова был частично разрушен, а система боя и колокола полностью уничтожены.

Часы стояли до декабря 1953 года.

В 1953 году часами Трусова заинтересовался пенсионер Алексей Григорьевич Галкин, работавший прежде механиком на многих тюменских предприятиях.

Восстанавливать часы было очень трудно, так как никакой схемы или описания их не сохранилось. Энтузиасту-краеведу Галкину пришлось самостоятельно, пользуясь только догадкой, восстанавливать схему часов, изготовлять одну за другой недостающие детали, шестерни, тяги.

Вся система передачи движения от ходового механизма к стрелкам была уничтожена. Алексею Григорьевичу Галкину пришлось заново конструировать и сооружать ее по собственной схеме.

Наконец, после восьми месяцев напряженного труда была пушена ходовая часть, и часы начали работать. Механик взялся за восстановление механизма боя, установил на крыше музея колокол. Вскоре часы начали отбивать каждый час. В настоящее время Алексей Григорьевич Галкин тщательно следит за правильностью хода тюменских курантов, устраняет в них все неполадки и восстанавливает их четвертной и получасовой перезвон.

Талантливому механику Галкину довелось восстанавливать еще одни часы, изготовленные в XIX веке Алексеем Трусовым. Только это уже были часы комнатные. Галкин отыскал их у одного тюменского старожилы в безнадежно испорченном виде и, постепенно изготовляя одну недостающую деталь за другой, восстановил всю ходовую часть и механизм боя.

Так через целое столетие один русский механик-самоучка восстанавливает и берегает для людей то, что сделал другой.

С. Верников

ПО СЛЕДАМ ЮНОСТИ ГЕРОЯ

9 февраля 1944 года в центре г. Львова, временно оккупированного гитлеровцами, из автомашины вышел человек, одетый в форму немецкого офицера. Пройдя несколько шагов навстречу группе гитлеровских чиновников, он выстрелами из пистолета уничтожил губернатора Галиции Отто Бауэра и начальника канцелярии президента губернаторства Генриха Шнейдера. Затем так же быстро он вскочил в машину и на виду у опешивших фашистов скрылся из города.

Это был бесстрашный партизан-разведчик, наш земляк Николай Кузнецов.

О его подвигах в тылу врага все ребята, конечно, знают из книги Д. Медведева «Сильные духом». Мне же хочется расска-

зать о том, как формировался героический характер Кузнецова — о некоторых моментах его детства и юности, которые до сих пор не были известны читателям.

Поезд подходит к Поклевской

...По поручению редакции я ездил в командировку в Тюмень и вечерним поездом возвращался в Свердловск. Поезд подходил к станции Поклевская.

Когда замелькали за окнами дома пристанционного поселка, я внезапно вспомнил о том, что здесь вот, в нескольких километрах от Поклевской, в Талице, прошла юность Кузнецова. И неудержимо захотелось побывать в Талице. Время у меня было крайне ограничено. Но все же выкроить несколько часов на остановку можно было. Подхватив чемоданчик, я заспешил к выходу из вагона.

...Уже было совсем темно, когда полупустой, тряский автобус, пробежав по мосту через реку Пышму, взобрался на косогор и остановился в центре небольшой площади.

Шофер автобуса, словоохотливый, широкоплечий паренек, соскочил на землю и, показав мне на уходящую вверх улицу, проговорил:

— В техникум, где учился Кузнецов, сюда. А памятник нашему земляку тоже здесь неподалеку, на площади.

Гордость за славного земляка-уральца звучала в его словах.

Такая же гордость чувствовалась в голосе пожилой библиотечарши лесного техникума Юлии Васильевны Чек. Она добровольно приняла на себя обязанности экскурсовода по маленькому музею, организованному при техникуме и помещавшемуся в небольшой комнате.

Экспонаты подобраны в нем тщательно и любовно, хотя их и не очень много.

Есть там, в частности, несколько воспоминаний, в которых одноклассники Кузнецова рассказывают, что с начала учебы в школе он был одним из лучших учеников. Эта репутация сохранилась за ним и в последующие годы учебы. Если учитель хотел провести громкую читку или перемножение цифр, то его выбор неизменно падал на Никошу (так звали Кузнецова в детстве).

«Бывало возьмет книгу в руки, сделает такой серьезный вид и говорит: Все равно буду инженером», — вспоминает соученица Кузнецова Александра Матвеевна Федюнинских.

Воспоминания говорят о незаурядной памяти мальчика, который еще в дошкольном возрасте выучил наизусть и охотно декламировал «Братьев-разбойников» А. С. Пушкина и «Бородино» М. Ю. Лермонтова.

В школьные годы любимыми произведениями Кузнецова были книги А. М. Горького. Никоша знал наизусть и любил читать вслух гордую «Песнь о Соколе».

Внимание мое привлекли две фотографии.

Вот одна из них: Никоша снят в полный рост. Весь он собранный, подтянутый. Как будто ощущаешь, как пружинят крепкие мускулы рук. Строг и внимателен его взгляд. Из-под картуза смотрят глаза мальчугана. Рядом на стуле сидит кто-то из товарищей Никоши, по виду его сверстник.

Но кто это сфотографирован вместе с Никошей, мой экскурсовод не знала.

На втором снимке был тоже снят Кузнецов, но уже постарше. Он был одет в типичную для начала тридцатых годов форму — юнштурмовку, перепоясан ремнями. Во всей фигуре чувствуется волевитость, подтянутость. На груди комсомольский значок.

...Мое время истекло, нужно было возвращаться в Поклевскую, на станцию, чтобы ехать в Свердловск.

Я вышел в сад из небольшого домика, где помещается мемориальный музей. Была ранняя осень. Полнолуние. Благоухали цветы, шелестела листва. В глубь парка уходили аллеи старых деревьев.

Позади меня послышался голос:

— Их видел Николай.

Поразительно, что слова старой библиотечарши отражали то, что я почувствовал

при виде чудесного, озаренного луною парка.

Да, эту красоту, эту незабываемую картину прелести родного края, увидев однажды, нельзя уже забыть никогда. И, думалось мне, где бы ни был потом Николай Кузнецов, он навсегда запомнил и таинственный шум листвы в старом парке, и серебристые переливы волн Пышмы.

В Талице, на площади на нагорье — памятник славному земляку. Лицо Кузнецова обращено на Запад, туда, где он, простой крестьянский парнишка, впоследствии совершал героические подвиги, которые долго еще будут изумлять и восхищать советских людей.

Поздней ночью шел я лесом от Талицы к Поклевской (автобусы уже давно ушли в гараж) и думал о том, что обязательно продолжу поиски людей, которые провели детство и юность с Н. И. Кузнецовым, знали будущего героя лично и могли бы рассказать подробности из его жизни. Однако прошло немало времени, пока мне удалось встретиться со сверстниками Николая Ивановича.

Когда шла к концу лекция

В один из осенних дней 1960 года, а точнее 12 сентября, я увидел в Свердловске объявление, гласящее, что сегодня вечером в клубе строителей имени Алексея Максимовича Горького партизанский врач из отряда Героя Советского Союза Дмитрия Медведева писатель Альберт Вениаминович Цессарский читает лекцию: «О подвигах партизан в годы Великой Отечественной войны».

Разумеется, я поспешил на лекцию. Из яркого рассказа Цессарского я узнал немало интересного о славных делах партизан, о подвигах Николая Кузнецова в тылу врага. Но, к сожалению, ни слова о том, что меня интересовало, о юношеских годах Николая.

В надежде узнать что-нибудь поподробнее от лектора, я спустился вслед за ним в кабинет директора клуба.

На мой вопрос Цессарский — не по годам стройный и подвижный человек — ответил с улыбкой:

— Я рассказать не смогу. А вот товарищ Прохоров, наверное, знает немало интересного. — И Альберт Вениаминович повернулся в сторону своего соседа.

Рядом с Цессарским сидел широкоплечий, пожилой, но еще очень крепкий человек. Он коротко представился:

— Прохоров Николай Константинович.

— Так вы из тех самых Прохоровых? — не выдержав, воскликнул я.

— Из тех самых, — степенно ответил мой новый знакомый.

Напоминаю юным читателям место из книги Дмитрия Медведева, где автор приводит слова Н. И. Кузнецова:

«Тем, что мне удалось доучиться, я во многом обязан семье Прохоровых. Эти чудесные люди много сделали для моего воспитания, я до сих пор благодарен им...»

Так вот, один из семьи Прохоровых, сверстник и школьный товарищ Кузнецова, сидел передо мной.

Но дела мои сложились так, что в тот же вечер я должен был уехать в Тюмень.

— Не можем ли мы встретиться через несколько дней, после моего возвращения из Тюмени, — спросил я у Николая Константиновича, когда мы втроем медленно шли по осенним улицам Свердловска.

— Конечно, можем, — ответил Прохоров и продолжал: — Но раз вы в Тюмень едете, то, конечно, можете встретиться там с Михаилом Никаноровичем Петровым. Это наш третий школьный товарищ — Николая и мой. Он где-то по педагогической части работает. Давненько с ним не встречались. Так что привет передайте.

В Тюмени

В этом большом, поражающем обилием зелени и новых кварталов городе найти нужного мне Петрова оказалось не столь уж сложным делом.

— Он заместитель директора педагогического института, — сказали мне в редакции «Тюменской правды».

Звоню в институт. Там отвечают:

— Да, работает, но сейчас в отпуске.

— Уехал? — волнуясь, спрашиваю я.

Несколько минут молчание. Видно, наводят справки. И потом:

— Нет, Михаил Никанорович не уехал еще. Вот его городской телефон.

Теперь звоню Петрову. И через полчаса поднимаюсь по неширокой лестнице двухэтажного дома на улице Челюскинцев.

Дверь открывает невысокий, полный человек. Это Петров. Узнав о цели моего посещения, Михаил Никанорович просит минутку подождать. Подходит к шкафу, достает оттуда что-то завернутое в газету, бережно разворачивает. Это большая групповая фотография.

— После окончания седьмого класса Талицкой школы снимались, — говорит Петров и показывает, — вот Никоша. Так звали Николая Ивановича в детстве.

Смотрю на фотографию. Она чем-то поразительно знакома мне. Достаяю из папки ту фотографию, что два года тому назад мне подарили в Талице. Да, конечно. Это фрагмент большой фотографии, частичка ее.

Показываю фотографию Петрову. Он подтверждает. Стоит Никоша Кузнецов. Рядом сидит на стуле Коля Прохоров.

— Конечно же, это Прохоров, — узнаю я в юношеском лице черты пожилого человека, которого я видел два дня тому назад в Свердловске.

А Петров, глядя на фотографию и как будто живее припоминая минувшее, говорит:

— Нередко в книгах, когда пишут о герое, непременно говорится, что уже в детстве он необычайно выделялся среди своих сверстников. Правда, мы с Никошей были сверстниками и мне трудно судить, насколько он выделялся в нашей среде. Мне кажется, что он был самым обыкновенным, таким же, как все.

— И все же, — продолжает Петров, — были уже тогда у Никоши черты, которые, когда думаешь о его подвигах, помогают понять характер этого человека.

Это, во-первых, настойчивость в достижении цели.

Никоша приехал в Талицу из расположенной в нескольких десятках километров Зырянки, где он родился, где прожили его родные.

В те годы в далеком, глубинном селе подготовка учащихся в начальной школе была намного слабее, чем в Талице, где был завод, техникум. Поэтому Кузнецову пришлось нелегко, когда он в 1924 году поступил в шестой класс Талицкой школы. Некоторое время он отставал.

Никоша очень переживал это. Он сказал, что все равно своего добьется. И добился. По всем предметам он догнал, а кое в чем и перегнал товарищей.

После окончания школы в 1936 году он год учился в Тюменском сельскохозяйственном техникуме, а через год снова перевелся в Талицу, где учились в то время Прохоров и я.

Петров далее вспоминает, что за время учебы в талицком техникуме ему запомнилось: Николай, все называли его Никошей, отлично успевал по черчению, а для лесоустроителя, к этой специальности нас готовили, — это имело немаловажное значение.

Никоша был одним из лучших и по военной подготовке. Помню, в лагерях, куда мы, студенты, выходили на учебу, его хвалил военрук.

Кузнецов всегда ходил в юнгштурмовке, затянутый в ремни, молодцеватый.

— После техникума наши дороги разошлись, — продолжает Петров, — после войны, читая книгу Медведева, я узнал о подвиге своего друга детства.

Мой собеседник как-то мечтательно улыбнулся.

— Вспоминаются сейчас и кое-какие эпизоды из детства.

На окраине Талицы, где поселок обрывается у леса, была небольшая поляна. Здесь мы играли в «бабки». И помню, что во всех играх принимал участие и Кузнецов. Никоша был очень метким. Его биток всегда попадал в цель. Кстати, биток Никоши был предметом зависти товарищей. Когда мы начинали учиться вместе (наверное, дело было в шестом классе), он все время носил свой биток в кармане.

Вспоминается и другое, как однажды мы ходили пешком из Талицы на экскурсию в Балаирское опытное хозяйство. На ночлег остановились в родном селе Кузнецова, в Зырянке. Спали в школе. А это как раз напротив дома, где жила семья Кузнецова. Мы ходили к ним пить чай. Там я познакомился с добрейшей женщиной, матерью Никоши, с его братишкой Виктором... Никоша был как-то особенно радостен, оживлен. И это понятно. Он не часто бывал дома. Обратно в Талицу мы шли по широкой степной дороге. Вдалеке зеленели перелески. Тихо шумели колосья пшеницы. И у всех у нас было радостно на душе. Пели песни. Что пели — не помню. Запевал звонким голосом Никоша.

Михаил Никанорович смолк. А потом проговорил:

— Жаль, что во время пожара погибли

у меня почти все фотографии. А ведь много их было. В Талице по соседству студент жил, фотолюбитель. Так он нас троих снимал. Рад, что хоть эта групповая осталась.

И мой собеседник осторожно завернул пожелтевшую от времени фотографию в газету и бережно положил ее на полку книжного шкафа.

Мне суждено быть молодым

— Именно с этих слов мне хочется начать свой рассказ о Николае Кузнецове, — сказал Николай Константинович Прохоров, которого я посетил, возвратившись из Тюмени в Свердловск.

— Когда вспоминаю о Никоше, то он стоит передо мной, как живой, на сцене клуба техникума — стройный, весь устремленный вперед. Кузнецов читает стихи:

Я вечно юн и вечно молод.
Мне суждено быть молодым.
Ведь на груди моей приколот
Железный знак несменный КИМ.

Эти строки, которые любил повторять Кузнецов, как бы передают характер Никоши, чувства и мысли, стремления, которыми он жил в те годы, когда мы вместе учились в Талице.

Упорство в достижении цели, решительность — эти черты характера воспитывал в себе Никоша с детства. О ком угодно другом можно было подумать, что он может заиграться и не подготовить уроков, но только не о Кузнецове. И на уроке он был внимателен, всегда готов к ответу. Бывало, учитель только объяснит новый материал, спросит, кто может повторить. И мы уже знали: первым поднимет руку Никоша Кузнецов.

Многие удивляются тому, как безукоризненно владел немецким языком Кузнецов.

Можно сказать, что способности к языкам появились у него еще в школе. Никоша буквально на лету усваивал правила, новые немецкие слова и выражения, был первым учеником по немецкому языку. В техникуме он так же успешно изучал этот язык.

Мы, Прохоровы — мать, Александра Васильевна, три брата, Михаил, Николай, Вениамин, и сестра Раиса — особенно хорошо знали Никошу. Ведь он с 1924 по 1926 год

(до момента отъезда в Тюмень) жил в нашей семье, в доме на окраине Талицы. В Тюмени Ника проучился год и снова вернулся в Талицу. Вся наша семья до 1929 года, пока Никоша жил в Талице, поддерживала с ним близкие отношения. В то время он жил у Масловых, а последний год, в общежитии техникума.

— Семья наша,— продолжал мой собеседник,— была дружная. Отец, Константин Иванович Прохоров, как и все в нашем роду, был рабочим, мастеровым человеком — кузнецом. Еще до 1917 года он примыкал к социал-демократам, к большевикам, участвовал в революционной борьбе.

Беседуя с нами в редкие свободные часы (в первые годы революции он почти не выходил из мастерских, готовивших оружие для фронта) отец говорил:

— Хочу, чтобы от вас всех польза стране нашей была. Вождь наш Ленин учиться всем, а особенно молодежи, велит. Помните эти слова.

Отец не дожил до светлых дней. Напряженная работа, переутомление сказались. Он тяжело заболел и умер в 1919 году.

Мы, дети, хорошо помнили наказ отца. Учились старательно, помогали по хозяйству матери. Хоть и трудно нам жилось без отца, но мать охотно приняла в семью Никошу Кузнецова, который, окончив три класса школы в Зырянке, а затем еще два в Балаире, приехал учиться в семилетку в Талицу.

Относилась мать к нему по-родственному, как к сыну, не делая никакой разницы с нами. А мы считали Никошу, как своего брата.

— Дружбой с нашей семьей Никоша дожил,— и Николай Константинович достает из папки фотографию, копию которой мне уже довелось видеть в Талице. Николай в юнштурмовке, через плечо портупея, в папаче. Фотография подарена семье Прохоровых Кузнецовым 24 июля 1929 года.

А вот еще снимок, он сделан через 12 лет. На обороте фотографии дарственная надпись, сделанная рукой Кузнецова:

«Александр Васильевне Прохоровой и всей семье на память от Ники с глубокой благодарностью, вспоминая о днях детства среди Вашей семьи. 6 сентября 1941 года».

Вместе с этой фотографией пришло письмо. Вот оно на столе. Истерлись на

сгибах страницы, чуть потускнели чернила. Но невозможно без глубокого волнения читать его строки. До настоящего времени это письмо не публиковалось. Когда Дмитрий Медведев писал книгу, он не знал о существовании письма Кузнецова к Прохоровым.

Вот его текст:

«Москва, 6 сентября 1941 года».

Здравствуйте, Александра Васильевна, Рая, Миша, Веночка и Коля! Думаю, что Вы не все вместе живете, как когда-то, но не зная адресов, решил написать Вам всем вместе, так как в моем представлении Вы все те же, что были много лет назад. До сих пор Вы не догадались, кто Вам пишет? Это я, Ника или Никоша, как Вы меня называли во время моего детства. А мне сейчас почти 30 лет, на днях исполнится. Через несколько дней я иду на фронт Великой Отечественной войны, кто знает увидимся ли когда-нибудь еще? Поэтому решил я, вспоминая свой пройденный путь и раннюю юность, написать Вам и выразить свою сердечную признательность всей семье Прохоровых, которая сыграла решающую роль в моем воспитании и ранней юности. Я убежден, что те хорошие зерна воспитания в детстве и юности, заложенные в меня в кругу Вашей семьи, сыграли в дальнейшей моей жизни решающую роль. За все это я Вам искренне благодарен.

Много событий произошло с тех пор в моей жизни. Есть что вспомнить, есть что рассказать, но подробно поговорим, если увидимся уже после победы над обнаглевшим врагом, который пытается осквернить нашу священную землю. Но не быть этому. Все бандитские армии Гитлера найдут свою бесславную смерть на нашей земле, в этом мы твердо уверены и готовы для выполнения этого отдать свои жизни. Правда на нашей стороне, и мы победим. Сейчас снова в Москве, работал в авиационной промышленности, а теперь зачислен в парашютно-десантные части РККА и в ближайшие дни отправляюсь на выполнение специального задания нашего Верховного Командования. Сейчас идет усиленная подготовка. Самочувствие прекрасное, могу Вас заверить, что горько пожалеют фашистские изверги о том, что пришли они в нашу страну. Пощады давать не будем! Больше писать о работе не буду, Вы сами понимаете, но могу заверить Вас, что каждая кочка, каждый куст далеко в тылу у

Прошу Прохорова рассказать о себе. Словоохотливый, когда дело касалось его легендарного друга, Николай Константинович очень скуп и скромно говорит о себе.

— В тридцатом окончил техникум, работал лесоустроителем. Был несколько лет заместителем председателя Талицкого райисполкома. Потом по решению обкома партии был направлен на работу в органы госбезопасности. Недавно по состоянию здоровья в звании подполковника уволен в запас.

И снова, как и в начале беседы, Николай Константинович припомнил строки любимых стихов Кузнецова.

— Мне суждено быть молодым. И действительно, и в моей памяти, и в памяти всех советских людей Николай Кузнецов останется вечно юным, вечно молодым...

В гостях у брата героя

В семье Кузнецовых было два брата: старший—Николай и младший—Виктор. В настоящее время Виктор Кузнецов живет в городе Свердловске, работает шофером автобазы Уралмашзавода. В один из воскресных дней я побывал у Виктора Кузнецова. Он охотно рассказал мне о своем брате.

После окончания техникума,— вспоминает Виктор,— Николай уехал в Кудымкар Коми-Пермяцкого национального округа.

Примерно через год я ездил к нему в гости и рассказал тогда об огромном размахе работ на Уралмаше. Николай загорелся мыслью поехать туда. К тому времени я уже работал на Уралмаше. Вскоре Николай приехал в Свердловск. Он стал работать в конструкторском бюро.

Работая на заводе, Николай одновременно учился в индустриальном институте и на курсах по изучению немецкого языка. Хорошая была у Николая языковая практика. Он много беседовал с немецкими специалистами, которые в тридцатые годы работали по договору на Уралмашзаводе.

Николай стал даже одеваться так, как иностранцы. Бывало идут группой немецкие инженеры и с ними Николай. Так его сразу среди них не отличишь.

Помню хорошо, что я еще как-то упрекал Николая, говорил ему, что он уже слишком общается с иностранцами.

Николай сначала рассмеялся. А потом, как-то сразу посерьезнев, сказал:

— Язык, видишь, хочу знать досконально, а по книгам так не изучишь. Ну, а знание языка службу сослужить может. Краснеть за меня тебе, браток, не придется.

Вскоре Николай уехал в Москву. Об этом периоде его жизни я знаю немного, так как письма приходили редко.

— Снова мы увиделись с Николаем в 1941 году,— продолжает Виктор Иванович.— Было это при следующих обстоятельствах.

В начале Великой Отечественной войны я служил на западной границе, с тяжелыми боями пришлось отходить в глубь страны. Врагу удалось окружить нашу часть. Но мы не сдавались. Нас, вышедших из окружения, направили в резервную часть. Мы ехали через Москву. И тут я вспомнил номер домашнего телефона Николая. Позвонил. На счастье, брат оказался дома.

Через какие-то полчаса Николай был уже на Белорусском вокзале, откуда я звонил. Мы горячо обнялись. Брат попросил командира, и меня отпустили на несколько часов.

Мы долго проговорили в этот вечер, вспомнили родные края. Брат подробно не рассказывал о своих планах, но сказал, что готовится к выполнению ответственного боевого задания.

Часть, в которой я служил, некоторое время находилась под Москвой в Клязьме. Несколько раз еще я виделся с Николаем. Он был, как всегда, бодр, уверен в нашей победе, готов для этого перенести любые трудности.

Виктор Иванович встает, подходит к висящей на стене большой фотографии брата. Чуть ниже в рамке фотокопия письма, адресованного Виктору Николаем Ивановичем. Он писал:

«...Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно сознательно и спокойно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины».

Прочитав вслух письмо брата, Виктор Иванович помолчал. Потом вновь заговорил:

— По сути дела, это еще не последнее письмо, полученное мною от брата. Последней была та записка всего в несколько строк, которую я получил от Николая в

конце августа 1942 года. Брат писал о том, что улетает на выполнение боевого задания.

С сожалением говорит Виктор о том, что в горячие дни фронтовой страды, в боях и походах он не смог сохранить последнюю записку брата.

— Долго я ничего не знал о судьбе Николая,— продолжает Виктор,— до тех пор, пока в 1948 году Герой Советского Союза Дмитрий Медведев не стал читать по радио главы из своей повести «Это было под Ровно». Написал я Медведеву. Он мне ответил. Мы встретились в Вильнюсе, куда Медведев приезжал читать лекции.

Виктор Иванович показывает фотографии, где сняты вместе с Дмитрием Медведевым.

— Мы очень с Николаем похожи друг на друга,— говорит Виктор.— Медведев даже при встрече опешил. Он сказал позже, что ему на минуту даже показалось, что видит перед собой не меня, а Николая Ивановича.

...Выходим из квартиры Виктора и идем по широкой улицам социалистического городка, прилегающего к Уралмашу. Одна из них носит имя Николая Кузнецова. Во Дворце культуры Уралмаша постоянная выставка, посвященная Н. И. Кузнецову.

Подходим к зданию заводоуправления. У входа в него мемориальная доска. Надпись на ней гласит:

«УЗТМ. Герой Советского Союза Кузнецов Николай Иванович работал на Уралмашзаводе 1933—1936 гг.».

* * *

Три встречи, три человека одного с Николаем Кузнецовым поколения: его брат Виктор Кузнецов, ныне рабочий, а в прошлом солдат-фронтвик; педагог, а в годы войны офицер Михаил Петров; чекист Николай Прохоров. Все они с любовью, с душевной теплотой поделились со мной своими воспоминаниями о жизни Николая Кузнецова.

Эти трое не были рядом с Николаем Ивановичем в тылу врага, не воевали вместе с ним в партизанском отряде Медведева. Но все эти люди одного поколения, одной большевистской закалки. И, когда подумаешь об этом, веришь, что будь каждый из

друзей детства Николая на его месте, то и они бы выполнили свой долг с честью, с мужеством и отвагой, так, как и подобает нам, простым советским людям.

Да, самым обыкновенным человеком был и Николай Кузнецов. Учился, работал, снова учился. А когда пришла грозная пора, грудью стал на защиту любимой Отчизны. Поступил так, как и должен был поступить истинный патриот — советский гражданин.

Снова по следам юности героя

Через два с половиной года после первой поездки, весной 1961 года, я снова оказался в Талице. Вместе с сотрудником районной газеты Вениамином Урусовым мы идем по широкой заснеженной улице. Раньше эта улица называлась Большие Пески, а теперь она носит имя Николая Кузнецова.

Перед нами небольшой дом. За ним видны другие здания. А раньше это был один из окраинных домов Талицы. Здесь в 1924—1926 годах в семье Александры Васильевны Прохоровой, вдовы потомственного мастерового-кузнеца Константина Ивановича Прохорова, жил Никоша Кузнецов.

Хотя уже поздний вечер, но хозяин дома, Михаил Константинович Прохоров, не спит. Он проводит нас в маленькую комнату слева от дверей.

— Здесь мы все и жили. Мы — братья Николай, Вениамин — и вместе с нами и Никоша Кузнецов. Стояли здесь две кровати. Спали по-двое, Николай с Никошей, а я с Вениамином.

От обстановки того времени сохранился лишь вот этот маленький угловой столик.

Смотришь на столик, на портреты Александры Васильевны и Константина Ивановича Прохорова и мысленно воскресаешь давно минувшее. Горячие мальчишеские разговоры и споры по вечерам, чтение книг, шум допоздна, пока не войдет Александра Васильевна и не уgomонит всю ватагу.

— Знаю,— говорит Михаил Константинович,— что брат мой Николай недавно передал в Свердловский музей письмо Н. И. Кузнецова к нашей матери. У меня же сохранился конверт этого письма. Михаил Константинович бережно достает из стола желтый, ставший уже хрупким от времени конверт. Рукой Николая Ивановича Кузнецова на конверте написан адрес:

Урал, ст. Поклевская, Талицкий завод (Свердловской области), улица Б.-Пески, Прохоровой Александре Васильевне (или членам ее семьи). И обратный адрес: «Москва п/я 738. Кузнецов Николай». На конверте московский штемпель. Он оттиснут слабо, но можно все же прочесть 6.9.41. Это дата отправки письма.

— В то время я работал в райкоме партии,—продолжает Прохоров,—и жил один в отчем доме—братья, мать и сестра были в других краях. С радостным чувством прочел я письмо нашего товарища и друга детства: Михаил Константинович кладет на стол листки — фотоснимки письма, присланные ему братом.

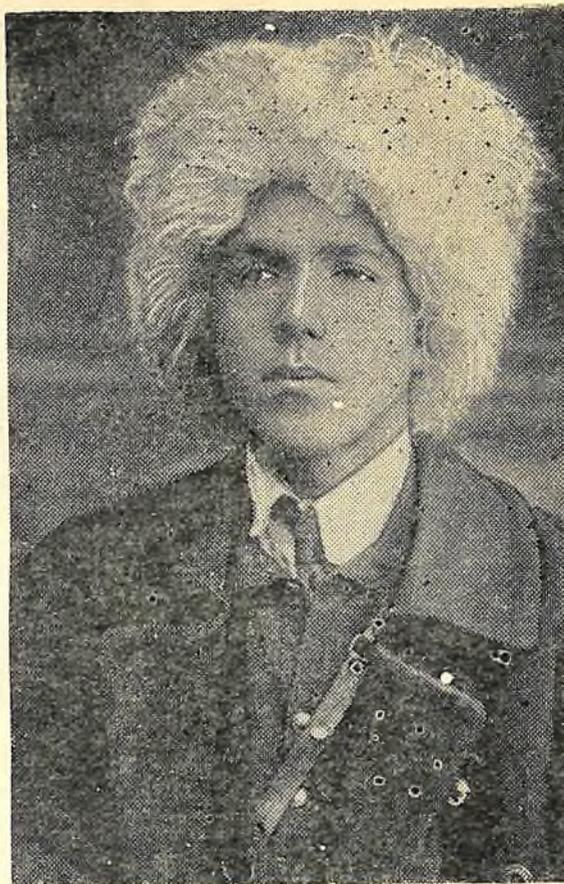
Прощаемся с Михаилом Константиновичем, выходим вместе на улицу.

В Талице много памятных мест, связанных с именем героя. Вот школа—в ней учился Кузнецов. Небольшой класс—здесь он внимательно слушал учителей, отлично отвечал. А дальше здание техникума, на котором мемориальная доска, говорящая о том, что в Талицком лесном техникуме в 1927—1929 году учился Н. И. Кузнецов.

Хочется верить, что скоро мемориальная доска появится и у входа в Тюменский сельскохозяйственный институт, что создан там, где раньше был сельскохозяйственный техникум.

Раньше считалось, что Н. И. Кузнецов окончил в Тюмени техникум. По расчетам, это должно было быть в 1929 или 1930 годах. Однако все поиски в техникуме, его архивах не давали результата, да и не могли дать, потому, что Кузнецов, как теперь выяснилось определенно, не заканчивал Тюменский сельскохозяйственный техникум, а лишь начинал в нем учиться.

Как свидетельствуют брат и сестра Н. И. Кузнецова, Виктор Иванович Кузнецов и Лидия Ивановна Брюханова, их брат после окончания в 1926 году семилетки не смог поступить в Талицкий лесной техникум. Дело в том, что в этот техникум принимали ребят постарше, а Никоше было в то время 15 лет. Поэтому Ника уехал из Талицы в Тюмени и поступил здесь на первый курс сельскохозяйственного техникума. В течение года (1926—1927), Никоша Кузнецов учился в Тюмени, успешно перешел на второй курс. Но в 1927 году от туберкулеза умер его отец Иван Павлович Кузнецов, родные вызвали Никошу теле-

граммой. Он приехал и решил остаться в Талице, чтобы продолжать учебу в техникуме, быть поближе к своей семье, помогать ей.

О том, что Николай Иванович уезжал учиться в Тюмень, говорит и в своих воспоминаниях (уже приведенных в настоящем очерке) и Михаил Никанорович Петров. Жена Николая Константиновича Прохорова, Ольга Григорьевна — ее девичья фамилия Занина — рассказывает, что учась в 1926 году в Тюмени в фельдшерско-акушерской школе, она среди других студентов сельскохозяйственного техникума знала и Николая Кузнецова. А позже, работая уже в Талице, встречала Никошу там.

* * *

Закончить свой очерк о Николае Кузнецове хочется главкой, рассказывающей о неумирающей славе героя. ...Львов. Один из крупнейших городов Украины. Прохладой тенистых улиц, оживленным гулом встречает он приезжего. Как и все люди на-

шей Отчизны, жители этого города заняты творческим созидательным трудом. Свежий номер областной газеты «Львовская правда», купленный нами на вокзале, рассказывает о разработке богатств недр Львовщины, о новых трудовых успехах рабочих предприятий города.

Много дел у жителей Львова. Жизнь идет здесь в напряженном энергичном темпе. Но есть места в городе, где люди как бы не спешат, замедляют шаг, где каждому на память приходят мысли о тех, кто отважно сражался за освобождение нашей земли от фашистской нечисти.

Небольшая площадь. Взору открывается стоящий на гранитном постаменте танк. Это танк Уральского добровольческого корпуса, первым прорвавшийся в июле 1944 года сквозь вражеские укрепления. На постаменте — гвардейский знак. Он напоминает о том, что воины Уральского добровольческого корпуса были удостоены гвардейского звания за бой у этого города. На граните читаем имена героев-уральцев, павших в сражении за Львов.

Тихо в небольшом садике около памятника. Ярко распустились цветы. На песчаных дорожках играют дети. И невольно думаешь о том, что за счастье этих детей были отданы жизни танкистов-уральцев, за это бились и солдаты, освобождавшие Львов, и бесстрашные партизаны, в рядах которых сражался Николай Кузнецов.

От памятника танкистам дорога круто поднимается вверх, к холму Славы, где зажжен вечный огонь в память воинов, павших за свободу и независимость Отечества.

Строг и торжественен холм Славы, усыпальница героев. На памятниках и надгробных плитах высечены их имена. Скульптурные фигуры, установленные на холме, напоминают о незабываемых подвигах советских воинов.

...27 июля 1960 года в 16-ю годовщину освобождения Львова улицы города были запружены народом. Десятки и десятки тысяч людей шли и шли в длинных колоннах к холму Славы. Впереди шествия на орудийной лафете везли гроб с останками Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Львов хоронил народного героя.

Жизнь легендарного народного мстителя безвременно оборвалась в ночь на 9 марта 1944 года. Долгие годы, однако, никто не знал места и точных обстоятельств

гибели героя-разведчика. Но боевые друзья сразу же после освобождения Львовщины начали и много лет неутомимо продолжали поиски. Ведь герой заслужил того, чтобы быть похороненным с воинскими почестями.

Как пишет один из боевых друзей Николая Кузнецова, бывший партизан Н. Струтинский, были вновь и вновь пройдены все места, где пролегал маршрут разведывательной группы, возвращавшейся после успешного выполнения задания из Львова.

Через много лет поиски увенчались успехом. Оказалось, что последние минуты жизни Николая Кузнецова прошли в селе Боратин на Львовщине в доме крестьянина Голубовича.

Советских партизан-разведчиков окружили бандеровцы. Не желая сдаваться бандитам живым, Николай Кузнецов взорвал гранату, крикнул в лицо врагам:

— Так умирают советские партизаны!

Крестьяне Боратина похоронили Н. И. Кузнецова неподалеку от села в урочище «Кутыки Рябого».

Но и тогда, когда были обнаружены останки, следовало твердо убедиться, что нет ошибки, что у села Боратин действительно похоронен Н. И. Кузнецов и никто другой.

Решительное подтверждение правильности предположения партизан, друзей Н. И. Кузнецова, дал известный ученый профессор М. М. Герасимов, крупнейший специалист, который по черепу давно умершего человека полностью и безошибочно восстанавливает его портрет.

Ученому было передано 18 фотографий Н. И. Кузнецова и череп, разбитый на 18 кусков. Тщательная, кропотливая работа позволила с абсолютной точностью подтвердить правильность догадки бывших партизан — в могиле у Боратина был похоронен Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов.

И вот Львов хоронит Н. И. Кузнецова. В этот день проявилась с особенной силой всенародная любовь к герою.

Казалось, что весь Львов вышел на улицы, чтобы проводить в последний путь отважного разведчика. Впереди похоронной процессии несли около 300 венков. От трудящихся Львовщины и Ровенщины, Украины, Москвы, Урала.

Одна на первый взгляд незначительная деталь. Давно уже нет на вооружении ору-

дий с лафетами, на котором можно было бы установить гроб. Но воины гарнизона все же смогли отыскать лафет и предоставить в распоряжение организаторов похорон.

Гремят ружейные залпы. Звучит Гимн Советского Союза.

На установленной на могиле черной мраморной надгробной плите надпись: «Герой Советского Союза Кузнецов Н. И. Родился в 1911 году, погиб 9 марта 1944 года».

Три рябины склонили над могилой свои ветви. Три уральские рябины, деревья из того края, где рос и мужал герой.

И невольно припоминаются слова песни о Н. И. Кузнецове:

...Далеко от Ровно город Талица...
Ясен день и дали широки,
Мир хранят суровые уральцы,
Верные друзья и земляки...

И уральцы, и москвичи, и трудящиеся Украины — все советские люди хранят мир, завоеванный в сражениях, мир, за который пали в боях смертью храбрых герои.

Оправдались слова, сказанные Н. И. Кузнецовым в 1942 году о тех, кто погиб за отчизну:

«...Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, нас будут чтить освобожденные народы Европы...»

Е. Крыжановская

ПОМОГАЮ МАМЕ

Всю посуду перемыла,
Ничего не уронила:
Ни тарелочки, ни блюда,
А они из пальцев рвутся.
Надо крепко их держать,
Надо руки не разжать...

наши кот

На обложке новой книжки
Нарисованы две мышки,
Кот пушистый, озорник,
Оборвал обложку вмиг.

КУКУРУПАХ

I. ВОТ ТАК ФОКУС

Едва я вставил ключ в замочную скважину, как из-за двери донесся топот ног и радостный крик моей младшей дочери: «Папа приехал!»

Вот так всегда. Не успею я еще переступить порог, а в доме все уже знают о моем возвращении.

С дочкой мы обычно здороваемся за руку, потом целуемся, потом я вручаю

ей гостинец. Так было и на сей раз. Получив шоколадку, Аленка сказала «спасибо». Но через мгновение она капризно надула губы и притворно обиженным голоском спросила:

— Это все?

— М-да. То есть, нет, — ответил я и принялся шарить по карманам.

В кармане плаща оказалось небольшое румяное яблочко. Я протянул его дочке.

— Это тебе от Зайки.

Аленка опять сказала «спасибо», а сама по-прежнему выжидательно поглядывала на меня. Я уже хотел было сказать ей, что гостинцы все, как вдруг в кармане пиджака обнаружил несколько кукурузных зерен.

— А! — обрадованно воскликнул я. — Чуть не забыл. Королева полей, госпожа Кукуруза прислала тебе в услужение пять кукурузинок.

С этими словами я положил на пухлую Аленкину ладошку пять крупных кукурузных зернышек.

Аленка вслух пересчитала зернышки и спросила меня:

— А почему их пять?

— Видишь ли... — начал было я.

Но тут из кухни донесся голос бабушки:

— Хватит философствовать. Мойтесь и обедать. Уха уже сварилась.

Аленка положила гостинцы на мой письменный стол, и мы пошли мыться. Собственно мылся я, а она стояла рядом, держа наготове мохнатое полотенце.

После обеда Аленка первой выскочи-

ла из-за стола и убежала в комнату. И тут же послышался ее тревожный возглас:

— Папа! Папа! Иди скорей! Посмотри, что случилось.

Я поспешил на зов дочери.

Она стояла около письменного стола и показывала пальцем на гостинцы.

— Смотри, смотри.

— В чем дело? — я недоуменно пожал плечами.

— Да смотри же, — дернула она меня за рукав. — Видишь? Кукурузинок было пять, а теперь...

А теперь их действительно оказалось только четыре.

Я пересчитал зерна несколько раз, осмотрел стол. Пятого зернышка нигде не было. Вот так фокус.

Дочка вопросительно смотрела на меня, а я не знал, что ей ответить. Надо было подумать.

Я сел и принялся думать вслух:

— Куда же девалось зернышко? Может быть, его съел Тарзан.

В серо-зеленых Аленкиных глазах сперва появилось выражение недоумения, потом они стали сердитыми.

— Тарзан! — крикнула она. — Тарзан! Иди сюда. Скорей. Папа зовет.

— Тарзан! — строго позвал я.

Послышались легкие шаги, и в комнату вошел большой черный пес. Он склонил голову набок, одно ухо опустил, другое вздернул торчмя и, не мигая, уставился на меня внимательными коричневыми глазами.

Аленка поднесла к бархатному носу собаки оставшиеся зернышки.

— Это ты съел кукурузинку?

Пес понюхал зерна, презрительно фыркнул и обиженно опустил голову.

— Нет, — сказала Аленка, — он не ел. Куда же девалось зернышко?

— А может быть, его утащила Мурка, — опять вслух подумал я.

Аленка убежала и через минуту вернулась с кошкой на руках. Но Мурка даже и не понюхала кукурузные зерна. Она только сердито крутила усами.

— Странно, — сказал я в задумчивости.

— Странно, — эхом откликнулась Аленка.

— Может быть, оно упало.

— Может быть, — повторила дочка и полезла под стол.

Мы на четвереньках исползали весь пол, тщательно обследовали каждую щелку. Кукурузинки нигде не было.

— Что за ерунда, — рассердился я, — не могла же она...

— Могла, — прошептала Аленка.

— Что могла?

— Она убежала.

— Как убежала?

— Смотри, — Аленка показала на раскрытое окно. — Она в него убежала. И не убежала, а улетела.

— Да что она бабочка? У нее же нет крыльев.

— И не бабочка, и не бабочка, а улетела. Вот здесь стоял маленький самолетик. Зеленый. Мне бабушка его подарила. Ну такой, как кузнечик. Помнишь, я его в твою чернильницу посадила, а ты ругался. Ну, помнишь?

— Да-да, — я кивнул головой, — конечно, помню.

— Ну и вот, — затараторила Аленка. — Он стоял здесь. — Она хлопнула ладошкой по столу. — А теперь его нет. На нем она и улетела. Пока мы обедали...

2. ПОКА МЫ ОБЕДАЛИ

Едва мы с Аленкой вышли из комнаты, Кукурузинка вскочила на ноги и затормошила своих братишек.

— Вставайте, вставайте. Хватит притворяться. Они уже ушли.

Пока братишки чесали затылки да протирали глаза, Кукурузинка добежала до края мраморного чернильного прибора. Глянула вниз. Ух, какая высота. Как же с нее спуститься? Тут и братишки к ней подошли. Посмотрели они с кручи вниз и давай ахать и охать.

— Хватит хныкать! — прикрикнула на них Кукурузинка. — Лучше подумаем, как бы нам удрать отсюда.

А братишки оказывается и не думали удирать. Вот они и расхныкались.

— Не хочу удирать.

— Боюсь.

— Пропадем.

— Лучше здесь остаться.

Уговаривала-уговаривала их Кукурузинка, не уговорила. Махнула рукой и, разбежавшись, прыгнула с чернильного прибора. Больно ушибла коленку. Сморщилась и, наверняка, заплакала бы, да вспомнила, что сверху на нее братишки смотрят, пересилила себя, улыбнулась. Помахала им рукой.

— До свиданья, трусишки. — И пошла.

Шла-шла, на краю стола оказалась. Заглянула вниз — от высоты голова закружилась. «Нет, — решила, — здесь не спрыгнешь». Пошла в другую сторону. Шла-шла и опять на краю стола оказалась. Посмотрела вниз — аж дух захватило. Вот так задача. Куда ни пойдешь, везде обрыв под ногами. Как быть? Дернула она себя за косичку — задумалась. Думала долго, а ничего не придумала. «Неужели на этой огромной поляне нет никого?» Приложила ладошку к глазам, вгляделась вдаль и далеко-далеко, у самого горизонта, увидела какой-то загадочный предмет.

Направилась к нему. Долго шла. Из сил выбилась. А когда подошла, удивилась. Что за невидаль? Зеленая, крылатая. Вместо ног колесики, на носу — два клюва. Один нацелился вверх, другой —

вниз. Кукурузинка от удивления даже рот разинула. И боязно ей, и любопытно. Опасливо на двухклювое существо поглядывает, а сама к нему подвигается.

— Ой! — раздался возглас.

— Кто тут?

— Конечно же не слон. Его бы ты заметила. А мне отдала ногу.

Тут только Кукурузинка увидела Муравья, который лежал под ногами-колесиками зеленокрылого существа.

— Извини, — сказала она Муравью.

— Пожалуйста, — откликнулся он, вскакивая.

— Это что такое? — спросила Кукурузинка.

— Это я, то есть Муравей. А это самолет.

— Он кусается?

— Нет. Он летает. Вот только я никак его не заведу.

— А зачем его заводить?

— Видишь ли, — Муравей замялся. Смущенно почесал затылок. — Ладно. Хоть ты и девчонка. Так и быть, скажу, — он понизил голос, огляделся и зашептал скороговоркой. — Я жил на дереве. Оно растет у дверей этого дома. Однажды к дереву пришел пес. Мне захотелось покататься на собачьем хвосте. Вцепился и поехал. Было так интересно и весело. Я даже и не заметил, как пес затащил меня в эту комнату. Вот и все. Теперь я хочу на этом самолете улететь отсюда.

— Возьми меня с собой, — попросилась Кукурузинка.

Муравей важно надулся. Подумал, поковырял в носу. Потом разрешающе махнул рукой.

— Ладно. Полезай в кабину. Поместимся и вдвоем.

Он помог Кукурузинке влезть в самолет, и сам следом забрался туда. Уселся и давай дергать за все рычаги, нажимать на все кнопки, крутить все колеси-

ки. Вдруг самолет фыркнул, зарокотал и покатился по столу. Все быстрее и все ближе к краю. Сейчас он сорвется вниз и разобьется вдребезги. Кукурузинка съежилась от страха. Зажмурилась. А когда открыла глаза, самолет уже летел к раскрытому окну.

Потом они долго летели над городом. Мимо домов, столбов, заводских труб. А когда город кончился, самолет вдруг подкинуло вверх, потом он нырнул вниз, перевернулся через крыло и закувыркался в воздухе.

Дверка самолета раскрылась, и Кукурузинка вывалилась из него.

3. КТО Я?

Кукурузинка пришла в себя на земле. Подняла руку — цела. Подняла другую — тоже цела. Пошевелила ногами — ноги на месте. Потрогала голову — голова целехонька. Хорошо. Засмеялась она от радости. Вскочила. Огляделась. Куда идти? Кругом ямы да бугры. И больше ничего не видно. «Куда это я попала?»

Вскарабкалась она на самый высокий бугор. Видит — невдалеке кто-то шевелится. «Не Муравей ли», — подумала и побежала в ту сторону.

Подбежала. Присмотрелась. Что за чудо? Длинное, круглое, коричневое.

Это был Червь. Большой и жирный. Увидал он Кукурузинку, со страху обмер. Опомнился и ну улепетывать. А она расхрабрилась, вскочила на Червяка, уселась верхом и поехала.

Долго она ехала на спине перепуганного Червя. До тех пор, пока тот с разбегу не нырнул в свою норку. Не успела Кукурузинка опомниться, как очутилась на земле. А Червяка и след про-

стыл. «Вот так штука. Куда же он девался?»

Тут вокруг что-то зашуршало, затрещало и перед испуганной Кукурузинкой вырос целый лес зеленых травинок. Все они были как на подбор. Высокие, стройные, веселые. Салатные рубахи туго перепоясаны широкими ремнями. На ногах — крепкие зеленые ботинки. На головах — бирюзовые шлемы. В руках — щиты. На боку — мечи. За спиной — пики.

Они плотным кольцом окружили Кукурузинку. Пики на нее направили и грозно крикнули:

— Стой!

Вышел вперед Старший Травинка. Серdito пошевелил длинными зелеными усищами. Положил руку на рукоятку меча. Строго спросил:

— Кто ты? Откуда и куда? Отвечай!

Кукурузинка пожала плечами, беспомощно развела руками:

— Я не знаю.

— Не может быть! — закричали травинки. — Она смеется над нами.

— Что вы, что вы, — замахала руками Кукурузинка. — Я ни капельки не смеюсь. Откуда мне знать, кто я. Ведь я себя еще ни разу не видела.

Старший Травинка принялся закручивать усы в кольца. Это означало, что он о чем-то глубоко задумался. Потом он снова распушил усы и сказал:

— Загляни в эту лужу, и ты увидишь себя.

Подбежала Кукурузинка к лужице. Заглянула в нее и увидела свое отражение. Выпуклый лоб. Пухлые щеки. Голубые глаза пуговкой. Курносый нос луковкой. Широкий рот улыбается. А за спиной рыжие косицы болтаются.

Посмотрела она на свое отражение. Подумала и со слезами в голосе говорит:

— Все равно не знаю, кто я.

Пуще прежнего нахмурился Старший

Травинка. Сердито засопел и давай опять свивать в кольца свои зеленые усищи. Крутил, крутил да и приказал позвать учителя Одуванчика.

Скоро, опираясь на посох, пришел старый-престарый учитель Одуванчик. Он был большеглазый и весь седой. И волосы, и борода, и усы, и брови, и даже ресницы были у него седые, будто серебряные.

Достал Одуванчик большие очки. Протер их. Надел на нос. Наморщил лоб и принялся рассматривать незнакомку.

Потом вынул из кармана толстую книжицу. Полистал, полистал ее и говорит:

— Это Кукурузинка.

— Спасибо, — Кукурузинка низко поклонилась Одуванчику. — Теперь я знаю, кто я. — И она шагнула было вперед. Но травинки снова окружили ее, ощетинились пиками.

— Ты у нас в плену, — угрожающе зашевелил зелеными усами Старший Травинка. — Хочешь быть на свободе — плати выкуп.

— Но у меня ничегошеньки нет. Чем же я могу заплатить выкуп? — удивилась Кукурузинка.

— В самом деле, — смущенно пробормотал в усы Старший Травинка. — У нее действительно ничего нет. Как же быть?

Все выжидательно посмотрели на белоголового учителя Одуванчика. А он сомкнул серебристые пушистые ресницы и то ли уснул, то ли задумался.

Старший Травинка подождал, подождал — не выдержал. Нетерпеливо кашлянул. Одуванчик открыл глаза и тихо сказал:

— Пускай споет нам песенку.

— Пускай споет! Пусть поет! — закричали все хором и уселись в круг.

Хлопнула Кукурузинка в ладошки. Топнула маленькой ножкой. И звонким, веселым голоском запела:

Ростом мала,
К тому же курноса,
Зато весела,
Не вешаю носа,
Не плачу в беде,
Не унываю,
Всегда и везде
Веселой бываю.
Тра-ля-ля-ля,
Вот она, — я
Мала и кругла, как бусинка,
С друзьями смеюсь,
С врагами дерусь,
Я — Ку-ку-рузинка!
Я не терплю
Трусов, лжецов
И не люблю
Толстых глупцов.
Честных и смелых
Лишь уважаю,
Ловких, умелых
В друзья приглашаю.
Тра-ля-ля-ля,
Вот она я, —
Мала и кругла, как бусинка,
С друзьями смеюсь,
С врагами дерусь,
Я — Ку-ку-рузинка!

Песенка всем очень понравилась. Травинки вскочили и так оглушительно затопали зелеными ботинками, зазвенели серебряными шпорами, захлопали в ладоши, что у Кукурузинки голова закружилась.

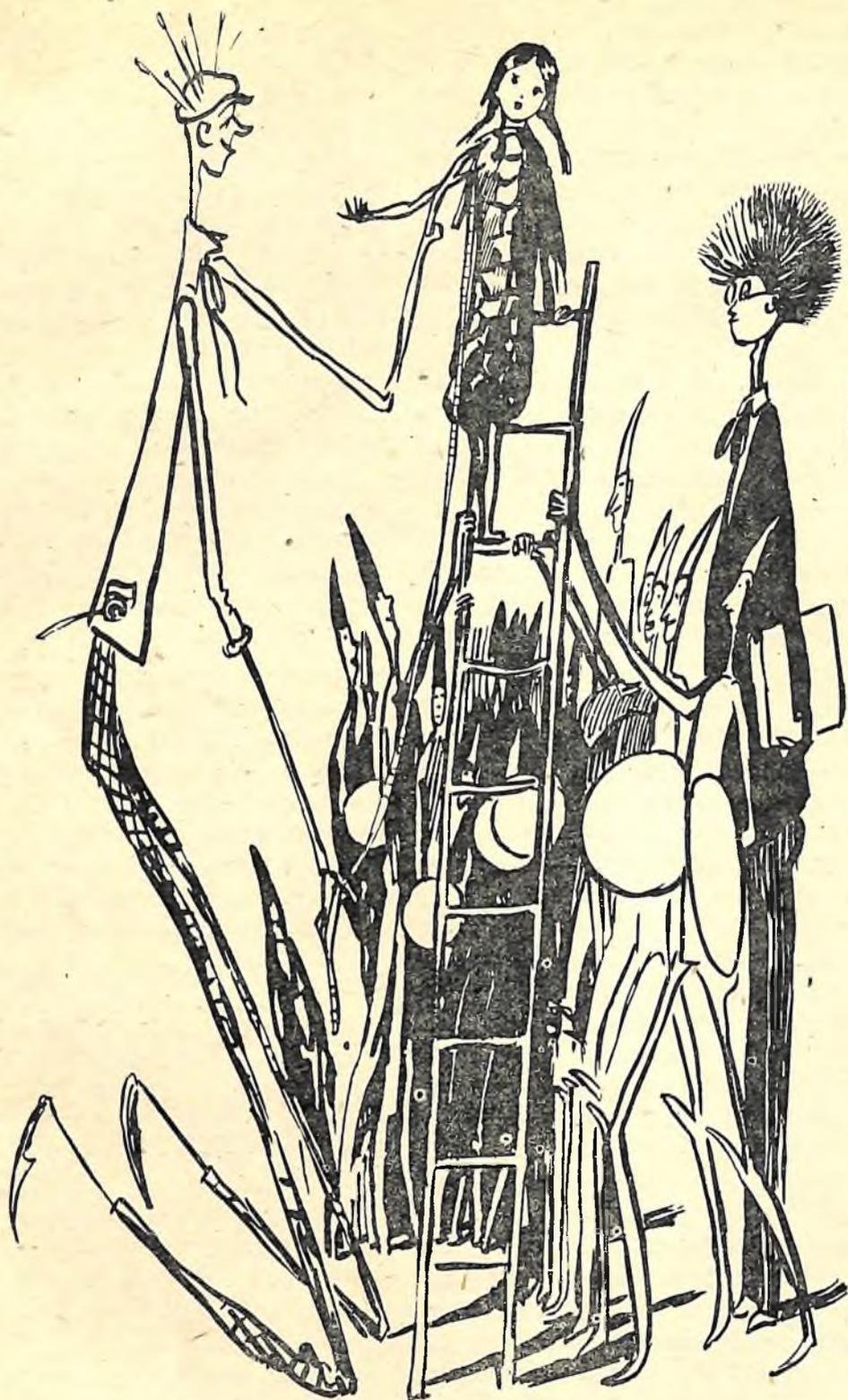
— Молодец, — похвалил ее Старший Травинка, важно разгладив пышные зеленые усы. — Твоя песенка пришлась нам по душе. Мы отпускаем тебя на все четыре стороны. Иди куда хочешь.

Травинки расступились, пропуская Кукурузинку. Но тут старый учитель Одуванчик укоризненно покачал седой головой и недовольно сказал:

— Куда вы ее отпускаете? Она же раздета и разута. Так нельзя.

Все сразу согласились с Одуванчиком. Двое травинок проворно побежали за портным.

Портной Соломинка был тонкий и высокий, как камышина. Кукурузинка не

доставала рукой ему даже до колена. Соломинка был одет в золотистую куртку и такого же цвета брючки дудочкой. На ногах у него — модные красные башмаки с загнутыми носами. На голове красовался желтый берет, похожий на масляный блин. В руках Соломинка держал ножницы и мел. Из кармана золотистой куртки торчала рулетка. В берет-блин были воткнуты дюжина иголок самой разной длины.

Старший Травинка попросил Соломинку сшить для Кукурузинки самое красивое платье.

— Ладно, — согласился портной. — Сошью.

Выхватил из кармана рулетку и склонился над Кукурузинкой. Да только никак не смог дотянуться до нее. Тогда портной склонился еще ниже. Вот уже он согнулся коромыслом. Вот превратился в колесо. Руки его коснулись Кукурузинки, но он вдруг закричал:

— Скорей! Помогите! Поддержите! Сейчас я переломлюсь.

Травинки подхватили Соломинку за плечи, помогли ему выпрямиться.

— Фу, — облегченно вздохнул он. — Еще мгновенье — и я переломился бы на две половины. Вот задача. Как же снять с нее мерку?

— Придется встать на колени, — посоветовал Старший Травинка.

— Пожалуй, — согласился Соломинка и упал на колени, но и теперь он не смог снять мерку с Кукурузинки.

— Попробуйте встать на четвереньки, — предложил Одуванчик.

Соломинка попробовал. Он стоял на четвереньках и сверху вниз глядел на Кукурузинку, которая теперь почти доставала рукой до его локтя.

— Пожалуй сейчас я смог бы снять с нее мерку, — проговорил портной. — Если бы... если бы у меня было четыре руки. На двух я бы стоял, а двумя сни-

мал мерку. Где же раздобыть еще пару рук?

— Вот это задачка, — воскликнули травинки хором.

И все принялись решать эту задачку. Решали, решали — не решили. Тогда Старший Травинка попросил совета у Одуванчика. И опять старый учитель нацепил на нос большие роговые очки. Пригладил серебряную бороду и, наконец, промолвил:

— Несите пожарную лестницу. По ней Кукурузинка поднимется вверх и станет наравне с Соломинкой.

Сразу же взвод травинок побежал за лестницей. Сорок травинок подняли лестницу вверх и крепко держали ее. Кукурузинка вскарабкалась на последнюю ступеньку и оказалась перед лицом Соломинки.

Портной проворно снял мерку. Потом уселся на землю, разложил перед собой яркие лоскутки и принялся кроить, звонко щелкая длинными ножницами. Затем он выбрал самую коротенькую и самую тонкую иголку и начал шить. Игла так проворно замелькала в воздухе, что за ней трудно было уследить глазами.

Соломинка шил и вполголоса напевал:

Я — Соломинка, портной,
Целый день сижу с иглой.
Для меня она — подруга.
Мы ни шагу друг без друга.
Всей округе мы должны
Сшить рубахи и штаны.
Пиджаки, пальто, жилетки
Новой моды и расцветки.
Всем должны мы угодить,
Всех по вкусу нарядить.
Потому-то день-деньской
Мы работаем с иглой.
И меня за этот труд
Швейным мастером зовут.

Допев песенку, Соломинка встал. Воткнул иглу в берет. Рассовал по карманам рулетку и ножницы и сказал:

— Готово.

Ах, какой чудесный наряд сшил он для Кукурузинки. Красную бархатную юбочку — из лепестков мака. Белую шелковую кофточку — из лепестков ромашки. Желтые башмачки — из лепестков астры.

— Красиво, — проговорил Старший Травинка, и его зеленые усы задрожали от удовольствия.

— Великолепно! — закричали хором травинки, оглушительно заскрипев зелеными ботинками.

А старый Одуванчик снова нацепил роговые очки. Осмотрел нарядную Кукурузинку, причмокнул губами:

— Красиво. Но чего-то не хватает.

Соломинка так сильно хлопнул себя ладошкой по лбу, что желтый берет слетел с его головы и колесом покатился по полю.

— Ну конечно же не хватает! — закричал он. — Нужна шляпа!

Одуванчик выдернул из своей бороды несколько серебряных волосинок, и Соломинка тут же сплел из них красивую шляпу.

Кукурузинка надела шляпу набекрень. Одернула кофточку, оправила юбочку. Все так и ахнули от изумления: до того красива и нарядна была она.

Ее провожали все. На прощанье Старший Травинка сказал:

— Всюду на земле есть наши братья. Попадешь в беду — покличь их. Склонись к земле и позови: «Травка-муравка, зеленая булавка, меня защити, врага уколи». И сразу травинки придут к тебе на помощь. Не забудешь?

— Не забуду! Никогда не забуду.

Кукурузинка помахала рукой, запела свою песенку и пошла.

Старший Травинка смахнул с зеленых усов крупную слезу и замахал бирюзовым шлемом.

Портной Соломинка вытер платком влажные глаза и прошептал: «Прощай, Бусинка».

Учитель Одуванчик низко склонил большую седую голову и молчал.

А травинки махали и махали руками вслед полюбившейся им незнакомки. Они махали до тех пор, пока она не скрылась за крутым поворотом узенькой полевой тропки.

4. ЗДРАВСТВУЙ, ПАХТАЧОК!

Кукурузинка медленно шла вперед.

Наступил полдень. Немилосердно палило солнце. Скоро лицо и руки у Кукурузинки так загорели, что стали коричневыми. А она все шла и шла.

Неожиданно тропинка оборвалась у берега широкой реки. Высокие мутные волны с глухим шумом бились о песчаный берег. Кукурузинка зазевалась, и одна волна так хлестнула ее по ногам, что едва не опрокинула.

Она засмеялась, отпрыгнула в сторону. Прикрыла ладошкой от солнца глаза, посмотрела на другой берег, — далеко. Как же туда перебраться? Будь на ее месте любая другая девочка, она непременно расплакалась бы и стала звать маму. Но Кукурузинка и не собиралась плакать. Она решила переплыть реку. Только вот на чем можно плавать — она еще не знала. Потому и надумала плыть на камне.

Нашла она круглый, похожий на лепешку, камешек. Подкатила к реке. Столкнула в воду. Он «бульк» — и пошел на дно. Выбрала Кукурузинка другой камень, больше прежнего. Еле дотащила его до реки, а он тоже, — «плюх» — и утонул.

Поняла она — камни не плавают. Ста- ла искать на чем бы еще попробовать переплыть реку. Нашла комок сухой земли. Кинула его в воду. Плавает он и не тонет. Прыгнула на него Кукурузинка. Стоит, на волнах качается. Хоро-

шо! Тут земля намокла и пошла на дно. Еле выбралась Кукурузинка из воды. Вот беда. Как же все-таки перебраться на ту сторону?

В задумчивости присела она на камень. Откуда ни возьмись, появилась муха и села рядышком. Кукурузинка с криком отпрыгнула в сторону. А муха взмахнула крыльями и улетела за реку.

— Ага, — Кукурузинка хлопнула себя ладошкой по лбу. — Теперь я знаю, как мне быть. Надо встать на камень. Подпрыгнуть как можно выше и взмахнуть руками.

Так она и сделала. Вскарabalась на прибрежный камень и, замавав руками, прыгнула вниз. Кувыркнулась в воздухе — и шлеп в воду.

Вылезла на берег. «Вот так перелетела. Надо искать другой путь. А какой?»

Подумала-подумала, дернула себя за рыжую косичку да и махнула рукой. «Пойду вдоль берега, — решила она. — Есть же где-нибудь переход через речку».

Вдруг сзади слышались чьи-то торопливые шаги. Кукурузинка оглянулась и увидела большую, круглую, пушистую шляпу. Шляпа сверкала на солнце, как снег. Из-под нее выглядывало загорелое мальчишечье лицо. Длинноносое, скуластое, с круглым подбородком.

Мальчик был одет в белоснежную курточку и серые коротенькие штанишки. На ногах — белые резиновые галоши. Подбежав к Кукурузинке, он снял шляпу и, приложив левую руку к груди, поздоровался.

— Ты кто? — Кукурузинка изумленно захлопала длинными желтыми ресницами.

— Пахтачок. Ну что ты так смотришь на меня? Это мое имя. А на самом деле я обыкновенное хлопковое семечко. А ты кто?

— Кукурузинка.

— Вот и отлично... — начал было Пахтачок, но тут же умолк. Нахмурился, испуганно оглянулся.

— Чего ты испугался?

— За мной гонится свирепый Клещ. Он ловит таких малышей, как мы, и съедает их. Бежим отсюда скорее.

— Куда же бежать? Впереди река.

— Можно бы сделать лодку, но для этого нужно время. А времени у нас нет. Вот-вот появится Клещ. По берегу нам не убежать. Спрятаться — нигде...

— Зачем так много говорить? — перебила его Кукурузинка. — Показывай, да поскорее, как делаются эти лодки. Я же их никогда не видела.

Пахтачок огляделся. Увидел на берегу сухой кленовый листок. Подбежал к нему. Поплевал на ладони и ну толкать листок к берегу. Кукурузинка изо всех сил помогала ему. Но листок был очень тяжелый и медленно подвигался к воде.

Кукурузинка перевела дух, оглянулась и обомлела. Прямо на них неслышно надвигалось какое-то ужасное существо. С рогатой головой и разинутой пастью. Как угли горели его выпученные глаза. Как сабли блестели громадные клыки.

Это и был Клещ.

Увидел он Пахтачка с Кукурузинкой — зарычал, защелкал клыками.

— Мы погибли, — Пахтачок прикрыл собой Кукурузинку. — Спасайся. Я его задержу!

— Толкай скорей лодку! — крикнула Кукурузинка, а сама побежала навстречу Клещу.

— Куда ты? Вернись! Погибнешь! — закричал ей вслед опешивший Пахтачок.

Увидел Клещ подбежавшую к нему Кукурузинку и затрясся от злости. Распялил до ушей клыкастую пасть, зафырчал, забрызгал голодной слюной. А она зажмурилась от страха, склонилась к земле и зашептала:

— Травка-муравка, зеленая булавка,
меня защити, врага уколи.

И в то же мгновенье из-под земли
выскочил целый полк зеленых травинок.
Они плотным кольцом окружили
Кукурузинку. Выставили перед собой
пики, подняли над головами щиты и
грозно крикнули Клещу:

— Вон!!

Забегал Клещ вокруг травинок. Когтистыми лапами размахивает, глазищами хлопает, ножищами топает, клыками клацает. А поделаться ничего не может. Сверху Кукурузинку щиты прикрывают, сбоку к ней пики не пускают. Несколько раз кидался на них Клещ. Весь живот исколол. Заревел он от злости и от боли. Хвостом себя по бокам хлещет, рогами воздух бодает, ногтями землю роет.

Пока Клещ бегал вокруг травинок, Пахточок столкнул кленовый листок на воду.

Расступились травинки, выпустили из кольца Кукурузинку, а Клеща окружили со всех сторон. Приставили к нему пики. Не шелохнуться Клещу, не двинуться.

Добежала Кукурузинка до берега, прыгнула в кленовый листок, помахала шляпкой травинкам.

— Спасибо, родные!

— Счастливого пути, — ответили травинки хором.

Они построились в ряд. Вскинули на плечо пики и запели:

Мы дружные травинки
Шагаем в ряд,
Зеленые ботинки
У нас скрипят.
Не зря враги боятся
Зеленых рот,
Умеет дружно драться
Степной народ.
Мы постоять сумеем
За отчий дом,
Себя не пожалеем

В бою с врагом.
А ну, вперед, травинки,
За рядом ряд,
Зеленые ботинки
Пускай скрипят.

Допели они песенку до конца и исчезли, словно провалились сквозь землю.

5. ВОДОПАД

Давно пропали травинки. А Клещ все стоял на месте и никак не мог опомниться. Наконец он пришел в себя. Бешено рывкнул и кинулся к берегу. Но кленовый листок с Кукурузинкой и Пахточком плыл уже далеко. Заревел Клещ и припустил по берегу вслед за листком. Бежал, бежал, изо всех сил тужился. Раскраснелся, распыхтелся, как пузырь, надулся да вдруг за камень запнулся, на землю кувыркнулся, носом в кочку ткнулся и заплакал от злости.

А Пахточок с Кукурузинкой весело посмеялись над Клещом. Потом взялись за руки и, пританцовывая, запели:

Плывет челнок кленовый,
Летит стрелой вперед,
Везет нас к жизни новой
И пусть быстрее везет.

Течение реки было очень быстрым. Челнок и в самом деле летел по волнам, как стрела. Он то высоко взлетал вверх, то нырял вниз. Над ним взлетали целые облака мельчайших брызг. В ярких лучах солнца эти брызги сверкали и переливались, как крошечные драгоценные камешки. И кленовый листок издали походил на сказочный волшебный корабль неведомых путешественников.

Но вот впереди послышался какой-то страшный шум. С каждой секундой он становился все громче и громче. И вскоре совсем рядом раздался такой грохот,

как будто одновременно заработало десятка два тракторов.

— Это водопад! — закричал Пахтачок. — Надо скорее поворачивать к берегу.

Они склонились к воде и изо всех сил принялись грести ладошками. Но течение было сильнее их. Оно подхватило беспомощный листок и с новой силой понесло его навстречу водопаду.

Пахтачок сорвал с головы шляпу. Высоко поднял ее над головой. Он думал, что ветер надует шляпу, как парус, и повернет челнок к берегу. Но ветер так дунул в широкую пушистую шляпу, что

она вырвалась из рук и, белой птицей перелетев реку, пропала из виду.

А водопад стремительно надвигался на них. Вот уже совсем близко видны пенистые гребни водоворота. Вода там кружилась воронкой и клокотала. Теперь водопад грохотал как пушечные залпы.

Пахтачок что-то кричал. Но Кукурузинка уже ничего не слышала. Она вцепилась в зубчатые края кленового листка и замерла.

На гребне водоворота кленовый челнок высоко подпрыгнул и, падая, несколько раз перевернулся в воздухе.

Друзья не удержались и полетели в воду.

Водоворот подхватил Кукурузинку, закружил ее, потянул на дно. Она отчаянно махала руками и ногами, но течение все глубже и глубже затягивало ее в ужасную пасть водоворота. В рот, нос и уши набилась вода. Стало нечем дышать. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и Кукурузинка пошла на дно.

Вдруг какая-то сила рванула ее вверх. Она, как пробка, вынырнула из воды. Широко раскрытым ртом хлебнула поток свежего воздуха и увидела рядом Пахтачок. Он держал ее за руку и изо всех сил тянул к берегу. Пушистая куртка удерживала его на воде. Он не тонул и не давал утонуть Кукурузинке.

Долго боролись они с бешеными волнами. Наконец им удалось вырваться из цепких лап водоворота. Течение подхватило их и понесло к берегу. С большим трудом выбрались они из воды и обессиленные упали на горячий песок.

Прошел час, а может быть, и два. Друзья хорошо отдохнули, согрелись и высохли на солнышке.

Кукурузинка вскочила, стряхнула песок, прилипший к юбке, оправила блузку.

— Ну, вот мы и переплыли реку.

— Переплыть-то переплыли, — отозвался Пахтачок, — да чуть не утонули.

— Чуть не считается, — засмеялась Кукурузинка. — Куда теперь пойдём?

— Идем искать мою шляпу.

И они отправились на поиски унесенной ветром шляпы. Пахтачок шел впереди, размахивал руками и напевал:

Я — ни медведь, ни лев, ни слон.
Я ростом мал и не силен.
Но я ни капельки не трус,
Зверей зубастых не боюсь.
И ради друга я готов
Один напасть на стадо львов.

6. БОБ БОБЫЧ

Друзья долго бродили в поисках шляпы. Ее нашли только поздним вечером, на вершине большого бугра.

— Ох, — вздохнула Кукурузинка, — я так устала, так устала. Не могу больше стоять. — И она упала на землю.

— Я тоже не могу, — откликнулся Пахтачок и тут же повалился рядом.

Надвигалась ночь. Красный круг солнца наполовину уже закатился за горизонт. Прохладный ветер закружил над землей. С тревожным криком проносились птицы. Они торопились в свои гнезда.

— Скоро ночь, — Пахтачок тяжело вздохнул. — Пора и нам подумать о ночлеге. Сейчас я принесу листьев, устрою постель и будем спать.

Он быстро собрал целый ворох сухих листьев, и друзья улеглись на нем.

Небо над головой почернело от туч. Солнце совсем спряталось. Стало темным-темно. Вдруг бабахнул такой гром-громище, что земля задрожала. С треском разорвав тучи, по небу проползла ослепительно-яркая голубая змея-молния. Хлынул проливной дождь.

Пахтачок едва успел растянуть над головой свою огромную шляпу. Они укрылись под ней, как под палаткой.

Всю ночь громыхал гром, сверкали молнии и лил дождь. Крупные капли угрожающе барабанили по шляпе. Ветер вырывал ее из рук, закидывал под нее холодные дождевые брызги. Друзья ежились от холода, прижимались друг к другу и молчали.

Утром дождь перестал. В небе засверкало солнце. Стало тепло и весело.

— Как хорошо, — сказал Пахтачок. — Только есть хочется. Сейчас бы один съел целый каравай.

— Подумаешь, каравай. Я бы в один присест и два уплела.

— Пойдем поищем чего-нибудь съестного, — предложил Пахтачок.

— А мне говорил учитель Одуванчик, что скоро придет сырая осень, а за ней зима. Будет холодно. Все засыплет снегом.

— Это правда. — Пахтачок помрачнел. — Прошлую зиму я просидел в колхозном амбаре. Там хорошо. Тепло и сухо. Но зато меня едва не загребли в мешок, чтобы отправить на маслозавод, где уже погибли миллионы моих братьев.

— Тогда надо что-то придумать, — Кукурузинка дернула себя за рыжую косицу и задумалась.

— Надо, — согласился Пахтачок, прикладывая ладошку ко лбу.

— Знаешь что, — воскликнул вдруг он, — я придумал. Давай вот здесь построим дом. Запасемся едой, наготовим дров и перезимуем.

Так они и порешили.

Облюбовали место на бугре. Смастерили носилки, наносили большую кучу глины. Вырыли в ней ямку. Налили в нее воды. Глина намокла, потемнела и стала вязкой, как тесто. Из этого глиняного теста друзья принялись лепить кирпичи.

Это была очень тяжелая работа. Оба скоро устали и присели передохнуть. Присели и сразу услышали громкое надсадное пыхтение. Будто совсем рядом шел паровоз.

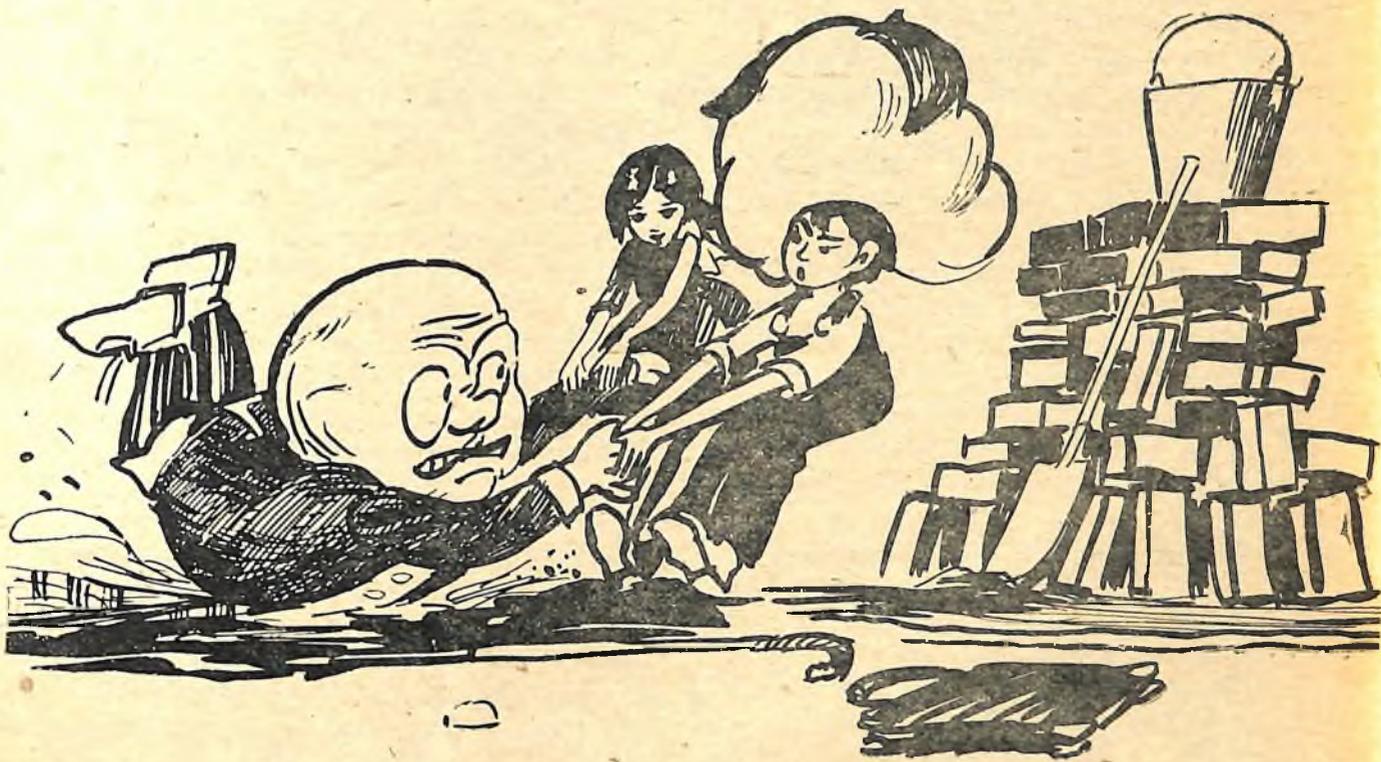
— Что это? — вскинула брови Кукурузинка.

Пахтачок в ответ только пожал плечами.

А пыхтение приближалось, становясь все громче и тяжелее. Теперь стало ясно, что кто-то поднимался по склону бугра. Но кто?

Забыв об усталости, друзья проворно спрятались за грудой готового кирпича.

Хрипкое фырканье послышалось со-

всем рядом. И вот над бугром показались большая пергаментная лысина. Потом появилась круглая голова с толстыми как арбуз щеками, носом с добрую картофелину и красным, мясистым ртом.

По надутым щекам текли ручейки пота, а из раскрытого рта вырывалось громкое фырканье.

Еще минута и на бугре появился низенький, кругленький толстяк. С портфелем и тростью в одной руке. С большим клетчатым платком — в другой. Платок был так велик, что походил на простыню. Толстяк поминутно обтирал им потную блестящую лысину и сопел.

Он долго стоял, не шевелясь, тяжело отдуваясь и бессмысленно глядя по сторонам выпученными как у рака глазами. Потом засунул платок в карман. Взял в освободившуюся руку трость. Помахивая ею, важно зашагал к куче кирпичей.

Кукурузинка с Пахтачком выскочили из-за укрытия.

— Ай!— испуганно взвизгнул толстяк и, кинув портфель с тростью, кинулся наутек. Да на беду запнулся за кирпич и с разбегу плюх животом в жидкую глину.

Он рванулся было, чтобы встать, но не смог. Штаны и куртка крепко прилипли к глине и не давали ему подняться. Перепуганный толстяк отчаянно замахал руками, задрогал ногами и что было сил завопил:

— На помощь! Погибаю! Спасите!!

Друзья схватили толстяка за руки и давай его из глины вытаскивать. Тянули, тянули — еле вытащили.

А он встал на ноги, оглядел себя со всех сторон и запричитал:

— Беда. Несчастье. Погибла моя лучшая куртка. Пропали мои выходные штаны. В чем я стану руководить? Как я буду приказывать? Ай-ай-ай!

Пока он хныкал, глина высохла, и Пахтачок оттер ее от штанов и куртки круглоголового толстяка.

Тот сразу повеселел. Поднял свой портфель. Взял в руку трость и, важно выпятив похожий на мяч живот, несколько раз прошелся перед изумленными друзьями.

— Кто вы такой?—спросила его Кукурузинка.

Толстяк прищурил выпученные рачьи глаза, почмокал большими мясистыми губами и глухим надтреснутым голосом запел:

Я толстый, важный господин,
У всех в большом почете,
На целом свете я один,
Другого — не найдете.
Друзья, знакомые, родня
Нас чтут и уважают.
Они Боб Бобычем меня
С почетом величают.
Я Боб не бедный, не простой,
Живу не в огороде,
Я занимаю пост большой
В бобином нашем роде.
Не одинок на свете я
Мне каждый—друг иль брат.
Есть у меня своя семья:
Жена и семь бобят.
Есть у меня портфель и трость,
Перо и ручка есть,
Повсюду я — желанный гость,
А мне — почет и честь.

Под конец Боб Бобыч совсем охрип. Закончив песню, он долго откашливался. Снова извлек клетчатую простынь-платок. Вытер им потную лысину. Засунув платок в карман, строго спросил Пахтачка:

— Вы все поняли?

— Как будто понял.

— Тогда организуйте.

— Что организовать?

— Надо научиться на лету угадывать мои мысли. Я долго шел. Конечно, устал. Проголодался. Пора бы давно предложить мне пообедать!

Кукурузинка проворно разложила перед Бобом всё съестное, что им удалось раздобыть.

— И только? — нахмурился Боб.

— Больше у нас ничего нет, — смущенно потупилась Кукурузинка.

Боб недовольно фыркнул и с такой торопливостью и жадностью принялся за еду, будто его целую неделю не кормили. Кукурузинка испуганно попятилась: чего доброго этот лысый обжора мог незаметно и ее проглотить.

Через минуту Боб покончил с едой. Он сыто рыгнул, поковырял палочкой в зубах и сонно забормотал:

— Ну чего стоите? Работайте, работайте. Я немножко отдохну. Переварю пищу.

Он с блаженным вздохом растянулся на земле. Подложил под голову портфель и тут же уснул. Из его широких ноздрей вырвался такой мощный храп, что куча кирпичей сразу же развалилась, а пролетавшая мимо синица, трижды кувыркнувшись в воздухе, камнем упала на землю.

— Если он будет храпеть на нас, мы никогда не выстроим дом. Пусть храпит в другую сторону, — сказала Кукурузинка, поднимая рассыпавшиеся кирпичи.

Пахтачок подошел к храпящему Бобу. Потрепал его за плечо.

— Боб Бобыч, повернитесь, пожалуйста, и храпите в другую сторону.

Боб не пошевелился.

Пахтачок изо всех сил тряхнул его за плечи — тот не просыпался. Тогда Кукурузинка стала потихонечку вытаскивать портфель из-под головы спящего. Боб сразу очнулся. Вцепился в портфель обеими руками и пронзительно закричал:

— Стой! Куда тянешь! Не сметь! Стража! Караул! Грабят!

Его долго успокаивали, а когда успо-

коили, попросили перевернуться на другой бок. Боб перевернулся и тут же снова захрапел.

Он храпел до позднего вечера.

Пока он спал, друзья закончили делать кирпич, вырыли яму для фундамента. Потом они умылись, и Кукурузинка стала печь блины на ужин. От горячих блинов пошел такой аппетитный пар, что у Пахтачка потекли голодные слюнки. Он отвернулся от горки дымящихся румяных блинов, проглотил слюни и молча ждал пока Кукурузинка закончит печь.

Аппетитный аромат от горячих блинов долетел и до широких ноздрей Боба. Тот сразу перестал храпеть. Его выпученные, рачьи глаза открылись. Он проворно вскочил. Подбежал к горке блинов, хлопнул в ладоши:

— Блинчики. Хорошо. Одобряю. Начали.

Он схватил с тарелки горячий блин, запихал его в рот и тут же потянулся за вторым блином. Не успели друзья опомниться, а Боб уже разделался с блинами. Сладко потянулся и по-кошачьи промурлыкал:

— Н-не дурно, н-не дурно. Теперь спать.

Улегся на прежнее место и опять захрапел. А друзья долго еще сидели и ждали, пока испекутся блины на ужин.

— Если этот Боб завтра же не уберется отсюда по добру-по здорову, я его проучу, — сердито ворчал Пахтачок, укладываясь спать.

Наутро Боб проснулся очень поздно. Он долго потягивался, чесался, кряхтел. Потом умылся, съел оставленный ему завтрак. Не спеша подошел к строящемуся дому. Присел на камень и давай командовать:

— Клади сюда кирпич.

— Пристукни его лопаточкой.

— Мажь глинку погуще.

Пахтачок не выдержал:

— Эй, Боб Бобыч! Идите-ка сюда. Будете мне кирпичи подавать.

Боб сделал вид, что не слышит.

— Эгей! — пуще прежнего закричал Пахтачок. — Боб Бобыч, идите кирпичи подавать.

И снова Боб сделал вид, что не слышит.

Тогда друзья закричали вдвоем:

— Боб Бобыч! Идите помогать!

А Боб хоть бы ухом повел. Сидит, рачьими глазами ворочает и ухмыляется. Потом прикрыл глаза и сладко засопел носом. Тут Пахтачок вполголоса и говорит.

— Давай на ужин зажарим Боба.

— Давай.

Ресницы у Боба мелко задрожали. Из-под них тревожно блеснули глаза. Уши встопорщились, насторожились. Боб перестал сопеть.

— Он жирный, — громче прежнего зашептал Пахтачок. — Обжарим его на вертеле и схрумпаем.

— А справимся мы с ним? — спрашивает Кукурузинка.

У Боб Бобыча лысина испариной покрылась. Колени задрожали мелкой дрожью. В горле запершило. Щеки побелели, и нижняя губа отвисла. Приоткрыл он глаза, с испугом на Пахтачка косится. А тот взял в руки кирпич и так спокойненько говорит:

— Вот сейчас он уснет покрепче. Я к нему подкрадусь и этим кирпичом по макушке трах.

— Ах,—вскрикнул Боб, вскакивая,— ах.

— Что с вами? — обратилась к нему Кукурузинка. — Сон дурной приснился?

— Нет, нет, — замахал руками Боб. — Какой там сон. Я совсем забыл. Меня же ждут. У меня дела. Надо руководить. Писать приказы. Вы уж трудитесь. А я... а мы... — Он отступил на

несколько шагов, повернулся и кинулся бежать.

— Ура! — закричали друзья.

Они были уверены, что сюда Боб больше никогда не пожалует.

Но не тут-то было.

Когда дом был уже совсем готов, а Кукурузинка с Пахтачком сидели на крыльце и думали, как бы им получше отпраздновать новоселье, послышалось знакомое сопенье и фырканье. На бугор медленно вскарабкался Боб. За ним появилась круглая и толстая Бобиха. А позади нее — семь бобят — один другого меньше. Бобята сразу же выстроились в кружок. Боб Бобыч подходил к каждому из них, тыкал пальцем в живот и громогласно называл его имя.

— Бобенок, Бобчик, Бобик, Бобоченок, Бобоченок, Бобышек, Бобочушка.

Потом вся бобиная семья — впереди Боб Бобыч, за ним Бобиха, следом Бобенок и остальные шесть бобят — двинулись вокруг дома. Обошли его, оглядели, ощупали. Боб Бобыч указал тростью на дверь и важно проговорил:

— Домик не плох. Это мы отметим в приказе. Все по инструкции. Я, как руководитель, доволен. Теперь у этих мальцов будет крыша над головой. Вперед, бобята.

И семь бобят, как волчья стая, кинулись к дому. Через минуту они уже высунулись из окон и хором закричали:

— Палочка, иди скорей. Мы устроились!!

— Послушайте, — возмутился Пахтачок, — мы же совсем не для ваших бобят строили этот дом.

Боб Бобыч надулся, отставил ногу, уперся кулаками в бока.

— Так вы хотите, чтобы этих невинных крошек я оставил под открытым небом? Не выйдем.

— Почему же вы сами не построили

дом для своих бобят? — не сдавался Пахтачок.

— Я же вам объяснял, — возмутился Боб Бобыч, — мое дело руководить, а не строить.

Тогда Пахтачок решил прибегнуть к испытанному средству и, надвигаясь на Боба, спросил страшным шепотом:

— А что если ночью мы съедем вас вместе с бобятами?

Боб Бобыч побледнел и испуганно попятился к дому. А, вбежав на крыльцо, прокричал оттуда:

— Не съедите. Нас в четверо больше. Мы сделаем ставни на окна и запоры к дверям. А потом я выяснил, установил, что вы оба — ха-ха—не хищники. Вот так.

Он громко шмыгнул носом-картофелиной, тряхнул лысой головой и, размахивая портфелем, скрылся в доме.

7. РЕПЬ РЕПЬЕВИЧ И ПЕРЧИК

Едва успели друзья выстроить себе другой дом, а на бугре уже появился еще один незнакомец.

Он походил на ежа — небольшой и колючий. Его шляпа, плащ и даже башмаки были густо покрыты острыми, тонкими шипами.

На спине шипастого пришельца вышались огромные счеты, костяшки на них перекатывались с места на место, дребезжали и шелкали.

Колючий незнакомец подошел к дремавшему на солнышке Боб Бобычу. Снял усеянную шипами шляпу, низко поклонился.

— Здравствуйте-пожалуйста. Раз, два, три, четыре — я нуждаюсь в квартире. Восемь, семь, шесть и пять — буду здесь зимовать.

— Кто таков? — Боб Бобыч надул губы и важно посмотрел на пришельца.

— Репь Репьевич, — отрекомендовался гость.

— А что ты можешь делать? — повысил голос Боб Бобыч и запыхтел, как паровоз на крутом подъеме.

Репь Репьевич с грохотом скинул на землю громадные счеты. Ударил по ним колючим кулаком. Счеты задребезжали, зазвенели и под их треск Репь Репьевич пропел тонюсеньким колючим голоском:

Журавлей и Журавлих
Мчится в небе стая,
Кто в одно мгновенье их
Всех пересчитает?
Вон стоит кудрявый клен,
Головой качает,
Сколько веток держит он,
Кто пересчитает?
Гладь той лужи дождевой
Зеркалом сверкает,
Сколько капель в луже той,
Кто пересчитает?
Сколько дырок в решете,
Сколько звезд сияет,
Сколько листьев на кусте,
Кто пересчитает?
Только я один могу
Сосчитать все на бегу.

Репь Репьевич снова ударил кулаком по счетам, и они затрещали, как пулеметная очередь.

Несколько минут все молчали. Потом Кукурузинка выступила вперед и спросила:

— Скажите, пожалуйста, а строить дома, копать канавы, стеклить окна или варить обед вы можете?

— Раз, два, три, четыре, пять, — начался допрос опять. Рядом цифры шесть и семь — я отвечу сразу всем. Ни полить, ни копать, ни рубить, ни пахать, ни косою махать — не умею. Но зато подсчитать, рассчитать, сосчитать — все поспею.

Боб Бобыч слез со ступенек, степенно подошел к Репь Репьевичу. Надул жирные щеки и медленно проговорил:

— Я считаю, что счетовод нам необходим. Кто не согласен — подайте возражение в письменном виде. А теперь

ему надо построить дом. Иначе он погибнет от дождя или его унесет ветер. Об этом сегодня же будет издан специальный приказ.

Репь Репьевич поклонился Бобу.

— Шестью восемь — сорок восемь — все сомнения отбросим. Пятью десять — пятьдесят, я у вас работать рад. Покажите где мой дом, размещусь я быстро в нем.

— Дом надо еще построить, — ответила Кукурузинка. — Места много. Глины целая гора. Снимайте пиджак, берите лопату и принимайтесь за работу.

Репь Репьевич обиделся. Снова склонился над счетами.

— Сначала я должен все подсчитать. — Он проворно защелкал колючими костяшками, приговаривая. — Четыре стены быть в доме должны. В каждой стене — сто кирпичей, да надо сто штук на постройку печей. Стало быть нужно пятьсот кирпичей. Теперь бы их вес подсчитать надо нам. Каждый кирпич — весит двести грамм. Пятьсот кирпичей — это сто тысяч грамм. Сколько же выйдем из них килограмм?..

Все разошлись, а Репь Репьевич все еще стучал костяшками счет, что-то бормотал, считал и пересчитывал.

Когда наступило время обеда, Репь Репьевич появился в доме Кукурузинки и Пахтачка. Он брякнул на скамейку счеты. Подошел к столу. Заглянул в чугунок с кашей.

— О, как много каши здесь. Вам вдвоем ее не съесть. Тут крупинок тысяч пять. Их не просто разжевать. Ведь всего два рта у вас. Так, поделим все сейчас. Пять на два делить не просто...

— Ой, — взмолилась Кукурузинка, — пока вы все поделите, да помножите, каша остынет. Садитесь-ка лучше обедать.

Репь Репьевич не стал ждать по-

вторного приглашения и подсел к столу. Подцепив полную ложку каши, он пробормотал:

— Тридцать одно зерно, — и поспешно сунул ложку в рот.

Пообедав, Репь Репьевич сказал:

— Теперь мне позвольте для вас подсчитать, сколько минут нам до ужина ждать...

Прошло несколько дней. И однажды на бугре появился целый отряд новоселов.

Были тут и плотник Семечко, и маляр Горошек, и стекольщик Маковка, и каменщик Орешек, и трубочист Перчик и многие другие.

Кукурузинка и Пахтачок были очень рады пришельцам. Скоро они подружались со всеми. Но больше других им нравился маленький, красный, верткий, как уж, Перчик. Он был веселый, задиристый, никому не прощал обид и говорил только правду.

Перчик носил ярко-красную куртку и такой же красный колпак с кисточкой. Работая, он всегда вполголоса напевал свою любимую песенку:

Я — жгуч, остер и красен.
Воспламеняюсь вдруг.
Для лодыря — опасен,
А труженику — друг.

Вскоре у Перчика произошло столкновение с Боб Бобычем.

Перчик подносил каменщикам глину, когда увидел, как по улице важно шествует все многочисленное бобовое семейство. Впереди, размахивая портфелем и тростью, шел Боб Бобыч. За ним шаром катилась круглая Бобиха. А позади нее чинно в ряд выступали семь бобят: Бобик, Бобенек, Бобчик, Бобочек, Бобеночек, Бобышек, и Бобочушка.

— Смотрите! — радостно закричал Перчик и замахал красным колпаком с кисточкой. — К нам идет пополнение.

Все бобовое семейство явилось на стройку. Милости просим. Боб Бобыч, кладите портфель и трость, берите лопату. А ваша достопочтенная супруга с бобятами пускай подают кирпичи.

Боб Бобыч остановился, смерил Перчика высокомерным взглядом. Выпущенные рачьи глаза налились кровью, широкий, с добрую картофелину нос раздулся и стал еще больше.

— Вы, видно, новичок и не знаете с кем разговариваете. Да будет Вам известно, я—Боб Бобыч. Понятно? Не плотник, не печник и не каменщик...

Боб Бобыч вынул из кармана свой неизменный клетчатый носовой платок, похожий на простыню, и так громоподобно сморкнулся в него, что у Перчика выпала из рук лопата.

Погладив ладонью большую, круглую сверкающую на солнце лысину, Боб Бобыч снова заговорил тем же важным тоном:

— Вам, как новичку, я прощаю эту дерзость. Однако прошу запомнить. Я—это я, и не смешивайте меня с кем-нибудь другим.

Перчик прижал руки к груди. Низко поклонился и почтительнейшим голоском спросил:

— Осмелюсь задать вам один вопрос. Кто сказал, что вы не простой обыкновенный Боб, а важная персона?

— Я сам все знаю. Я сам всем говорю. Вот, например, могу вам сказать, что вы — дерзкий и наглый задира.

Боб Бобыч широко разинул большой мясистый рот и громко захохотал. Вслед за ним засмеялась Бобиha, захихикали бобята.

Когда они вдоволь насмеялись, Перчик еще ниже поклонился Бобу и смиренно спросил:

— А можете вы всю эту глину превратить в кирпич, а из кирпича построить дом? — Перчик покосился на стоящих

вокруг приятелей и лукаво им подмигнул.

— Могу, — гордо ответил им Боб Бобыч.

Он не спеша положил на землю портфель и трость. Упер кулаки в бока. Так надул щеки, что они стали походить на воздушные шары и закричал:

— Ну-ка! Эй! Все живо! Беритесь за дело! Хватайте, мните, мажьте.

— Значит, хватать?—спросил Перчик.

— Хватайте, — подтвердил Боб Бобыч.

- Мять?
- Мните.
- Мазать?
- Мажьте.

— Ну, что же. Для нас слова Боб Бобыча—закон. Берись, ребята. Раз, два, три.

Все подбежали к Боб Бобычу. Схватили его, повалили на землю и принялись мять. А Перчик напел:

Мнем Боба, мнем Боба,
Мнем от пяток и до лба.
Чтобы был помягче Боб,
Поумнел немного чтоб.
Чтоб он гнулся, не ломался,
Чтоб работы не боялся.
Мнем Боба, мнем боба,
Мы от пяток и до лба.

— Пустите меня, негодяи! — кричал Боб Бобыч. — Что вы делаете! Как смеете. Я вас...

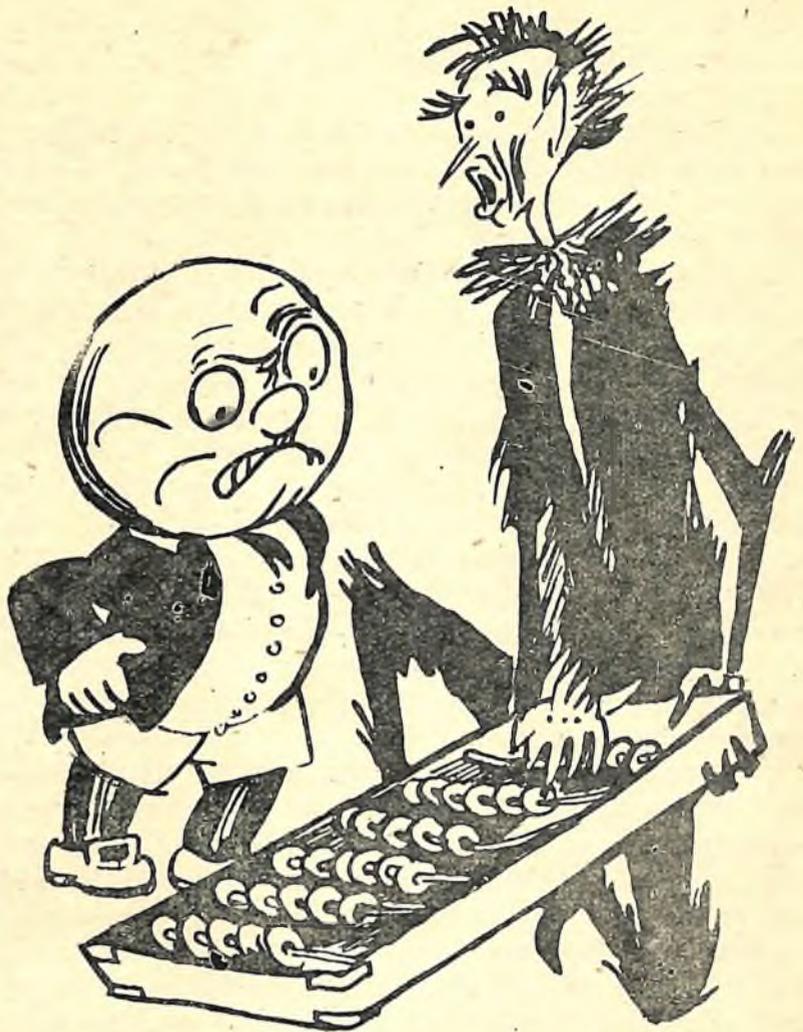
Но его никто не слушал. Как следует намяв ему бока, все принялись мазать его глиной. А Перчик снова запел:

Мажьте гуще, мажьте вязче,
О других чтоб думал чаще.
Чтоб от лени не разохся,
От безделья не задохся.
Чтоб не лопнул ото сна,
Смазка крепкая нужна.
Мажьте гуще, мажьте вязче,
Вспоминал о нас чтоб чаще.

Боб Бобыч брыкался руками и ногами. По-щенячьи визжал. Угрожал Перчику расправой.

Но Перчик не обращал на это никакого внимания. Только допев свою песенку до конца, он сказал рабочим:

— Теперь кладите его на землю и отойдите в сторону.

Все так и сделали.

Боб Бобыч кричал, стонал и плевался.

— Теперь вы убедились в нашем послушании? — шутливо поклонился Перчик лежащему Бобу. — Мы сделали все, что вы приказали, схватили, намяли и намазали. Есть ли другие указания?

Боб Бобыч молчал, опасливо поглядывая на улыбавшихся друзей Перчика. Потом он тихонько приподнялся с земли и вдруг вскочил, схватил портфель с тростью и кинулся со всех ног наутек. За ним засеменила Бобиха. Следом улепетывали бобята.

Они бежали так, будто за ними гналась стая волков. А вслед им хохотали и свистели плотники, каменщики, маляры. Вдруг смолкли голоса. Все повернулись в одну сторону и замерли в изумлении.

Серединой дороги, переваливаясь с боку на бок, медленно вышагивала пузатая Тыква. Она вела на цепи огромного лохматого пса. Он рычал и оглушительно лаял. Следом на дюжине телег везли добро Тыквы. К каждой телеге было привязано по собаке. Они выли и лаяли на разные голоса так жутко, что у Перчика даже колпак с головы слетел.

— Вот так подкрепление, — сказал он, стряхивая пыль с колпака и направился было к Тыкве. Но та, увидев Перчика, завопила:

— Стой! Ни с места! Из ружья пальну. Кобеля спущу. Не шевелись.

Заслышав голос хозяйки, псы зарычали, загавкали, оскалив клыкастые пасти. А Тыква пуще прежнего замахала руками и закричала:

— Не шевелись! Не подходи! Не тронь!

8. КУКУРПАХ

Ночью прошел проливной дождь. Все недостроенные дома размокли и развалились. Потоки дождевой воды подхватили стекольщика Маковку и понесли его неведомо куда. Если бы каменщик Орешек во время не подоспел на выручку другу, стекольщик наверняка погиб бы в мутных дождевых потоках.

Наутро дождь перестал. Новоселы со-

брались подле размытых и разрушенных домов. Вид у всех был очень унылый.

— Придется все начинать сначала, — грустно сказал каменщик Орешек.

— А ночью опять может пойти дождь и то, что за день мы выстроим, дождь размочет, — проворчал стекольщик Маковка.

— Дождь, не дождь, а строиться надо, — весело закричал Перчик. — Чего носы повесили? Засучайте рукава и дружно за работу. Ну? — И Перчик первым скинул свою ярко-красную куртку.

— Погодите, тут надо подумать, — сказала Кукурузинка, дернув себя за рыжую косичку. Потом она наморщила выпуклый лоб, наморщила носик-луковку, опустила длинные желтые ресницы и задумалась.

— Я, кажется, кое-что придумала, — сказала она немного погодя. — Будем все вместе строить один дом. Общими силами мы за день выстроим и покроем крышу. Тогда нам не страшен никакой дождь.

Все согласились с ней. Строители сразу повеселели. Дружно взялись за лопаты, носилки, ведра и топоры. Работа закипела. Кто-то запел песню. Ее подхватили:

Мы сильные и смелые,
Мы ловкие, умелые,
Работа нам любая нипочем.
За что мы ни возьмемся,
Мы своего добьемся
И никогда с дороги не свернем.

Вдруг откуда-то из-за бугра донесся пронзительный крик:

— Помогите!

Песня оборвалась. Все с тревогой повернулись на крик.

На бугор вбежал маляр Горошек. Он был без шапки. Волосы на голове растрепались. Один рукав куртки оторван. Одна нога в башмаке, другая — босая.

Не успел бедный Горошек пробежать и двух шагов, как следом за ним на бугор выскочила большая серая мышь. Глаза у нее горели как угли. В зубастом рту торчал рукав от куртки маляра.

Все замерли от страха, словно окаменели.

Бедный Горошек совсем выбился из сил. Он пробежал еще несколько шагов и рухнул на землю, как подрубленный. Серая разбойница настигла маляра и разинула пасть, готовясь схватить его длинными и тонкими, как иглы, зубами.

— Что же мы стоим, — закричала Кукурузинка. — Скорее на помощь Горошку. — И она первой кинулась навстречу опасности.

Хватая на бегу что попадется под руки, все бросились следом за Кукурузинкой.

В это время из толпы вынырнул счетовод Репь Репьевич и сунул в оскаленную мышиную пасть свои колючие счеты, проговорив при этом:

— Ну-ка, злюка, счеты кушай, да мои расчеты слушай. У тебя четыре лапы и один короткий хвост, я сейчас колючей шляпкой прокалю тебя насквозь.

Репь Репьевич сорвал с головы шляпу, усеянную острыми шипами и со всех сил хлопнул по мышинной спине. Мышь взвизгнула от боли, выплюнула счеты и кинулась на бесстрашного счетовода. Ткнулась в него носом, укололась и отпрыгнула. Тут Перчик ударил серую разбойницу своим колпаком и засыпал ей глаза ядовитым перцем.

Мышь волчком закрутилась на месте. Зачихала, заскулила и кинулась прочь.

Плотник Семечко изловчился и, когда мышь пробежала мимо, отрубил ей половину хвоста.

Все радовались победе. Хлопали в ладоши, смеялись, обнимали друг друга. Потом принялись качать Кукурузинку, Перчика, плотника Семечко. Репь Репь-

евича качать не стали: он такой колючий, что до него страшно было рукой дотронуться. Зато его долго и горячо благодарили. А он кланялся и смущенно бормотал:

— Руки храбрые у нас — это раз. Не пустая голова—это два. Сердце доброе в груди — это три. Жить хотим со всеми в мире—вот четыре. За себя готовы постоять — это пять.

Только маляр Горошек не разделял общего веселья. Казалось, он был совсем не рад своему спасению. Перчик не выдержал и хлопнул приятеля по плечу.

— Эй, дружище. Чего нос повесил?

— Мышь расскажет о нас другим. Они соберутся вместе и нападут. Тогда мы не устоим.

Все согласились с Горошком. И сразу стало тихо и грустно на бугре. Кукурузинка посмотрела на постные лица товарищей, и ее голубые глаза наполнились грустью. Дернула она себя за рыжую косицу раз, дернула два — задумалась. Но ненадолго. Вот она вскочила на камень и закричала:

— Придумала, придумала, как нам опастись. Я сейчас же вызову травинки и пошлю их к Старшему Травинке. Пускай все они вместе с портным Соломинкой и учителем Одуванчиком идут к нам.

Так она и сделала. И вот на следующее утро, когда солнце только что поднялось над горизонтом, послышалась громкая песня травинок:

Мы дружные травинки
Шагаем в ряд,
Зеленые ботинки
У нас скрипят...

Все бросили работу и собрались у дома Кукурузинки. На бугор поднялись стройные колонны травинок. Они шли под музыку. Впереди — знаменосец. За ним — трубачи и барабанщики. Звонко

пели трубы. Звенели литавры. Грохотали барабаны.

Позади травинок шли портной Соломинка и учитель Одуванчик.

Ох, как шумно и весело встречали их новоселы. Даже Боб Бобыч вышел со своим семейством на крыльцо. Он вынул из кармана огромный, как простыня, носовой платок и принялся им махать.

И пузатая тетя Тыква приковыляла на шум. Она стояла в стороне и сладко посапывала, вроде бы дремала. Но маленькие, заплывшие жиром глазки Тыквы так и бегали по травинкам.

— Ого,—довольно бормотала она.— Сколько их. Есть кому продавать, есть кого обсчитывать. Разбогатеет.

Между тем Старший Травинка, портной Соломинка и учитель Одуванчик обнялись и расцеловались с Кукурузинкой. Потом они познакомились с Пахтачком, Перчиком, Репь Репьевичем и другими новоселами.

Расправив пышные зеленые усы, Старший Травинка спросил Кукурузинку:

— Как называется ваш город?

Все недоуменно переглянулись. В самом деле, как же он называется. Пришлось сказать гостям, что город еще не имеет названия.

— Это не беда. Давайте сейчас же сообща придумаем ему название,—предложил учитель Одуванчик.

— Я уже придумал, — закричал Боб Бобыч и протиснулся вперед.

— Как же вы предлагаете назвать свой город? — поинтересовался Одуванчик и, одев круглые роговые очки, принялся сквозь них разглядывать Боба.

А тот гордо выпятил живот, надул круглые, как арбузы, щеки и торжественно произнес:

— Предлагаю назвать его Бобгород. Моя семья первой поселилась в этом городе. Мой дом был первым домом на

этом бугре. И сам я — первый Боб во всем бобовом роде.

Тут словно из-под земли вынырнул Перчик и тихо, чтобы слышал только Боб Бобыч, проговорил: «Хватай, мни, мажь».

Боб Бобыч крутнул головой, будто его оса укусила, и испуганно огляделся по сторонам. Увидев Перчика, он побледнел и бочком-бочком стал выбираться из толпы. А Перчик двигался за ним следом и все приговаривал: «Хватай, мни, мажь». Боб Бобыч энергичнее заработал локтями и, выбравшись из толпы, затрусил к своему крыльцу.

Тогда вперед выступил седоголовый учитель Одуванчик. Он пригладил седебряные волосы на голове, провел рукой по седой бороде, протер очки. Посмотрел на всех добрыми глазами и сказал:

— Этот город основали Кукурузинка и Пахтачок. Значит их именами и нужно его назвать.

Все закричали:

— Верно!

— Правильно!

— Согласны!

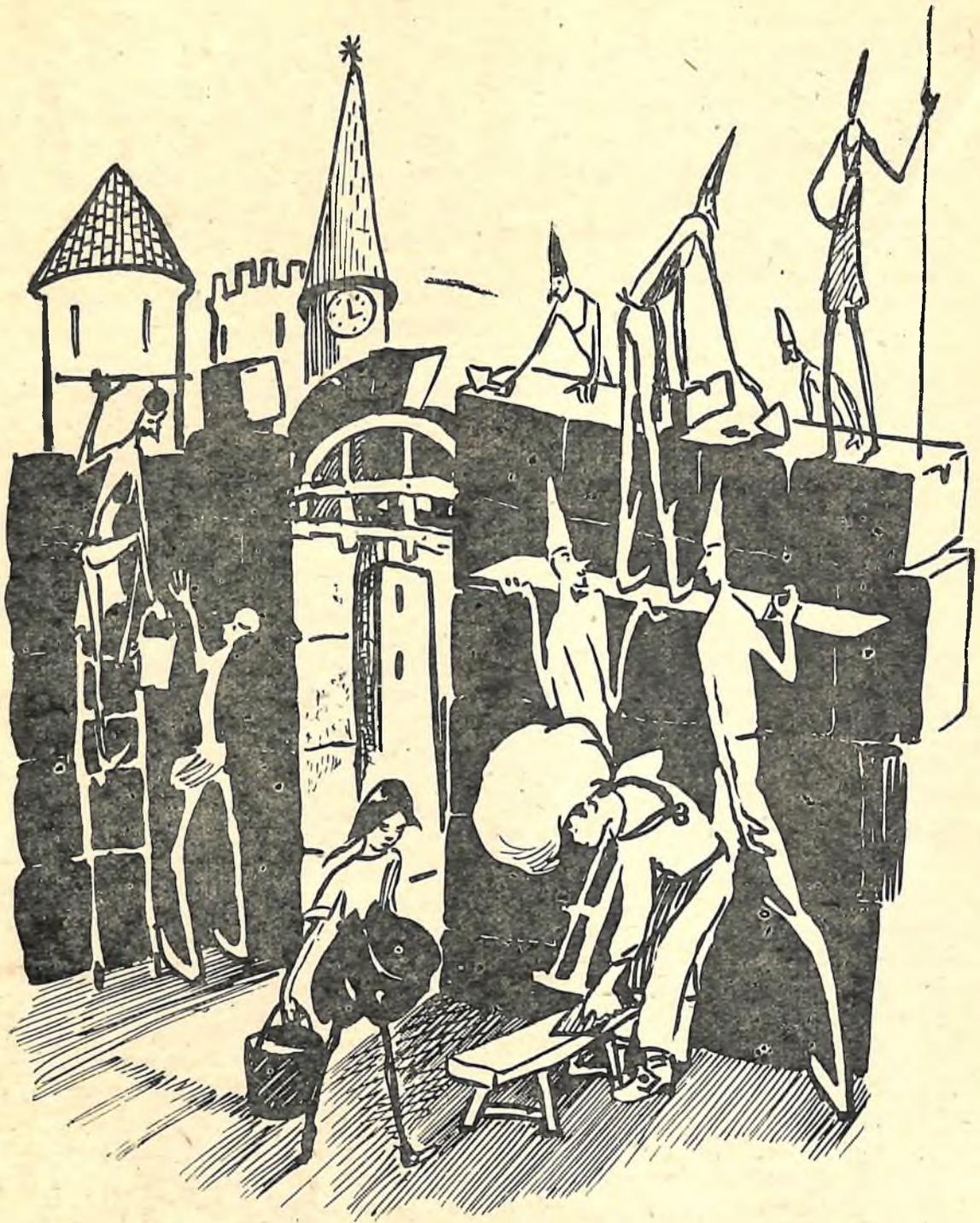
— Пусть этот город называется Кукурпах, — предложил Одуванчик.

И снова все громко и дружно закричали, соглашаясь с ним.

— Ну, а теперь,—твердо сказал Старший Травинка, — все за дело.

Травинки сняли шлемы и рубахи, сложили в кучу щиты, копья и мечи. Взяли в руки топоры, пилы, молотки, лопаты и принялись за работу. Вместе с ними взялись за дело и все жители Кукурпаха. Все, кроме Тыквы и Боб Бобыча с его многочисленным семейством.

Одни строили дома, другие возводили крепостную стену вокруг города, третьи—мостили улицы, четвертые — тянули телефонные и электрические провода, пятые — прокладывали водопро-

вод. При этом строители дружно пели задорную и веселую песенку:

Скоро, скоро будет город,
Засияет цепь огней.
Ну-ка, все, кто духом молод,
К нам сюда, да поскорей.
Рукава засучай,
Лом с лопатой получай,
Ты пили, а ты копай
Веселей!
Будем стены возводить,
Будем красить и белить,
Телефоны проводить,
Не робей!

Прошло несколько дней, и на вершине бугра вырос новый город. Он ярко сверкал на солнце разноцветными крышами домов, зеркальными витринами магазинов, стеклами больших окон. По улицам города торопливо сновали маленькие голубые трамвайчики и синие автобусы.

В этом городе были школа и театр, больница и музей. Скоро слава о Кукурпахе разнеслась далеко. С каждым днем в городе становилось все больше и больше жителей.

9. МЕРИ КОВКА И ПИТЕР УШКА

— Смотрите, смотрите,—закричала Кукурузинка, — к нам идут какие-то иностранцы!

Все, кто в это время были на площади, посмотрели туда, куда указывала Кукурузинка.

Сережиной улицы, взявшись за руки, медленно вышагивали странные существа. Он и она. Оба высокие, худые. Они шли сутулясь, раскачиваясь из стороны в сторону, ни на кого не глядя. Оба были одеты необыкновенно. Но не это поразило горожан. У незнакомцев были ярко-зеленые волосы до плеч. Красные брови и синие ресницы. А у него в при-

дачу кустилась на подбородке голубая борода.

— Марсиане, — первым высказал догадку Репь Репьевич.

— Нет, это австралийцы из племени лупу-пупу,—возразил Старший Травинка.

— Позвольте, — Одуванчик поправил на носу очки и устремил взгляд на незнакомцев, бормоча: — Странные создания. Таких я не видел ни в одной энциклопедии. Вероятно, это обитатели звездных миров.

— Давайте у них спросим, — предложила Кукурузинка и шагнула навстречу иноземцам.

— Постой! — опередил ее Перчик. — Я их узнал. Это же Морковка с Петрушкой. Ишь как они вырядились, будто на маскарад. Вот стилиаги.

Перчик поправил красный колпак с кисточкой, застегнул куртку и двинулся навстречу странным пришельцам.

Когда до них оставалось всего два шага, Перчик встал в торжественную позу, снял колпак и, помахав им в воздухе, звонко крикнул:

— Петрушка и Морковка! Мы рады приветствовать вас...

— О кей, — перебил Перчика голубобородый юнец. Он сунул руки в карманы узеньких в цветную клетку брюк. Выплюнул окурок. — Вы ошибаетесь. Ми есть Питер Ушка. А эта дама. О она тоже есть иностранка. Это Мери Ковка. Ми...

Перчик подмигнул товарищам и, изобразив на лице почтение, вежливо спросил:

— Позвольте полюбопытствовать. Вы надолго к нам? Работать или отдыхать?

— О да. То есть о нет. Ми — ночной бабочка. Днем ми спим, отдыхай. А ночью работай.

— Вы артисты?

— О найн.

— Астрономы?

— О нихт.

— Они ночные сторожа, — твердо сказал Репь Репьевич.

— Заткнись, дурак! — рывкнула на него Мери Ковка. Бедный Репь Репьевич от неожиданности едва устоял на ногах. А она, сердито вращая глазами, выкрикивала, как заводная: — Провинция! Серость! Тупость! Глупость! Неразвитость!

Питер Ушка тоже разошелся вовсю и, позабыв об иностранном акценте, заорал:

— Работяги! Деляги! Трудяги! Дальше носа ничего не видите. Не умеете жить. Не знаете... Не понимаете...

Перчик попытался было унять разбушевавшихся стилиг. Куда там. Они и слушать никого не хотели. Топали ногами и, перебивая друг друга, орали. Тогда Перчик сунул два пальца в рот и так пронзительно свистнул, что с деревьев листья посыпались, а зеленые волосы Мери Ковки встали дыбом. Она испуганно дернула за рукав Питера Ушку.

— Хэлло, старик. Утопаем от этих дикарей.

— Гой-ля, старуха, — отозвался он. — Вкалывай, пока не влипли.

Они взялись за руки. Приплясывая и раскачиваясь из стороны в сторону, засеменили вдоль улицы.

— Вот это пополнение, — протянула Кукурузинка.

— М-да, — вымолвил Репь Репьевич и так грохнул кулаком по счетам, что они застрекотали, как тысяча сорок...

Вечером Питер и Мери вдруг появились во Дворце культуры. Постояли, сучающими взглядами посмотрели на танцующих, а потом Питер Ушка хлопнул в ладоши. Оркестр смолк.

— Хэлло, трудяги, — важно сказал Питер. — Сейчас мы покажем вам как надо веселиться и отдыхать. Мы стан-

цую самый модный танец бодолоб. Давай, старуха, лапу.

Они взялись за руки. Барабанщик со всего размаху стукнул колотушкой в барабан. И начался невиданный танец.

Сначала танцоры стояли на одном месте, будто у них башмаки к полу примерзли. Они только шевелили плечами, выгибали спины, виляли бедрами, качали головами и при этом напевали:

Всем, чем славится планета,
все для нас.

День и ночь, зима и лето,
все для нас.

Солнце светит, солнце греет,
лишь для нас.

Все цветет и зеленеет,
лишь для нас.

Вдруг Мери взвизгнула. Питер свистнул. Барабан зарокотал, как весенний гром. Танцоры подпрыгнули, будто их змея укусила, и давай по-лошадиному лягаться, по-козлиному бодаться. Друг на друга грудью налетают. Лбами стучаются. За руки один другого дергают. Пот по ним градом катится. Волосы растрепались. Куртка у Мери по швам лопнула. А они еще умудряются хриплыми голосами выкрикивать свою песню.

Нам бы, нам бы, нам бы —
хлеба побелей.

Нам бы, нам бы, нам бы —
мяса пожирней.

Нам бы, нам бы, нам бы —
крепкого вина.

Нам бы — есть досыта,
Нам бы — пить до дна.

— Алей! — крикнула Мери.

— Хету! — рывкнул Питер.

Барабан бухал, как скорострельная пушка. Завыли трубы, зазвенели медные тарелки. А танцоры стали выделять такие головокружительные «па», что и описать невозможно. Питер схватил за ноги Мери и давай раскручивать

ее вокруг себя, как палицу. Потом Мери схватила Питера за волосы и перекинула его через плечо, как мешок с картошкой. Скоро уже никто не мог различить лица танцоров. Из песни, которую они продолжали выкрикивать, можно было уловить лишь отдельные слова:

Жарь. Вари. Наливай.
Дай. Клади. Подавай.
Одевай. Обувай.
Нас...
Волгу голубую.
Шубу меховую.
Да впридачу дачу
Нам.

А дальше началось совсем невообразимое. В воздухе мелькали руки, ноги, головы. Но чьи они были — Мери или Питера — никто не мог сказать. Вместо слов песни из этого живого клубка теперь вылетали только стоны, крики да какие-то дикие, нечленораздельные звуки:

— Мы-ры-сы-ха!
— Я-на-да-ху!

Вдруг раздался удар, что-то закрипело, затрещало. Вверх взметнулось облако пыли. Люстра над головой замигала и потухла. С потолка дождем посыпалась известка. Оркестр смолк.

Когда пыль рассеялась, все увидели на полу неподвижно распростертых стилиг. Танцую, они с размаху налетели на колонну, переломили ее, но и сами зашиблись.

Градом посыпались испуганные возгласы:

— Они убились!
— Скорую помощь!
— Дайте воды!
— Надо бы их уложить на диван и сделать искусственное дыхание, — предложила Кукурузинка.
— Правильно, — подхватил Пахтачок и повернулся к Перчику. — Бери Петрушку за ноги, а я за руки.

— Да... но... — замялся Перчик. — Какие же его ноги?

— Вот эти в клетчатых шароварах.

— Но и эти тоже в клетчатых штанах.

— М-да, — Пахтачок почесал затылок. — Неудобно брать даму за ноги. Как же их отличишь? И ботинки, и куртки, и прически — все одинаково. Вот задача.

— Приложив немало сил, я задачу разрешил, — заскрипел надтреснутый голос Рель Репьевича. — В каждом деле нужен глаз — это раз. Пристально на все смотри — два и три. Научись запоминать — тут четыре, тут и пять. Что отличает Питера Ушку от Мери Ковки, его подружки? Одна пустяковинка, ерунда. Его отличает бо-ро-да.

— Правильно, — подпрыгнул Перчик и склонился над головами лежащих танцоров. — Вот она голубая борода. Держу. Ай, ах. Что же это?

В руках Перчика болталась кустистая голубая борода Питера Ушки.

Все даже рты разинули от удивления и принялись ощупывать диковинную бороду.

— Так она была приклеена, — воскликнул Пахтачок.

— Пожалуйста, не трогайте их, — замахала руками Кукурузинка. — А вдруг у них и головы приклеены. Возмешься за нее, а она отвалится.

Тут приехала «Скорая помощь». Мери и Питера уложили на носилки и унесли.

10. ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ

Дом тети Тыквы стоял на окраине Кукурпаха. Это был пузатый, кирпичный, двухэтажный особняк. Вокруг него зеленели большой сад и огород.

В гости к тете Тыкве никто не ходил. Да и нелегко было попасть в ее особняк. Он стоял со всех сторон окруженный вы-

соченным забором. Сверху забора в четыре ряда протянулась колючая проволока. Высокие дубовые ворота обиты железом. На них всегда висели два огромных замка. К воротам прибита досочка с надписью: «Берегись. Злые собаки!» И горожане береглись. Кому же хочется угодить собаке в пасть. А собаки во дворе и вправду были злые. Не собаки — звери. День и ночь они лаяли и рычали на прохожих.

Только Боб Бобыч дважды отваживался подходить к этим воротам.

Впервые он появился здесь на другой день после того, как тетя Тыква справила новоселье.

Важно надув щеки и выпятив живот, Боб Бобыч несколько раз медленно прошелся перед воротами особняка. Привлеченная лаем собак тетя Тыква выглянула за калитку и увидела надутого толстяка с портфелем и тростью.

— День добрый, — ласково пропела Тыква.

Но Боб Бобыч не удостоил ее ответом. Он глубокомысленно смотрел на обитые железом ворота особняка и молчал.

Встревоженная его молчанием, тетя Тыква бочком-бочком придвинулась к Бобу и еще ласковее обратилась к важному незнакомцу.

— День добрый, ваша светлость. Кто вы и откуда?

— Домик ваш? — Боб Бобыч ткнул тростью в ворота.

— Мой. Да и ведь какой это дом. Так себе. Избенка на...

— Не на месте, — перебил Боб.

— Что? — у Тыквы от волнения подкосились ноги, и она плюхнулась в пыль.

— Не на месте, — властным голосом повторил Боб. — Придется сносить. Здесь по генеральному плану будет бассейн с водоплавающей дичью.

— Как же так, — оторопело бормота-

ла Тыква, сидя в пыли. — Такую красоту сносить. А какие леденцы и монпансье растут в моем саду.

— Леденцы? — переспросил Боб и проглотил голодную слюну.

— И монпансье, и карамель, и лимонные дольки, — Тыква вскочила и заюлила вокруг Боба. — Да вы только войдите. Отведайте.

Боб еще немного поломался и вошел.

Через минуту он сидел за столом, а перед ним стояли большие блюда, доверху набитые сладостями.

— Хорошо, — еле дыша, с трудом пробормотал Боб набитым ртом и сунул в него еще одну горсть монпансье. — Мы подумаем, — и в Бобовую пасть полетела пригоршня леденцов. — Сделаем, — он зачерпнул горсть лимонных долек.

Наевшись до отвала, Боб ссыпал оставшиеся сладости в портфель и ушел, напевая:

Я — толстый, важный господин,

У всех в большом почете...

Через неделю он снова наведался к Тыкве. И опять она кормила его сладостями. А он ей обещал все устроить и уладить.

Прошел день, и Боб Бобыч снова постучал в ворота особняка. Послышался злой собачий лай, но ворота не отворились.

Боб долго стучал ногами и тростью, прежде чем ворота распахнулись.

Но едва Боб Бобыч вошел во двор, как на него с яростным лаем накинута целая свора псов. Боб кинулся было наутек, но псы вцепились в его штаны и не пускали. Боб поднатужился, слышался сухой треск, и от штанов во все стороны полетели клочья. А разъяренные собаки уже норовили ухватить его за ноги. Боб сунул в ближайшую собачью пасть трость. Другому псу в зубы полетел портфель. А сам Боб Бобыч, подпрыгнув, вцепился руками в сучок дерева и

повис над землей, по-лягушиному дрыгая ногами.

Одураченные псы взвыли пуще прежнего. Сгрудились в кучу и ну прыгать вверх, норовя достать Боба зубами. А тетя Тыква стояла на крыльце и подзадоривала собак: «Ату его. Хватайте. Пусть знает, как чужие сладости лопать! Как бедных женщин обманывать!»

Боб визжал раненым поросенком. Собаки, подпрыгивая, хватали его за ноги, цеплялись зубами за куртку и башмаки.

Сучок, на котором висел Боб Бобыч, треснул и обломился. Боб свалился на землю. Вскочил и увидел вокруг себя оскаленные собачьи морды. Еще миг—и его разорвут в клочья.

Тут случилось невиданное.

Боб Бобыч вдруг упал на четвереньки. Крутнул круглой головой, лягнул воздух голый ногой. Бешено завращал выпученными глазами. И, разинув большой мясистый рот, гавкнул как заправский волкодав. Собаки в испуге шарахнулись. Такого зверя им еще не доводилось видеть. А боб, подпрыгнув на четвереньках, кинулся на ближайшего пса.

— Р-р-р. Гав-гав.

Собаки испуганно взвизгнули — и наутек. Однако Боб изловчился и успел-таки схватить рыжего пса за хвост. Рыжий взвыл от страха и так рванулся, что вместе с Бобом перемахнул высоченный забор. Собачий хвост не выдержал тяжести и оборвался. Боб со всего размаху хлопнулся в небольшое озерцо. Вода из озера вместе с тиной и карасями плеснулась к самому небу и залила улицу. На мостовых прыгали караси. По тротуарам журчала вода. Обезумевший бесхвостый пес с размаху налетел на троллейбус и опрокинул его. Лопнули электрические провода. Всюду погас свет. Остановилось движение. Кто-то крикнул: «Землетрясение!» Завыли сирены. Под-

нялась паника. Она-то и помогла Бобу незамеченным добраться до своего дома.

С тех пор он не бывал в особняке Тыквы. Да и никто другой не отваживался туда заглядывать.

Вы уже знаете, что в саду и на огороде тетя Тыква выращивала леденцы, монпансье, лимонные дольки и другие сладости.

Каждое утро Тыква собирала поспевшие сладости в корзинки. Муж тети Тыквы—Жан Баклажан—сносил полные корзины в кузов собственного грузовика.

Потом тетя Тыква проверяла замки на дверях дома, подвала, сарая, погреба, гаража... Да разве перечислишь все замки, которые имелись на владениях Тыквы. Там все запиралось на замок, даже пустая скворечня.

Проверив запоры и засовы, Тыква привязывала к поясу связку ключей и садилась в кабину грузовика. Жан Баклажан включал мотор, и они ехали на базар продавать сладости.

С базара тетя Тыква возвращалась одна. Жан Баклажан нанимался подвозить разные грузы и приезжал домой только вечером.

Тетя Тыква — самый толстый житель города Кукурпахы. Она идет, по-утиному переваливаясь с боку на бок. И так громко дышит, будто у нее в груди вместо легких установлены большущие кузнечные меха. За целый квартал слышно ее хриплое, тяжелое дыхание. Поминутно останавливаясь, она вытирает пот, крихтит. В правой руке Тыква несет связку ключей, в левой — сумку с деньгами.

Однажды Кукурузинка пожалела тетю Тыкву и участливо предложила ей:

— Вам бы надо ездить на такси.

— Ишь ты, — огрызнулась Тыква, — а кто за меня платить будет?

— Тогда хотя бы на автобусе ездили.

— На автобусе тоже бесплатно не проедешь.

— Ну поезжайте на своем грузовике.

— На нем надо груз возить, деньги зарабатывать.

Кукурузинка улыбнулась:

— Купите тогда осла.

— Осла? — прохрипела Тыква. — А кто его будет кормить? Ты? Эка советница. Осла. А верблюда не хочешь?

Она брюзжала всю долгую дорогу до своего дома. И только, услышав рычанье псов, успокоилась и даже повеселела. Огромный рот тети Тыквы растянулся в улыбке. А, подходя к воротам, она даже запела:

Мой милый лес, рычи позлей,
Соседей за ноги хватай.
Нет в мире музыки милей,
Чем злой собачий лай.
Охо-хо-хо,
Охо-хо-хо,
Чем злой собачий лай.
Мне с детства любы звон замков,
Запоров стук и бряк. —
Ведь без замков и без крючков
Не проживешь никак.
Охо-хо-хо,
Охо-хо-хо,
Не проживешь никак.
Друзья мне вовсе не нужны,
Родня — моя обуза.
Лишь были б сундуки полны,
Набито было пузо.
Охо-хо-хо,
Охо-хо-хо,
Набито было пузо.

Но едва тетя Тыква вставила ключ в замок, висевший на воротах, как сзади послышались крики, свистки, автомобильные гудки, визг. Тыква оглянулась и окаменела.

По улице зигзагообразно двигался ее грузовик. Он то въезжал на тротуар слева, то задевал угол дома справа. Прохожие в панике бежали кто куда. Милиционер свистел. Пронзительно кричала кошка: грузовик отдал ей хвост.

Тыква сорвалась с места и, размахивая ключами, кинулась к грузовику, крича:

— Стой! Жан! Глуши мотор!

Видимо, Жан увидел свою жену. Автомобиль вдруг круто развернулся и помчался обратно. Чем дальше — тем быстрее. Пыхтя и обливаясь потом, Тыква семенила следом. За ней — милиционер со свистком. За ним — дворник с метлой. За ними — целая толпа любопытных.

Крики, свистки, топот. И вдруг раздался такой грохот, что все смолкли. Там, где секунду назад виднелся автомобиль, клубился сизый дымок да возвышалась груда металла. Толпа плотным кольцом окружила дымящиеся останки автомобиля.

— О, мой грузовик, — запричитала тетя Тыква. — Как же я без тебя? На чем теперь повезу свои сладости?

— Муж погиб, а она грузовик оплакивает. Жадюга! — выкрикнул кто-то из толпы.

Тыква услышала. Шмыгнула носом и заголосила.

— О, мой Жан. На кого ты меня покинул несчастную. Где ты теперь...

— Я тут, — раздался голос Жана.

Толпа шархнула. У Тыквы глаза полезли на лоб, а рот так и остался открытым.

Над грудой покарещенного металла показалась всклокоченная голова Жана. Потом появились его плечи и, наконец, он весь предстал перед изумленной толпой.

— Жан, — выкрикнула Тыква, — ты жив.

— Жив, — заплетающимся языком пробормотал Жан Баклажан.

— А машину разбил, — подскочила к нему Тыква. — Ты же разбил мой грузовик.

— Я его не бил. Он сам.

— Как это сам? Не дури мне голову.

— Оч-чень п-прос-сто, — растягивая слова и запинаясь, заговорил Жан. — Я ехал домой, а они пристали ко мне. Бегут и бегут сзади.

— Жулики? — Тыква прижала сумку к животу, опасливо огляделась по сторонам.

— Может и жулики. Я их мысли не читал. Еду, а они сзади бегут. Потом смотрю, а они уже впереди. Особенно один. Серый такой. Я направо — он направо. Я налево — он налево. Я кругом — он кругом. Ага. Значит так. Ну, нет. Разогнал я машину и его прямо в лоб. Бац. И точка.

— Где же он? — спросил милиционер.

— Кто?

— Жулик?

— Какой жулик?

— Который за вами гнался.

— А этот. Вот он. Стоит. Только чуть погнулся, — и Жан показал пальцем на бетонный столб, в который врезалась его машина.

Что тут было. Тыква подскочила к Жану и ну колотить его сумкой, приговаривая:

— Ты меня разорил. Пустил по миру. Негодник. Шалопай.

— Может быть, — бормотал Жан. — Вполне возможно.

Немного успокоившись, Тыква сказала Жану:

— Надо железки сдать на металлолом.

— Вполне возможно, — ответил Жан

— Сейчас уже поздно. А до утра все растащат. Придется привести сюда пса и привязать к столбу. Хотя нет. Собаку тоже могут увести или отравить. Она денег стоит. Вот что. Садись-ка здесь и карауль до утра. Понял? И не вздумай уйти.

— Можно, — пробормотал Жан.

— Пожалуй, ты уйдешь, — забеспокоилась тетя Тыква. — Дай-ка я тебя при-

вяжу вот к этому колесу, — она привязала его к колесу. — Хотя это тебя вряд ли удержит. Привяжу-ка я тебя еще и к столбу. Вот так, — она привязала его к столбу. — Теперь не уйдешь.

— Возможно, — пролепетал Жан, усаживаясь на колесо, к которому был привязан.

— Возможно, — повторил он, глядя вслед уходящей Тыкке и запел:

Я — Жан Баклажан.

Утром трезв, а к ночи пьян.

За рулем и без руля

Не бываю грустным я.

Допев песню, он повалился на кучу металлолома, оставшегося от грузовика и захрапел.

11. ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Седоголовый учитель Одуванчик одиноко сидел на скамеечке возле школы. Он был очень стар и потому любил греться на солнышке. Разморенный ласковым солнечным теплом, старый Одуванчик закрыл глаза и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, тихонько напевал:

Давно я стал и стар, и сед.

Болят спина моя,

Я прожил много долгих лет,

Но прожил их не зря.

Я малышей всю жизнь учил

Читать, писать, считать

И каждого из них любил,

Как их любила мать.

И если б вдруг я обошел

Все пять материков,

То в каждом городе нашел

Своих учеников.

Они на стройках, на полях,

Они и там, и тут,

Им не знакомы лень и страх,

Их не пугает труд.

Не зря я, не жалея сил,

Так много лет подряд

Труду и грамоте учил

Мальчишек и девочек.

Давно я стал и стар, и сед,
Прошла моя заря,
Я прожил много долгих лет,
Но прожил их не зря.

Одуванчик допел песню, и его белая голова бессильно поникла. Он уснул.

Прохожие, завидев спящего Одуванчика, мгновенно умолкали, замедляя свои шаги.

— Тише, — предостерегали они друг друга шепотом, — наш учитель спит.

А находчивый Перчик тут же написал и вывесил на обоих концах улицы большущий плакат-объявление: —

<p>Не разговаривать! Не петь! Не смеяться! Ти-ши-на!</p>
--

И все соблюдали тишину. Потому, что очень уважали старого Одуванчика. Ведь почти все они, когда были маленькими, учились у Одуванчика, а теперь он учил их детей.

Вдруг над тихими улочками Кукурпаха пронесся крик:

— Пожар!

Улица моментально наполнилась горожанами. Завыли сирены пожарных машин. Проходившая в этот миг по улице Тыква остановилась. Стерла пот с пухлых щек и устало спросила пробегающего мимо пожарника в каске.

— Горит что-ли?

— Горит, — ответил он на бегу.

— Далеко?

— Далеко.

— Чего горит-то?

— Тыквин особняк.

— Что? Тыквин особняк? Так это же мой особняк. Я горю? Ой горю! Спасите!

Ее окружили. Откуда-то подкатили автомобиль.

— Садитесь, — распахнул перед ней дверцу водитель.

— А ты не такси? — насторожилась Тыква.

— Не такси. Да садитесь же. Горит ведь.

— Бесплатно довезешь? — поинтересовалась Тыква, влезая в машину.

Водитель ругнулся и захлопнул дверцу.

У ворот Тыквиного особняка — огромная толпа и несколько пожарных машин. Двое пожарных изо всех сил стучали топорами по замкам, но никак не могли их сбить.

— Стойте, — закричала, подбегая Тыква. — Не ломайте. Я отопру.

Трясущимися руками она долго выбирала нужный ключ. Наконец нашла. Сунула в замочную скважину — не лезет.

— Не тот попался, — проворчала Тыква и опять принялась за поиски ключа.

Из толпы неслись крики:

— Ломай ворота!

— Дом спорит!

— Ишь ты, умники. «Ломай», — ворчала Тыква. — А за них денежки уплачены. Ага, вот он!

Она вставила ключ. Повернула. Борodka ключа завязла в замке.

Над крышей особняка взметнулось яркое оранжевое пламя, а Тыква все еще возилась с ключами. Наконец замки были отперты, и ворота распахнулись.

Пожарные машины подъехали к колодцу. Но на крышке колодца тоже висел пудовый замок. Замок оказался и на дверях сарая, в котором лежали ведра и багры. А тут еще сорвавшиеся с цепи псы как ошалелые метались по двору, кидались на пожарников, бросались на машины.

Пока пожарники ломали замки да разгоняли собак, пока уговаривали Тыкву

срубить несколько деревьев, чтобы освободить подъезд к дому, особняк разгорелся вовсю.

И хотя пожарники работали на славу, а все горожане помогали им — дом все-таки сгорел...

Когда ночью двор погорельцев опустел, и хозяева остались одни, Тыква приказала Баклажану:

— Иди-ка, Жан, запри ворота на засов да припри их бревном.

— Чего у нас воровать? Остались забор да ворота, — проворчал Жан Баклажан, но все же пошел выполнять приказание Тыквы.

— Болван, — вслед ему проворчала Тыква. — Все мое богатство в подвалах целехонько. Теперь меня все будут жалеть. Все будут помогать. Там дадут, у того выпрошу. Выстрою дом не чета этому. Весь из железа сделаю или из чугуна, чтобы не горел. И собак заведу механических. Бронированных. Как гавкнет. Хорошо бы с пушками. И чтобы ничего не боялись. А то разве это псы? Все разбежались, не докличешься. Придется сегодня самим и двор, и сад стеречь.

— Слушай, Жан, — сказала она мужу. — Будем сегодня по очереди сад караулить. Сначала я посплю, а ты посторожишь. Потом ты подежуришь, а я посплю.

— Ладно, — согласился Жан Баклажан. — Ложись. Спи. А я буду бодрствовать.

Но пока Тыква привязывала к деревьям гамак, чтобы устроиться в нем на ночлег, Жан Баклажан, ткнувшись головой в колени, уже спал.

Ох, как рассердилась на него Тыква. Растормошила его, раскричалась. Жан слушал-слушал ее да и снова захрапел.

— О, проклятье, — простонала Тыква. — Не мужчина, а сонная муха. Если

на него положиться, так воры не только сад очистят, но и нас самих унесут. Слушай, Жан. Да проснись же ты, наконец. Иди в сарай. Там есть девять капканов. Давай расставим их в саду. И тогда спи. Если какой вор и заберется в сад, он капкана не минует.

Так они и сделали. Разоставили по саду капканы, привязали их к деревьям, насторожили, а сами улеглись спать.

Проснулась Тыква среди ночи. Прислушалась. Жан храпит на траве, кошка мяукает в дальнем углу. Вдруг ее настороженное ухо уловило еле внятный шорох. Вздрогнула Тыква, голову приподняла, в темноту всматривается. Шорох повторился. Хрустнул сучок под чьей-то ногой. «Воры», — решила Тыква и вывалилась из гамака. Мужа будить — без толку. Жан только спросонья всех воров распугает. Схватила Тыква ружье и крадучись пошла в сад. «Ага. Вот он где прячется», — подумала Тыква, увидев какую-то неясную тень. Вскинула ружье. Ветви мешают целиться. Сделала она шаг в сторону, а ее кто-то хватил за ногу. Да так крепко схватил, что Тыква, не охнув, повалилась на землю. Тут ее и за руку кто-то — цап. Забилась Тыква, как подстреленная птица, и ну голосить:

— Жан! Скорей на помощь. Воры. Жан!

Вскочил Жан. Со сна ничего понять не может. Наконец разобрался, что на жену воры напали. Схватил палку да и кинулся на голос жены. Пробежал метров десять, а его кто-то как схватит за ногу. Кувыркнулся Жан и взревел благим матом:

— Грабят!

Вот и понеслось над сонным ночным городом:

— Караул!

— Грабят!

— Спасите!

Перепуганная Тыква все же изловчилась, вскинула ружье да бах в темноту.

— Ой! — завопил Жан. — Убили!

Тут откуда ни возьмись появился один из двенадцати псов. Кинулся он на голос своей хозяйки, а его кто-то как дернет за хвост, вцепился и не пускает. Пес взвыл от боли.

Тут такой шум поднялся, что к особняку целая толпа сбежалась. Стучат в запертые ворота, а из-за ворот слышится:

— Убили!

— У-у-у-у-, гав-гав!

— Караул!

Перчик не долго думая, перемахнул высокий забор и очутился во дворе. Вслед за ним перелезли забор Пахтачок и целый взвод травинок. А когда во двор въехала машина с горящим прожектором и осветила сад, все увидели презабавную картину..

На земле, поправ рукой и ногой в капкан, лежала Тыква с ружьем в руке.

В десяти шагах от нее, прижавшись животом к дереву, размахивал руками Жан Баклажан. Одна нога Жана застряла в капкане. Рубашка и штаны Баклажана были в мелких дырочках. Это Тыква выстрелила ему в спину. Ружье было заряжено солью и теперь бедный Баклажан топал ногой, махал руками, стараясь как-то унять боль, которую причиняла ему врезавшаяся в тело соль.

А чуть поодаль завывала собака, угловидная хвостом в капкан.

Так Тыква стала жертвой собственной жадности, угодив в капканы, поставленные на воров.

12 НАПАДЕНИЕ

Беда всегда приходит неожиданно.

Этот день ничем не предвещал беды.

Утро выдалось яркое, веселое и звонкое. Горожане спешили на работу.

Вот, напевая любимую песенку, пробежала в школу Кукурузинка. Она работала учительницей, помогала Одуванчику обучать малышей. Но, сделавшись учительницей, Кукурузинка не стала важной и неповоротливой. Она по-прежнему была весела и стремительна. И даже желтые косички болтались у нее за спиной, как у маленькой девчонки.

Мимо Кукурузинки промчался на мотороллере Пахтачок. Его белая шляпа от ветра надулась колоколом. Он помахал рукой Кукурузинке и скрылся за поворотом. Пахтачок работал на текстильном комбинате. Он ткал материал, из которого горожане шили рубашки и платья.

А Перчик в это время поднимался на столб высоковольтной передачи. Теперь Перчик был уже не трубочистом, а монтажником-электриком. Он, насвистывая, ловко карабкался на головокругительную высоту.

Город жил обычной трудовой жизнью. Только в доме Боб Бобыча еще не открывали ставни. Да Мери Ковка с Питером Ушкой сладко храпели, закутавшись в одеяла.

И вдруг...

— Тревога! Тревога! Все сюда!

Это кричал маляр Горошек. Он бежал посередине улицы и что есть мочи кричал.

Через несколько минут все горожане сбежались на центральную площадь. Они со всех сторон окружили маляра Горошка, тормозили его, спрашивали.

Немного успокоившись и отдышавшись, Горошек принялся рассказывать:

— Вышел я за город. Присел отдохнуть. Пригрелся на солнышке и задремал. Проснулся от шороха за спиной. Открыл глаза и увидел мышь.

Все ахнули. Теснее сбились в кучу и, затаив дыхание, слушали Горошка.

— Кинулся я к городу, а она за мной. Догоняет, вот-вот зубами схватит. Бросил я ей шапку, потом куртку. Пока она их грызла, я на бугор вбежал. А когда оглянулся. Ох...

Горошек покачнулся и повалился в обморок.

Прикатила «Скорая помощь». Маляра привели в чувство. Он отпил глоток воды, понюхал нашатырный спирт, и, еле ворочая языком, договорил:

— Когда я оглянулся, увидел несметные полчища мышей. Они со всех сторон ползут к городу. Мы погибли.

Что тут началось. Все поспешили по домам. Поднялся крик, плач, гомон.

Тетя Тыква в это время сидела в базарном ряду, торговала сладостями. Заслышав шум, она встревожилась:

— Батюшки, не воры ли?

— Улепетывай отсюда, — крикнул, пробегая мимо, маленький водонос Черемушка. — На город напали мыши.

— Мыши, — ахнула Тыква, закатив глаза. — Они же съедят мои сладости.

— И тебя слопают, — хихикнул Черемушка.

— Молчи, негодник. Ах, мои сладости. Этот бездельник Жан приедет только вечером. Не будут же мыши ожидать вечера. Батюшки! Матушки! Разбой!

Причитая и хныкая, Тыква сгребла в корзины леденцы, монпансье, лимонные дольки. Схватила в две руки две корзины, а у нее еще четыре остались.

— Эй! — заголосила Тыква. — Помогите, кто может. Не киньте старуху в беде.

Но базар был уже пуст. Даже водонос Черемушка куда-то исчез. Что же делать? А тут как на грех дождичек стал накрапывать. «Растают сладости. Утекут», — в ужасе подумала Тыква. И вдруг ее осенила счастливая мысль.

— Лопну, а добру не дам пропасть. Не дам.

С этими словами она зацепила полные пригоршни леденцов и сунула их в рот. Прожевала и снова набила рот сладостями. Опустошив три корзины, Тыква раздулась как бочка. Раскрыла рот, как рыба на берегу, и слова сказать не может.

Тут словно из-под земли опять вынырнул Черемушка и крикнул:

— Мыши ворвались в город!

Крикнул и исчез, будто провалился.

Ухватила Тыква по корзине в руку, а в третью корзинку зубами вцепилась. Поднатужилась, поднапружилась, а разогнуться не может. Выпустила она корзины, и все равно не может распрямиться. Тянет ее живот вниз, пригибает к земле. В конце-концов перетянул. Плюхнулась Тыква носом в пыль. Лежит и не шевелится. Только пыхтит как паровоз.

— Уф! Ух! Хо-хо-хо!

Вдруг прилетела маленькая пчелка. Покружилась-покружилась над корзиной с леденцами. Села, съела один леденец и улетела.

Через минуту она вернулась с целым роем своих подружек. Набросились они на сладости и ну их поедать.

Увидела их Тыква. Всполошилась. Хотела встать, отогнать пчел. Да не тут-то было, живот не дает. Аж заплакала она от обиды и жадности.

Вдруг ей пришла в голову мысль: «Пчелы боятся ворон. Вот я сейчас шугну дормоедов». С большим трудом перевернулась Тыква на спину и во все горло закричала, закаркала:

— Кар-Кар! Кар!

Услышали вороны карканье и слетелись к Тыкве со всех сторон. Увидели сладости, набросились на них и в одну минуту опустошили корзинки...

Пока Тыква воевала за свои сладости, Кукурузинка, Пахтачок, Старший Травинка, Перчик, Одуванчик и Рель Рельевич собрались на военный совет. Было

решено объявить в городе военное положение. На башню поднялся трубач и затрубил в длинную зеленую трубу:

— Тра-та-та-та! Тра-та-та-та-та-та-та! Тру-ру-ру-ру! Ту! Ру!

Заслышав сигнал тревоги, травинки сбежались со всех сторон. Вскоре собралось все зеленое войско.

— Теперь нужно послать за город разведчика. Горошек со страху мог и муху принять за мышь, — предложил Старший Травинка.

— Я пойду в разведку, — вызвался Перчик.

— А может быть я, — выступил вперед Пахтачок.

— Раз, два, три — сюда посмотри. За тройкой идут четверка и пять. Лучше меня в разведку послать, — проскрипел Рель Репьевич.

— Придется тянуть жребий, — предложил Одуванчик.

Жребий выпал Перчику. Он и отправился в разведку.

— Будь осторожен, — сказала ему Кукурузинка.

— Не заходи далеко, — напутствовал Старший Травинка.

— Счастливого пути, — Пахтачок помахал другу белой шляпой.

Перчик вышел за городские ворота. Остановился. Огляделся по сторонам. Нет. Никаких мышиных полчищ не видно. «Верно, и в самом деле бедный Горошек со страху принял муху за слона», — подумал Перчик и стал осторожно спускаться с бугра, на котором стоял Кукурпах.

Вдруг он заметил множество маленьких дырочек на земле. «Что бы это могло означать? — задумался Перчик. — Прежде их я не видел».

Он внимательно присмотрелся и ахнул. Из дырочек высовывались острые мышинные мордочки. Злые красные глазки пристально следили за Перчиком.

Храбрый разведчик сделал вид, что ничего не заметил, а сам стал потихоньку пятиться к городским воротам. Но едва он сделал несколько шагов, как целая свора мышей выскочила из нор и кинулась на Перчика.

— Я его съем! — закричала серая мышь.

— Нет, это моя добыча! — взвизгнула мышь черная и подставила серой ножку.

— Не трогайте. Он — мой! — прохрипела большая длиннохвостая мышь.

— Не дам! — зарычала черная и вцепилась зубами в длинный хвост соперницы.

— Ах ты! — взвизгнула длиннохвостая и укусила черную за ногу.

Та вцепилась длиннохвостой в ухо.

И началась такая отчаянная драка, что Перчик вполне мог бы незаметно ударить.

Но не таков был Перчик, чтобы удирать от врага без бою. Он скинул красный плащ, с силой тряхнул им перед окаленными мышинными мордами. В воздух поднялось целое облако мельчайших пылинок перца. Они забились в мышинные глаза и носы. Потом... Впрочем, вы и сами знаете, что бывает, когда в нос или в глаз попадет перец. Ну, конечно же, мышцы чихали, визжали, терли глаза, прочищали носы. А Перчик тем временем добежал до городских ворот и скрылся за ними.

Друзья очень обрадовались его возвращению. Но когда разведчик рассказал о своих приключениях — все померчнели.

— Они решили напасть на нас ночью, — угрюмо проговорил Одуванчик.

— Ночью все разбойники вдесятеро сильнее, чем днем, — сказал Старший Травинка, свивая в кольца длинные зеленые усы.

— Значит, с ними надо драться днем! — воскликнула Кукурузинка и решительно дернула себя за рыжую косицу.

— Раз, два, три, четыре, пять — для чего нам ночи ждать? Шесть, семь, восемь, девять, десять — я уже успел все взвесить. Мыши нас тяжелей, но зато мы их смелей. Да не надо забывать, что мы будем наступать. Кукурузинка, с тобой голосую я за бой.

И Репь Репьевич поднял вверх усеянную колючками руку.

Все проголосовали за бой.

Старший Травинка резко поднялся, затянул ремень и отчеканил:

— Будем драться сейчас. Я поведу травинок в бой.

— Горожане пойдут с вами, — сказала Кукурузинка и ее белые щеки стали розовыми от возбуждения.

— Стойте! Погодите. Пропустите нас.

Сквозь толпу пробирались Мери Ковка и Питер Ушка. Они, видимо, здорово перепугались и впопыхах перепутали свои наряды. Питер надел Мерины туфли с каблучками-гвоздиками, а Мери приклеила голубую бороду Питера.

Вот они подбежали к Кукурузинке и, перебивая друг друга, заголосили:

— Самолет!

— Вертолет!

— Дирижабль!

— Мы уезжаем!

— Нет, улетаем!

— Поторопитесь!

— Поспешите!

— В чем дело? — изумилась Кукурузинка.

— Город в осаде, — затараторила Мери. — Каждую минуту могут ворваться враги. И мы погибнем. А мы не хотим гибнуть с вашим городом. Пусть погибают все. При чем тут мы. Дайте нам самолет. Ну, хотя бы вертолет. Согласны

даже на воздушный шар. Только бы улететь, пока не поздно...

— Послушайте, Питер...

— Я не Питер, а Мери.

— Но у вас борода.

— Наплевать на бороду, — Мери сорвала и кинула на землю голубую бороду.

— Эй, старуха, — вскипел Питер. — Подними сейчас же мою бороду.

— Сам поднимай свою дурацкую козлиную бороду, сундук.

— Умолкни, перечница, — рыкнул Питер.

— Ха! Я перечница! Вы слышали...

Но их уже никто не слушал...

Над притихшим городом пела боевая труба, сзывая на бой всех, кто честен и смел.

13. БОИ

У городских ворот собрались все травинки и все жители Кукурпахы. Здесь не было только Боб Бобыча и его Бобихи, Мери и Питера, Тыквы и Баклажана.

Травинки выстроились ровными рядами с пиками наперевес.

Старший Травинка подал команду к походу. Запели фанфары, зарокотали барабаны. Городские ворота распахнулись. Отряды травинок двинулись вперед. Запевала начал песню. Ее подхватили все.

Опять боевую тревогу
Фанфары и трубы поют,
В дорогу,
в дорогу,

в дорогу
Отважных и смелых зовут.
Того, кто робеть не умеет,
Любая беда не берет.
Смелее,

смелее,

смелее

Иди, мой товарищ, вперед.
Пусть враг на себе испытает
Удары зеленых рот.

Шагает,
шагает,
шагает
Бесстрашное войско вперед.

За городскими воротами травинки рассыпались и кинулись навстречу мышинной рати. Ох, какой жестокий начался бой! Не на жизнь, а на смерть. Травинки кололи врагов пиками, рубили мечами, били щитами. Музыканты колодили мышей флейтами, кларнетами, грамбонами. А барабанщик бил их по головам деревянной колотушкой и приговаривал:

— Трам-та-та. Трам-та-та.

Трещали мышинные головы, хрустели мышинные хребты. В воздухе кружились клочья шерсти, мышинные лапы и хвосты. Слышался визг, крик, стон.

Вместе с травинками отчаянно дрались горожане.

То здесь, то там мелькал на поле боя красный плащ Перчика. Рядом с ним был плотник Орешек.

Махнет Перчик плащом, взлетит в воздух облачко мелкого перцу. Мыши зачихают, закашляют. Тут Орешек и рубит им хвосты и головы.

А как лихо сражался Репь Репьевич! Он бил врагов колючими счетами, молотил колючими кулаками. А иногда, расствирепев, подпрыгивал вверх и, свернувшись в колючий клубок, падал на голову разбойниц.

Много их погибло у стен Кукурпаха. Но и ряды защитников города сильно поредели. Мыши рвали травинки на части. Они откусили руку маляру Горошке, отгрызли ногу стекольщику Маковке. Кукурузинка не успевала перевязывать раненых.

Только к ночи бой стих. Израненные, усталые травинки и горожане собрались на площади. Перевязывали раны, точили топоры, копыя и пики. А портной Соломинка вместе с полковым барабан-

щиком латал порванный в клочья барабан.

— Ишь чего придумал — бить мышшей барабаном, — ворчал Соломинка. Разве на тебя напасешься барабанов?

— Ничего, — весело улыбнулся барабанщик. — Сейчас мы его залатаем, а завтра еще не одну разбойницу оглушим. Трам-та-ра-рам и лапки кверху.

В доме Кукурузинки опять заседал военный совет. Старший Травинка устало пригладил обвисшие, наполовину пордевшие зеленые усы и медленно заговорил:

— Мы потеряли половину солдат. Помощи ждать неоткуда. Мыши за ночь приведут подкрепление, и мы не одолеем их.

— Надо что-то предпринять, — неуверенно проговорил Перчик, сдвинув на затылок потрепанный, весь в дырах красный колпак.

— Трудно найти выход из такого положения, — прошамкал старый Одуванчик, понуро опустив седую голову.

— Мы в западне, — трагически прошептал Пахтачок и его смуглые щеки побелели.

Репь Репьевич укоризненно посмотрел на Пахтачка, хмыкнул и затараторил:

— Шестью восемь — сорок восемь, все сомнения отбросим. Пятью девять — сорок пять, рано, братцы, унывать. Здесь сидит нас шесть голов, шесть умов. Пусть каждый придумает малую крошку, капельку, капочку, чуть-чуть, немножко. Сложим шесть крошек в один комок, выйдет совсем не малый кусок.

— Правильно! — закричала Кукурузинка и так дернула себя за рыжую косичку, что едва ее не оторвала. — Надо думать и думать. Я, кажется, уже кое-что придумала.

— Что?

— Ну?

— Говори скорее.

— Кого боятся мыши сильнее всего на свете? — спросила Кукурузинка.

— Кота, — закричали все хором.

— Правильно. Только настоящего кота мы не раздобудем. Надо найти двух светлячков. Ночью положили бы их на крепостную стену, а сами замаякали. Мыши подумают, что это кошка, и убегут.

Всем очень понравилась выдумка Кукурузинки. От недавнего уныния не осталось и следа.

— Неплохо придумано, — закручивая в кольца усы, задумчиво проговорил Старший Травинка. — Вот только где мы разыщем светлячков?

Старый Одуванчик поднял седую голову, вслушался в разговор. Поправил на носу круглые очки. Подумал и сказал:

— Недалеко от города есть гнилой пенек. На нем и живут светлячки. Надо пойти к ним и пригласить. Они добрые и охотно помогут нам в беде.

— Но город окружен мышами. Как же пройти к светлячкам? — спросил Старший Травинка.

И опять все умолкли, смущенно потупясь. В самом деле, как выбраться из осажденного города и как в него вернуться?

Одуванчик думал, думал — задремал.

Перчик думал, думал — зачихал.

Старший Травинка думал, думал — завздохал.

Пахтачок думал, думал — головой закачал.

Репь Репьевич думал, думал — да и говорит:

— От правды нельзя отворачивать глаз — это раз. А правда горька, как полынь-трава — это два. Но ты на нее все равно смотри — это три. Нельзя нам

хандрить, нельзя унывать — это четыре и это же пять. Надо дерзать, думать, искать...

— Нашел! — закричал Пахтачок.

Все так и подпрыгнули.

— Чего?

— Как?

— Где?

Вот что придумал Пахтачок...

Ровно в полночь, когда все вокруг спало, Пахтачок взобрался на шпиль самой высокой крепостной башни. Там он поднял над головой свою широкополую легкую шляпу. Сильный порыв ветра подхватил шляпу и понес ее вместе с Пахтачком.

Скоро осажденный Кукурпах остался далеко позади. Под ногами Пахтачка плыла невидимая в темноте земля. А над головой сверкали золотые гирлянды звезд.

Но вот и внизу показались какие-то светящиеся точки.

Пахтачок подогнул полы шляпы и стал медленно спускаться. Через минуту он уже был в царстве светлячков.

Это было необычное царство. Оно умещалось на одном большом пенке. Но зато сколько здесь было света! Все вокруг искрилось и сверкало, будто одновременно горели тысячи крохотных солнц.

Посреди царства возвышался хрустальный дворец с зубчатыми башнями и острыми шпильями. Вокруг дворца множество высоких домиков со стеклянными стенами и островерхими крышами. Стены и крыши домиков были разноцветные: синие, желтые, зеленые, красные, белые, оранжевые. Вокруг домиков росли янтарные деревья. Они тоже были самых различных цветов. Улицы вымощены розовым мрамором. Тротуары выстланы красным бархатом.

Вдоль тротуаров — узкие глубокие канавки проложены. По ним с веселым

звоном течет голубая вода. В ней проворно плавали малюсенькие золотые и серебряные рыбки.

На деревьях сидели крошечные птички. Они на разные голоса чирикали, свистели, верещали, щебетали.

На каждой улице возвышалось четыре фонтана с круглыми хрустальными чашами. Над ними взлетали вверх и скрещивались в воздухе десятки разноцветных водяных струй.

Словом, это было настоящее сказочное царство, и все в нем: и дворец, и дома, и деревья, и мостовые — все сияло и переливалось множеством разноцветных огней.

Этот свет струился не от электрических лампочек. Их в царстве светлячков совсем не было. Но зато каждый светлячок — житель этого царства — сам походил на крохотную лампочку из карманного фонарика. Он весь светился. От макушки до пяток.

Дело в том, что кудесники-светлячки шили себе куртки и штаны, и шапки, и даже башмаки из особого материала. Он светился, как огонь, но не жегся. Как они ухитрились сделать такой материал, не могу сказать, потому что светлячки держат свой секрет в строжайшей тайне. Если ночью положить светлячка на твою ладошку, то со стороны покажется, что у тебя на ладони горит малюсенький огонек.

Все звери боятся огня. Потому на царство светлячков никто не осмеливался нападать. Не было в том царстве ни заборов, ни замков, ни сторожей, ни дворовых собак. Дома не запирались, магазины не охранялись. Даже в брюках и куртках светлячков не было карманов, куда можно было бы прятать деньги или еще что-нибудь ценное. И ворота дворца, и двери домов были всегда распахнуты настежь.

Однако, как только Пахтачок ступил

на землю светлячков, его сразу заметили и окружили со всех сторон.

— Ты кто? — спросил его светлячок.

— Я Пахтачок из Кукурпаха. Прибыл к вам за помощью.

— Тогда пошли к старшине.

Старшина оглядел гостя со всех сторон, усадил его за стол. Накормил, напоил. Потом не спеша пригладил свою пышную, золотистую, словно сотканную из солнечных лучей бороду и ласково спросил:

— Откуда ты, чужестранец, и зачем пожаловал в наши края?

— Я Пахтачок из города Кукурпаха. Он стоит на бугре, к востоку от вашего царства.

— Слышал, слышал о вашем городе и его славных жителях, — проговорил старшина и снова умолк.

А Пахтачок рассказал о том, как они строили город, как весело и счастливо жили в нем до тех пор, пока не напала на них разбойничья банда мышей. Когда он стал рассказывать о сегодняшнем сражении, старшина даже не выдержал, вскочил и заходил по зеркальному полу.

— Сегодня мы отбили врага. Ночью он соберется с новыми силами и снова нападет. Пока я летел к вам, может быть, мыши уже прогрызли крепостные стены и ворвались в Кукурпах.

— Чем же мы можем помочь тебе? — сочувственно спросил старшина.

Пахтачок рассказал о выдумке Кукурузинки.

Старшине она очень понравилась. Он долго смеялся. Потом сказал:

— Помочь добрым соседям мы всегда рады. Сейчас покличем добровольцев.

Он вышел на балкон дворца и крикнул:

— Наши соседи, граждане великого и славного Кукурпаха попали в беду.

Им угрожает гибель от злых и коварных мышей. Нужны два добровольца, чтобы спасти мирных и храбрых жителей Кукурпаха. Кто пойдет?

— Я пойду!

— Пошлите меня!

— Мы согласны!

— Посылайте нас!

Крики неслись со всех сторон. Каждый светлячок хотел помочь Пахтачку и его товарищам.

Все жители сказочного светящегося царства провожали Пахтачка и двух светлячков.

Они вскарабкались на крышу дворца и уцепились за шляпу Пахтачка. Вот дунул ветер, шляпа поплыла по воздуху, унося друзей в сторону Кукурпаха. Светлячки запели свою любимую песню:

Червячок я, светлячок,
Весь горю, как огонек,
Потому что у меня
Шуба с шапкой из огня.
Не горяч хоть мой огонь,
Все равно меня не тронь...

А в это время в Кукурпахе поднялась страшная тревога. Мыши прогрызали стены. В тишине слышался ужасный хруст и треск, от которого волосы шевелились на голове. Горожане кидали в мышей камни, метали стрелы. Но это мало помогало.

— Если через час Пахтачок не вернется, мы погибли, — сказал Старший Травинка и посмотрел на большие башенные часы.

Все вскинули головы и стали смотреть на часы.

Узорчатые стрелки медленно ползли по циферблату. Еще минута... Еще... Так в томительном ожидании прошло полчаса. Город словно вымер. В гробовой тишине слышался только скрежет мышиных зубов.

Вдруг в темном небе мелькнул какой-

то белый шар. Это была шляпа Пахтачка.

Вот он приземлился на центральной площади города.

— Ура! — В воздух полетели шляпы, шлемы, платки.

Музыканты не выдержали и проиграли бравурный марш.

Не успели мыши отгадать причину шума, доносившегося из Кукурпаха, как из окна крепостной башни выглянули два светящихся глаза, а над бугром пронесся пронзительный кошачий крик:

— Мяу!

Мыши кубарем покатались с бугра. Сбились в тесную дружную кучу и долго не осмеливались взглянуть на город. А когда взглянули, сразу же увидели в окне башни кошачьи глаза и подняли такой переполох, что и не описать. Давя друг друга, они бросились прочь. А вслед им несло:

— Мьяау! Мьяаауу!

Защитники города ликовали.

Они славили Кукурузинку за выдумку, Пахтачка — за храбрость, светлячков — за помощь.

Только на рассвете шум в городе стих, и все тут же услышали какой-то жалобный стон.

Стон доносился сверху. Горожане вскинули головы и увидели на верхушке столба Питера Ушку. Он болтался в петле, привязанный к крюку с изолятором.

— Спасите, — жалобно пропищал Питер.

— Как вы туда попали? — изумился Старший Травинка.

— Я спрятался от мышей. Они бы сюда не забрались. Но проклятая петля перехватила мой живот. Скоро она перепилит меня пополам.

Приехала аварийная машина и полуживого Питера вынули из петли.

— Теперь, — пролепетал Питер Уш-

ка,—спасите Мери. Она там,—и ткнул пальцем в небо.

Все запрокинули головы, но Мери на облаках не было видно.

— Ее там нет, — сказал Перчик.

— Смотрите ниже,—простонал Питер.

— Ниже заводская труба,—сказала Кукурузинка.

— Она там. В трубе. Надо ее спастись.

— Ну, это по моей части, — весело воскликнул Перчик. — Не зря же я столько лет был трубочистом.

Когда Мери извлекли из трубы, она походила на самую страшную Бабу-Ягу, про которую ни в сказке сказать, ни пером описать.

Увидала ее бродячая собака — с перепугу в пруд бросилась и утонула.

Увидала галка — разинула рот, о провода разбилась.

Увидал козел — лбом стену пробил. А горожане?

Они хохотали до упаду.

14. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Утром всех разбудили истошные крики:

— Сюда! Скорее все сюда!!

Горожане решили, что мыши снова напали и, вооружившись, кто чем мог, кинулись на площадь.

Оказалось, что это кричал Боб Бобыч. Он стоял на крыльце своего дома в окружении Бобихи и семи бобят. Толстый живот Боб Бобыча был перепоясан широким ремнем. На нем с одного боку болталась сабля, а с другого — длинный кухонный нож. Вид у Боба был очень воинственный. Можно было подумать, что он один собрался напасть на целое стадо мышей.

Когда улицу перед домом заполнили

жители города, Боб Бобыч поднял руку вверх и начал длинную речь:

— Друзья мои, — важно произнес он. — Вчера мы с вами одержали славную победу. В ознаменование оной я издал специальный приказ. Его вам зачитут после моей речи. Итак, город спасен. Не надо меня благодарить за это. Таков мой долг. Теперь, как главнокомандующий обороной города, я приказываю...

— Одну минуточку! — крикнул Перчик, пробираясь вперед.

— Не перебивайте меня, — зарычал Боб Бобыч.

— Одну минуточку, — не унимался Перчик. — Вчера мы все дрались у стен города. Но, извините, вас там я не заметил. Может быть, вы руководили боем из окна своего дома и били врагов прямо с этого крыльца?

— Замолчи, мальчишка, — зашипел Боб Бобыч.

Тут вперед вышла старая дворничиха, тетя Луковка. Она устало оперлась на метлу и сказала:

— Вчера Боб Бобыч со всем своим семейством заперся в погребе и весь день просидел за железной дверью. Сегодня утром я еле уговорила его, чтобы он вылез.

Раздался оглушительный хохот.

— Вот так вояка!

— Где же он саблю раздобыл?

— Мышиный главнокомандующий:

— Гнать его отсюда.

Перетрусивший Боб Бобыч поспешил улизнуть с крыльца и заперся в своем доме.

— Ну, погодите, — злобно шептал он, — я еще вам покажу, кто из нас главнокомандующий.

Прошло несколько дней. Мало-помалу город забывал о недавней опасности. Однако городские ворота по-прежнему строго охранялись и запирались.

Как-то в полдень к воротам подошел Боб Бобыч.

— Я хочу погулять, — сказал он начальнику стражи. — Пустите меня за ворота.

Его выпустили.

Оказавшись за воротами, Боб Бобыч долго озирался по сторонам. Потом не спеша стал спускаться с бугра, напевая:

Я толстый, важный господин,
У всех в большом почете,
На целом свете я один,
Другого — не найдете...

Так он сошел с бугра и пошел по полю. Скоро Боб устал, вспотел и присел на камень отдохнуть.

Первым делом он вынул из кармана свой огромный, как простыня, носовой платок, обтер им потную лысину. Потом достал из портфеля пакет с бутербродами и принялся их уминать за обе щеки.

Вдруг прямо у ног Боба из норы выскочила большая мышь. Она раскрыла зубастую, как у щуки, пасть. У Боба со страху бутерброд застрял в горле. Он не мог вымолвить ни слова, только хрипел, вращая по-рачьи выпученными глазами. Мышь щелкнула клыками и приготовилась прыгнуть на Боба. В это мгновение Боб Бобыч с трудом проглотил кусок, шевельнулся и прохрипел:

— Не трогай меня. Я принес королеве мышей важное известие. Веди меня к ней. Если ты меня съешь, она тебя казнит.

— Ха-ха-ха,—рассмеялась мышь.— Я и есть та самая мышиная королева. Зачем я тебе понадобилась? Говори скорее, да я тебя съем.

— Врешь. Ты не королева.

Мышь тихонько свистнула, и тут же из-под земли появилась целая свора мышей. Они подбежали, низко поклонились

и дрожащими голосами пропищали:

— Что угодно вашей королевской милости?

Теперь Боб Бобыч поверил, что перед ним действительно мышиная королева. Он упал перед ней на колени. Сложил руки на круглом, как мяч, животе, надул пухлые, как арбуз, щеки и выпучив рачьи глаза преданным голоском заверещал:

— О, великая и грозная повелительница. Я принес тебе радостную весть. Но прежде чем я скажу ее, обещай выполнить одну мою просьбу.

— Обещаю, — процедила сквозь зубы мышиная королева.

— Ваше мышиное войско храбродралось. И, если бы не кот, вы бы победили. Так знай же, храбрейшая и сильнейшая из всех королев. Никакого кота в городе нет. Они перехитрили вас. Вместо кошачьих глаз они выставили в башенное окно двух червячков-светлячков, а сами замыкали. Сегодня ночью приводи свое войско к городу и спрячь его. Завтра я с семейством выйду за ворота погулять. Проходя через ворота, я нарочно замешкаюсь. Вы ворветесь в город. Никто вас не ждет. Вы победите.

— Мудрый план,—подумав, проговорила королева, — что же ты хочешь за эту услугу?

— Чтобы потом вы назначили меня главнокомандующим и мэром Кукурпаха.

Королева милостиво согласилась.

Боб Бобыч низко поклонился ей и воротился в город...

Всю ночь мышиное войско бесшумно подтягивалось к городу. Серые разбойницы спрятались в норы и замерли там, ожидая сигнала своей предводительницы.

Рано утром Боб Бобыч с семьей бобятами и круглой Бобихой направился за

город на прогулку. Он сразу увидел мышей, которые притаились у самых стен.

Погуляв немного, Боб Бобыч сделал королеве знак приготовиться, а сам не спеша направился к городским воротам и постучал в них.

— Откройте. Это я, Боб Бобыч. Возвращаюсь с прогулки.

Сторожа стали открывать ворота.

В это время на крыше башни сидел маляр Горошек. Он забрался туда, чтобы покрасить крышу. Услышав голос Боба, маляр заглянул вниз и увидел мышей.

— Стой! — закричал Горошек. — Не открывай. Там мыши. Он — предатель. Он привел мышей.

Сторож захлопнул ворота и быстро их запер. Часовые травинки влезли на крепостные стены и увидели неосметные полчища мышей. Над городом запели боевые трубы.

Обозленные неудачей мыши окружили семейство Бобов. Королева мышей подошла к Бобу и, зло сверкая красными глазами, прошипела:

— Ты не сдержал своего слова, толстопузый болтун. Ты обманул нас. И вот тебе за это награда.

С этими словами она проглотила Боб Бобыча, Бобиху и семерых бобят.

Потом она подошла к городским воротам и закричала:

— Эй, вы! Труссы! Сдавайтесь без боя. Сегодня ночью мы все равно ворвемся в ваш противный город и сравняем его с землей.

Услышал эти слова однорукий маляр Горошек, и такая обида и злость охватили его, что хоть сам прыгай с башни на голову королевы. Пошарил он взглядом вокруг и вдруг увидел банку с белой краской. Схватил он эту банку и швырнул в королеву. Тяжелая банка с такой силой прихлопнула серую разбойницу, что раздавила ее в лепешку.

Среди мышей поднялся невиданный переполох. По приказу сына королевы — молодого мышиного королевича — все мышиное войско отступило от города в чистое поле. Там торжественно и пышно похоронили мышиную королеву и молодой королевич, клацая острыми зубами, произнес речь.

— Мы, — кричал он, вытягивая шею и злобно шевеля усами, — никогда не простим проклятым кукурпаховцам гибель нашей любимой королевы.

— Не простим!! — заорали тысячи мышей.

— Сегодня ночью, — возвысил голос королевич, переходя на истошный визг, — мы выполним волю великой и мудрой королевы, отомстим негодьям!

— Отомстим! — пуше прежнего заорало мышиное войско и защелкало зубами...

Под покровом ночи несметные полчища мышей подошли к городу и стали прогрызать городские стены.

— Сейчас мы их опять припугнем, — сказал Старший Травинка.

На окно башни положили горящих светлячков и замаякали. В ответ слышался дружный смех. От этого смеха у горожан волосы зашевелились на голове. Они поняли: мыши больше не боятся светлячков.

Снова собрался военный совет. Настроение у всех было подавленное. Даже Репь Репьевич и Перчик хмуро молчали.

— Если мы до утра ничего не придумаем, — сказал Старший Травинка, — значит мы погибли.

Кукурузинка дернула себя за рыжую косичку и тихо прошептала:

— А все-таки рано сдаваться и падать духом.

— Мудрые слова, — откликнулся Перчик и сдвинул на макушку красный колпак.

Тут и Репь Репьевич не усидел, встал в разговор несколько слов.

— Если запасли воды, значит не сгорим. Коли не хотим беды, так зачем сидим? Если выход не искать — выход не найдем. Надо счастье с бою брать, а чего ж мы ждем?

— В самом деле, чего мы ждем? — загорелся Пахтачок. — Надо действовать.

— Помолчите немного, — попросил учитель Одуванчик, — я хочу подумать.

Все умолкли. Пахтачок вышел на улицу и крикнул:

— Тише, тише. Наш Одуванчик будет думать!

Очень долго думал старый Одуванчик.

Пока он думал, Старший Травинка успел закрутить свои зеленые усы в десять колец. Кукурузинка успела пятьдесят раз дернуть себя за косу. Перчик семь раз снимал и надевал свой красный колпак. Репь Репьевич подсчитал, сколько волосин в седой голове Одуванчика.

Наконец старый учитель вскинул белую голову, поправил на носу большие круглые очки и медленно заговорил:

— Надо собрать всех мастеров города. Надо снести в кучу все железное, что есть в городе. Пусть мастера расплавят все железо и по моему чертежу отольют пушку. Потом мы зарядим в эту пушку весь порох, который найдется у нас. А вместо пуль положим туда сто ведер мелких камней. Пушку наведем на городские ворота и утром их откроем. Мыши кинутся в ворота, и тогда мы выстрелим.

— Но у нас, учитель, нет пороха, — грустно сказала Кукурузинка.

— Да-да. Это я упустил из виду. Придется его приготовить. Когда-то я знал рецепт пороха. Сейчас припомню.

И вот жители снесли на площадь все,

что у них было металлического. И кровати, и ведра, и утюги, и топоры. Все это мастера сложили в большую печь и расплавили. Потом по чертежу Одуванчика отлили огромную пушку. Такую огромную, что ее не сдвинули бы с места и сорок лошадей. Она была длиной в самую большую улицу города, а толщиной с трехэтажный дом.

В это время Одуванчик с Пахтачком и Репь Репьевичем наварили десять бочонков пороха. Его засыпали в пушку, а сверху забили туда сто ведер мелких камней.

Утром Кукурузинка поднялась на башню и закричала:

— Эй, мышиный королевич. Мы сдаемся на милость победителей и сами открываем городские ворота!

Мыши приутихли и сразу стало слышно, как заскрипели чугунные ворота. Они медленно стали отворяться. Мыши, как ошалелые, кинулись к ним. Каждая хотела первой ворваться в побежденный город и захватить лакомый кусочек.

А ворота открывались очень медленно. Опьяненные легкой победой мыши лезли друг на друга. Скоро они живой серой пробкой забили тоннель под башней, через который был устроен вход в город.

Сюда и была наведена пушка.

Когда мыши забили тоннель до отката, Одуванчик скомандовал:

— Огонь!

Раздался такой грохот, что дома зашатались из стороны в сторону. Земля закачалась. Верхушка одной башни отломилась и упала на землю. Огненный вал вырвался из пушечного ствола и вместе с тысячами камней ударил в мышей.

Когда дым рассеялся, все увидели горю мышиных тел. Оставшиеся в живых мыши без памяти улепетывали кто куда...

Вечером город Кукурпах праздновал победу. Всюду играли оркестры. Пели, плясали, веселились жители.

Только во дворе Тыквы слышались плач и крики.

Узнав о новом нападении мышей, Тыква с Жаном Баклажаном зарыли свои сундуки в землю. Потом посреди двора они врыли четыре столба по кругу. Встали в середину этого круга и ну на столбы колючую проволоку наматывать. Два мотка проволоки накрутили. Сели рядышком в колючем клубке и радуются: «Теперь нас никакие мыши не достанут».

— Послушай, Тыква, а как мы сами отсюда выберемся? — спросил Жан. — Мы сами себя посадили в колючую клетку.

— Ничего! — отмахнулась Тыква. — Бой пересидим, а там видно будет.

Тут во двор к ним залетели проказники-воробьи. Увидели Тыкву с Жаном за колючей проволокой, обрадовались и давай сладости рвать. Мечется Тыква за колючей сеткой, кричит, из себя выходит, а что поделаешь.

Со злости ткнула она кулаком в

проволоку — руку поранила. И ну реветь.

— Это тебе наука, — сказал Жан. — Теперь будешь сидеть, пока о тебе не вспомнят. Только вряд ли и вспомнят. Ты ведь никому не нужна...

А в Кукурпахе веселились и пели, празднуя победу.

На центральной площади состоялся большой концерт. Первой по просьбе жителей выступила Кукурузинка. Она спела им свою любимую песенку:

Ростом мала
К тому же, курноса,
Зато весела,
Не вешаю юса,
Не плачу нигде,
Не унываю,
Всегда и везде
Веселой бываю.

Припев пели все вместе. И Пахтачок, и Перчик, и Репь Репьевич, и Горошек, и Одуванчик, и все-все жители дружно-го города Кукурпаха.

Веселье продолжалось до утра.

А утром...

Впрочем о том, что было утром, ты узнаешь в другой книжке...

Вот так дом

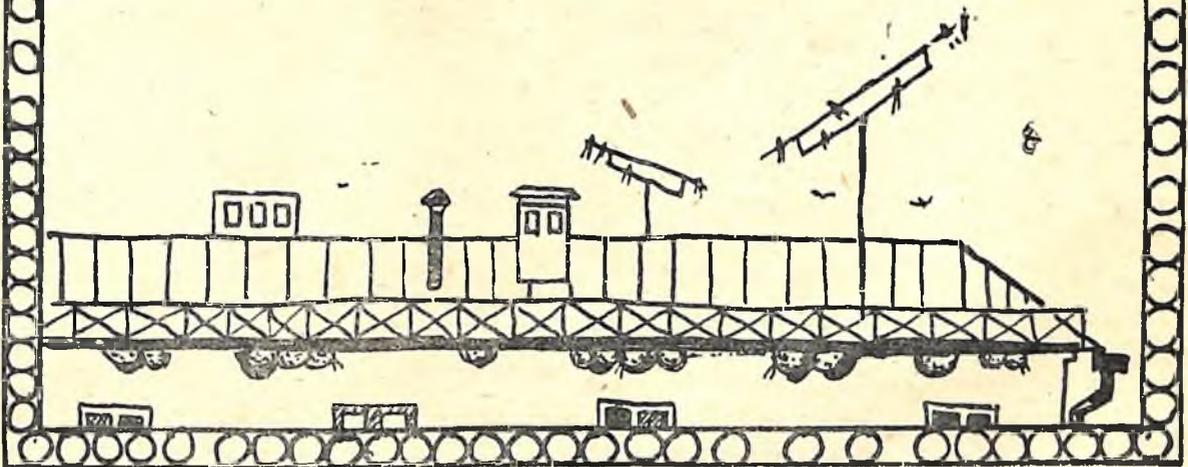

На утесе
На крутом
Кто построил
Этот дом?
Что за работяга?
Это — птица гага.
Место выбрала
Повыше.
А в дому —
Ни стен,
Ни крыши,
Только пол из пуха.
Ладно, если сухо!
Ну, а если
Дождик льет?
Ну, а если
Ветер бьет?
Жалко мне беднягу
Гагу-работягу!

Круглые хатки

На карнизе гладком —
Домик в вышине:
Ласточкина хатка —
Шарик на стене.
Из речного ила
Птичка дом слепила.
Тот домок не одинок,
Рядом — целый городок,
Сколько ласточек-подруг,
Столько домиков вокруг.
В этих домиках круглы
Крыши, стены и полы.
Видно, ласточки не ставят
Малышей своих в углы!

Замечательный

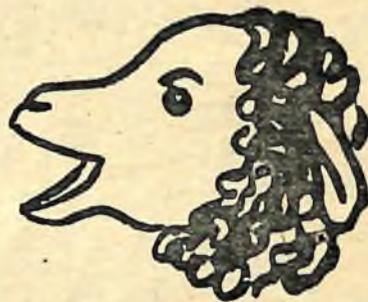
улов

Кто в кустах раскинул сеть?
Для чего ей здесь висеть?
— Эй вы, горе-рыбаки!
Здесь ни лужи, ни реки!
— Мы не горе-рыбаки,
Мы лесные пауки.
Наши сети — на суку,
Мы не лазаем в реку,
Мы не пачкаемся в тине.
В нашей сети — в паутине
Замечательный улов:
Девятнадцать комаров,
Десять мошек,
Восемь мух
И жучков поймали двух!

Что учили ?

Козленок, ягненок, котенок, щенок
Все вместе пошли на свой первый
урок.
Ужасно волнуясь, мамыши, папаши
Отправили в школу своих
первоклашек.

— Мы учили букву «ме-е-е»,—
Говорит козленок.
— Нет, учили букву «бе-е-е»,—
Возразил ягненок.

А вечером мамы и папы спросили:
— Ну, что вы, ребятки, сегодня
учили?

Разгорелся жаркий спор,
Криком полон весь наш двор.

— Нет, учили слово «мяу»,—
Котик тихо вставил.

— Нет, учили слово «гав»,—
Тут щенок прибавил.

Но пришел учитель строгий
(Это был бычок безрогий),
Дал понять он, что к чему:
— Мы учили слово «му-у-у»...

СКАЗКА про ПЕТУШКА

Г. Шаталов

Жили-были Кот и Петушок-золотой гребешок. Каждое утро Кот уходил мышей ловить, а Петушка оставлял дом сторожить и, уходя, наказывал ему:

— Берегись, Петушок, Лисы, не выглядывай в окошко: Схватит она тебя и унесет за высокую гору, в темную нору.

Но Лиса была хитрая, а Петушок любопытный. Выманила она его на улицу, схватила и унесла за крутые горы, за темные леса. С тех пор и не стало Петушка, только сказка о нем сказывалась.

Дети плакали и жалели его, и всем им очень хотелось, чтобы Петушок опять жил.

Узнала об этом одна добрая волшебница-мастерица и говорит:

— Не плачьте, девочки! Не плачьте, мальчики! Подарю я вам Петушка, да не простого, а золотого.

Был у волшебницы-мастерицы завод, а на заводе умные машины. Весь день трудятся машины, пыхтят: то паром дышат, то холодной водой умываются. Называют их прессами. Взяла волшебница-мастерица два листочка пластмассы, желтенькие-желтенькие, совсем золотые, как гребешок у пропавшего Петушка. Положила она эти листочки в умную машину и начала приговаривать.

Родись, родись, Петушок,
Не большой, не маленький!
Золотой — не аленький!

Машина начала паром дышать. Разогрелись золотые листочки, надуваются, и получается из них петушок. Кричит-кукарекает он:

— Давай пыхти! Давай пыхти! Буду большим, буду легким, буду горячим!

А машина знай дышит паром, да все горячее, все жарче. Страшно стало Петушку.

— Ой, не выдержи! Ой, расплавлюсь! Ой, лопну! — закричал он.

Тут машина перестала паром дышать, начала холодной водой умываться. Льетса холодный дождик на Петушка, а он приговаривает:

Дождик, дождик, пуще!
Дождик, дождик, пуще!

Искупался Петушок и запел:

Дождик, дождик, перестань!
Дождик, дождик, перестань!

Остановила волшебница машину, а Петушка положила на стол, чтобы он просыхал. Хочется Петушку посмотреть на себя, да глаз у него еще нет. Вот и забеспокоился он:

— Ка-какой я?! Ка-какой я получился?!

— Ты,—говорит волшебница,—весь желтенький, весь золотой!

— Не хо-о-счу быть весь желтенький!—рассердился Петушок.—Я хочу быть наряденьким!

Позвала волшебница своих подруг.
— Разукрасьте, — говорит, — Петушка.
Он хочет быть нарядненьким.

Понесли Петушка к другой машине, которая шприц-прессом зовется.

Нажала мастерица на шприц — алый дождик брызнул. Сразу и грудка, и шейка у Петушка порозовели. Еще раз брызнул волшебный дождик — хвост у него стал нарядным, зеленым.

— Вот теперь ты нарядненький, пестренький, — сказала Петушку мастерица.

— Хо-о-о-чу видеть! Ка-какой я, ка-какой я! — потребовал Петушок.

Пришла еще одна мастерица и нарисовала ему глазки. Посмотрел Петушок в зеркало и опять кричит:

— Не ир-равится мне гребешок! Не ир-р-равится мне гребешок!

Нарисовали тогда Петушку малиновый гребешок и малиновую бородку. И так уж он обрадовался, так развеселился — плясать начал. Пляшет и припевает:

Знайте, дети! Знайте, дети!

Я красивей всех на свете,

Я красивей всех на свете...

Вдруг слышит знакомый голос: Кот Котович ворчит, сердится.

— Не в-воз-зьму ноги без сапогов! Не в-воз-зьму ноги без сапогов!

— Здравствуй, Котик! Здравствуй, Котик! — закричал Петушок. — Почему ты сердишься?

— Хорошо тебе, — ответил Кот Котович, — тебя ужс одели, а меня нет. Не в-воз-зьму ноги без сапогов! Не в-воз-зьму ноги без сапогов!

Смотрит Петушок и дивится. Взяла мас-

терица ноги Котика, поднесла к шприц-прессу — тотчас появились на них красные сапожки.

— Вот это мне и-р-р-авится! И-р-р-авится! — замурлыкал Кот. — Теперь сшивайте, сшивайте меня скорее!

И вот чудо: пришли Котику и ноги, и руки, и ремнем подпоясали, хоть сейчас иди на охоту.

— Пойдем, Котик, пойдем домой! — заторопился Петушок.

— Нет, — сказала волшебница. — Вам надо сначала в ванне выкупаться. И понесла их в другую комнату. А там бак стоит. Любопытно Петьке. Заглянул он в бак да так и ахнул. Клокочет, бурлит в нем какая-то жидкость, в белые клубки сливается. Слышит: ацетоном ее называют. Испугался Петушок и заплакал.

— Погибнем, Котик, погибнем мы здесь!

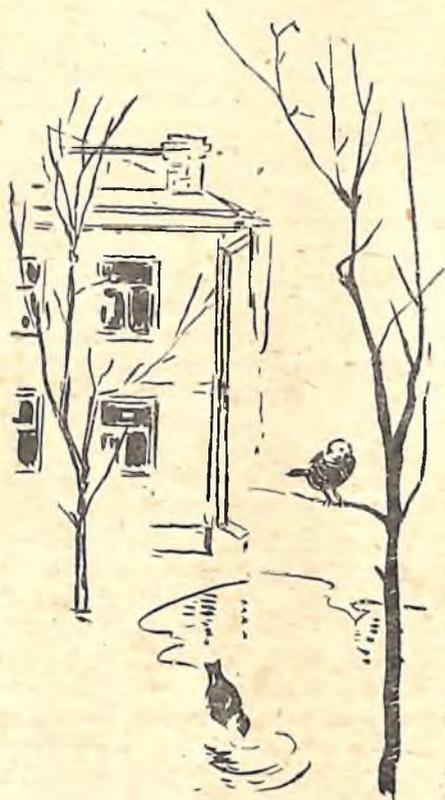
— Не бойся, Петенька, не погибнешь, — стала уговаривать его волшебница. — Я не брошу вас в кипяток, только в парах подержу. Смотри, как хорошо...

С этими словами положила она в корзину гребенки, которые на этом же заводе делают, и опустила в бак. Петушок и рот раскрыл от удивления: такие красивые да блестящие они стали. Недолго думая, Петушок сам нырнул в ванну и появился оттуда таким красивым, что ни в сказке сказать, ни пером описать невозможно.

После этого Петушок и Котик, а с ними и другие игрушки — слоны, зайцы, клоуны, медвежата — отправились в магазин. Покупайте их, дети, радуйтесь и знайте: сделали вам игрушки волшебницы-мастерицы на Тюменском заводе пластмасс.

В. Суриков

Стучит в окно широкое
Мохнатой лапой ель.

Идет, по лужам шлепая,
Смеющийся апрель.

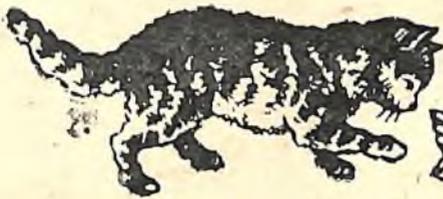
И я прошел по лужам,
Но вот сижу простужен.

Из огромной тучи
Выпал град.
Я такому случаю
Очень рад.
Град блестит на тропке
Серебром.
Мы его в коробку
Соберем.
Твердый он, как камень,
Только вот беда,
Лишь
Возьмешь руками,
Побежит
Вода.

Волчок

Полосатый волчок,
Не ложись на бочок,
А на ножке ходи,
Да сильней, сильней гуди.
Песни пой и пляши.
Твои песни хороши.
Я игрушки уберу,
Прыгай вволю по ковру.
Можешь прыгать на полу,
Прогуляться по столу,
По комоду, по дивану.
Прыгай ты, а я не стану...
Утомился волчок,
Лег на крашенный бочок.
Убери, котенок, лапу
И игрушку не царапай.

Костик проснулся рано-рано, сел на кровати и закричал:

— Бабушка! Дядя Саша приедет сегодня?

Бабушка заворочалась на своей постели, вздохнула и недовольно пробурчала:

— Сегодня... Спи! Рано еще.

— Я не хочу спать, бабушка! — звонко ответил Костик. — Я уже выпался.

— Спи, говорю, — повторила бабушка. — Рано еще. И мне не мешай.

— Хорошо, бабушка. Я не буду мешать. Я тихо играть буду.

Костик спустил ноги на коврик, надел свои сандалики и прямо в ночной рубашке тихонько, на цыпочках, пошел в тот угол, где были игрушки.

Первым делом он размотал маленькую бамбуковую удочку и закинул за окно поплавков. Он нашел этот поплавок возле реки, принес домой и сам привязал к бамбуковой палочке, чтобы получилась удочка. Он еще тогда спросил бабушку:

— Бабушка, а рыбка на один поплавок, без крючка, может ловиться?

— Может, все может...

Костик тогда сразу же закинул поплавок за окно, в палисадник, и положил удочку на подоконник. Но на нее почему-то ничего не поймалось. И на другой день тоже ничего не поймалось. Но Костик не отчаивался.

Он знал, что настоящие рыболовы ждут рыбу очень долго.

Потом Костик открыл коробку с оловянными солдатиками и стал выстраивать их для боя. Впереди он поставил пулеметчиков, за ними пехоту, а позади всех — пушки. Раньше Костик ставил пушки впереди. Но папа однажды сказал, что в настоящем бою пушки стоят сзади.

Выстроив свою армию, Костик с гордостью оглядел ее. Это была хорошая, большая армия. Ни у кого из соседских мальчишек не было такой армии. Только у Костика. И в этой армии все слушались Костика: и стрелки, и пулеметчики, и горнисты, и барабанщики. Все до единого! Даже заводной танк — и тот его слушался и ехал туда, куда Костик приказывал.

Костик собирался показать свою армию дяде Саше и похвалиться тем, какая она у него дисциплинированная. Ведь дядя Саша сможет это оценить. Он сам военный, даже моряк.

Костик знал, что дядя Саша — папин брат, что он служит где-то очень-пре-очень далеко и поэтому не может приезжать часто. Последний раз он приезжал, когда Костик был совсем-совсем маленьким. Костик даже не помнит его, а только знает от мамы, папы и бабушки, что дядя Саша приезжал и катал его у себя на шее. И теперь,

наверно, будет катать. Так говорит бабушка. И еще она говорит, что дядя Саша очень веселый. Это хорошо. Костик любит веселых людей. У него и папа веселый. И очень жаль, что папа с мамой сейчас уехали в санаторий, что у них оказалась путевка как раз на то время, когда дяде Саше дали отпуск. Как было бы хорошо, если бы они были дома! Вот было бы весело!

Костик еще немного смотрит на свою армию, потом заводит танк, пускает его сбоку, как папа говорит, с фланга, на пулеметчиков. Танк валит пулеметчиков, подминает их под себя, мимоходом задевает и сваливает горниста и уходит в сторону. Остальная армия остается невредимой.

Тогда Костик берет свой инерционный самолет, который он называет «ракетой» и, разогнав его изо всей силы, пускает на армию.

Самолет жужжит, неумолимо движется вперед и валит почти всех оставшихся солдат и даже пушки. Лишь по краям остаются стоять три стрелка и один знаменосец.

— Тра-та-та-та-та! — победоносно кричит Костик!—Ура! Белые разбиты! Ура-а!!!

Бабушка, кряхтя, поворачивается на своей кровати, открывает глаза и укоряюще смотрит на Костика.

Костик вдруг понимает, что он зашумел и разбудил бабушку и что он вообще сидит на полу в ночной рубашке и без трусов. А бабушка обычно сильно ругает за это.

И вот сейчас, пока бабушка еще не успела заругаться, Костик бросается к ней, обнимает ее за шею, стряхнув сандалики, забирается к ней на кровать и просит:

— Бабушка, расскажи мне сказку про дядю Сашу!

Костик знает: бабушка любит рассказывать про дядю Сашу и, когда рассказывает про него, всегда бывает добрая. И слушать ее очень интересно. Она рассказывает, как дядя Саша на Дальнем Востоке однажды охотился на тигров и даже сам поймал живого полосатого тигра. Она рассказывает и о том, как дядя Саша плавает на своем катере по морю и даже по океану и ловит шпионов, которые на лодках пробираются в нашу страну. И еще бабушка любит рассказывать, как дядя Саша, когда он был еще мальчиком, помогал ей по хозяйству. Он всегда что-нибудь придумывал. Воду возил на тележке прямо целыми выварками, для дров сделал от сарая до крыльца подвесную дорогу и пускал по ней на какой-то

маленькой каретке одно полено за другим, а для того, чтобы пилить дрова, сам смастерил электрическую пилу и однажды этой пилой чуть не отпилил себе руку.

В общем, все, что рассказывала бабушка про дядю Сашу, было очень интересно, и Костик называл поэтому ее рассказы сказками.

Однако сейчас бабушка про дядю Сашу рассказывать не стала. Она поцеловала Костика, пободала его немного двумя пальцами и сказала, что пора вставать, потому что скоро дядя Саша приедет, а у них и не прибрано.

Костик сейчас же соскочил на пол, стал прыгать и кричать:

— Скоро дядя Саша приедет! Скоро дядя Саша приедет! Ура! Скоро дядя Са...

— Ты почему босиком на полу?— закричала бабушка.— Я тебе сколько раз говорила!

Костик остановился, подобрал сандалики и пошел к своей кровати. Там, уже стоя на коврике, он недовольно пробурчал:

— А папа летом разрешает босиком... И сам ходит...

Бабушка не ответила, и Костик снова надел сандалики.

Дядя Саша появился совершенно неожиданно, почти перед самым обедом. Костик дядю Сашу сразу узнал, потому что на нем был черный пиджак с погонами и из-под него торчал самый настоящий кортик. И еще у дяди Саши была морская фуражка с якорем и чемодан в руке.

Дядя Саша вошел во двор, тихонько закрыл калитку и почему-то на цыпочках пошел от калитки к двери. Он, наверно, думал, что его никто не заметил и он сможет войти в дом неожиданно. Но Костик его видел. Он налетел на дядю Сашу сбоку, схватил его одной рукой за брюки, а второй за кортик и стал подпрыгивать и кричать на весь двор:

— Дядя Саша приехал! Дядя Саша приехал!

Дядя Саша сейчас же поставил чемодан на землю и поднял Костика на руки.

— Ну, герой,— сказал он.— Здравствуй. Ты, значит, меня помнишь?

— Помню, помню,— ответил Костик.— Я все помню. И как ты на тигров охотился, помню. И еще помню, как ты себе на электропиле чуть руку не отрезал...

— Ну, брат, память у тебя богатая!—

удивился дядя Саша.—Я и то про пилу за-
был, а ты помнишь... Молодец!

А из кухни, вытирая руки о передник,
уже бежала бабушка и почему-то жалобно
всхлипывала:

— Сашенька!.. Сашенька!.. Наконец-то...
Сашенька!

Дядя Саша опустил Костика и пошел на-
встречу бабушке. Они обнялись, и бабуш-
ка, уткнувшись в дядисашин пиджак, за-
плакала, а дядя Саша гладил ее по воло-
сам и говорил:

— Не надо, мама... Не надо...

Костик впервые видел, как строгая ба-
бушка плачет, и очень растерялся. Ему да-
же и не приходило в голову, что бабушка
может плакать.

Но бабушка быстро успокоилась, вытерла
передником глаза и сказала:

— Что ж мы тут стоим-то? Пойдем в дом.

Дядя Саша послушно, как все равно ма-
ленький, поднял свой чемодан и пошел за
бабушкой в дом.

Костик тоже пошел.

В столовой дядя Саша снял с себя фу-
ражку и поставил на стул чемодан. Из че-
модана он вынул какой-то сверток в белой
бумаге и отдал бабушке.

— Это тебе, мама,— сказал он.

Затем дядя Саша вынул еще один свер-
ток и тоже отдал его бабушке.

— Это для Ольги и Михаила. Передашь
им, когда приедут. Жаль, что не придется
их повидать.

Ольга и Михаил—это мама и папа
Костика. Значит, и им дядя Саша привез
подарок. А ему, Костику, привез?

Костик подошел поближе и заглянул в
чемодан. И как раз в это время дядя Саша
вынул из чемодана квадратную картонную
коробку и протянул ее Костику.

— А это, брат, тебе! Пользуйся!

— Спасибо,— тихо сказал Костик, открыл
коробку и замер от счастья.

В коробке была беленькая заводная лод-
ка с гребцом и веслами.

— Спасибо, дядя Саша,— еще раз побла-
годарил Костик и спросил:— А плавать она
может?

— Конечно, может!— ответил дядя Са-
ша.— Вот погоди — переоденусь, налью те-
бе в корыто воды и будешь пускать.

Пока дядя Саша умывался, Костик заво-
дил лодку и смотрел, как гребец двигает
веслами. Он двигал ими как взаправдаш-
ний человек — наклонялся, выпрямлялся,

сгибал и разгибал руки. И весла тоже дви-
гались как взаправдашние. Это было очень
интересно.

— Ну, что, брат, нравится?—спросил дя-
дя Саша, войдя в комнату.

— Нравится,— тихо ответил Костик.—У
меня еще никогда такой лодки не было. У
меня красный катер есть, но он совсем да-
же не заводной, а просто так плавает...

— А что у тебя еще есть?

— Удочка вот есть.— Костик подошел к
окну и поднял с подоконника удочку.—
Только на нее почему-то ничего не ловится.

Дядя Саша посмотрел на удочку, подер-
жал на ладони поплавок и покачал голо-
вой.

— Как же, брат, будет ловиться, когда
на ней нет крючка? Крючок в таком деле
самое главное. Без него ничего не пой-
маешь.

— А где мне взять крючок, дядя Саша?

— Сейчас сделаем. Где у вас тут гвозди?

— В кладовке.

Дядя Саша принес в комнату коробку с
гвоздями и плоскогубцы, выбрал длинный
и тонкий гвоздь, ловко согнул его плоско-
губцами в двух местах, и Костик увидел,
что получился крючок.

Этот крючок дядя Саша привязал к нит-
ке рядом с поплавком, закинул за окно и
сказал:

— Вот теперь что-нибудь может пой-
маться.

— А скоро?— спросил Костик.

— Нет, брат, не скоро. Вот ты после обе-
да поспишь, потом встанешь и тогда смо-
три. Наверняка что-нибудь клюнет.

— Как клюнет?— не понял Костик.

— Ну, значит — попадетс...

— Хорошо — сказал Костик.— А еще у
меня армия есть. И танк заводной. И инер-
ционный самолет «Ракета». Вот... Хочешь
покажу?

— Нет, брат, не сейчас.— Дядя Саша по-
мотал из стороны в сторону головой, и от
этого его желтые, как у папы, волосы смеш-
но разлетелись в разные стороны.— Нет, не
сейчас,— повторил он.— Сейчас идем во
двор, я налью тебе в корыто воды и будешь
пускать свою лодку. А потом обедать и
спать. А армией твоей уж после сна зай-
мемся. Договорились?

И дядя Саша протянул Костику руку, как
большому.

— Договорились!

Костик со всего маху хлопнул своей ла-

дошкой по твердой дядисашиной руке, схватил заводную лодку, ключик и вприпрыжку побежал во двор.

К ужину бабушка жарила карасей, потому что дядя Саша, когда был мальчиком, очень их любил.

Еще утром, живший по соседству усатый рыболов Яков Сергеевич принес бабушке полведра больших, жирных карасей, и Костик долго стоял возле них и осторожно тыкал в них пальцем.

Сейчас, когда Костик проснулся, он сразу почувствовал запах жареных карасей.

Костик потянулся под одеялом и вдруг вспомнил, что дядя Саша привязал перед обедом к удочке крючок и сказал: после сна что-нибудь поймается.

Костик тут же вскочил с кровати, подбежал к окну и поднял удочку.

На крючке болталась настоящая рыбка. Костик вначале даже не поверил такому неожиданному счастью. Он опустил удочку на пол, взял рыбку в руки и ощупал ее.

Рыбка была самая настоящая — мягкая, мокрая, с чешуей, но только уже мертвая. Наверно, умерла, пока висела на крючке.

Костик схватил рыбку, удочку и кинулся на кухню.

— Бабушка! Смотри! Я поймал настоящую рыбку! Зажарь мне ее, бабушка!

Но бабушка почему-то посмотрела не на рыбку, а на ноги Костику и рассердилась:

— Опять ты босиком! Сколько раз тебе говорила!..

— Я сейчас, бабушка!

Звонко шлепая босыми ногами по полу, Костик побежал в комнату, надел сандалики и снова вернулся на кухню.

— Бабушка, я надел сандалики! — заговорил он. — Бабушка, ты зажаришь мне рыбку? Бабушка, а как она поймалась? Ведь у нас за окном нет реки.

— Да помолчи ты, ради бога, тараторка этакая! — Бабушка махнула на Костику рукой. — Как глаза откроешь, так и рот открываешь. Ни минуты покою от тебя нет!

— Бабушка, а ты зажаришь мне рыбку? — не унимался Костик.

— Зажарю, зажарю! Покажи хоть ее.

Бабушка взяла рыбку, посмотрела и покачала головой.

— Чудно!.. Карасик махонький... И откуда он у тебя взялся?

— Я сам поймал, бабушка, — сказал Костик. — Закинул удочку в окно и поймал.

— Прямо в окне поймал?

— Прямо в окне. Мне дядя Саша сказал, что я после сна что-нибудь поймаю. Я и поймал.

— Ах, дядя Са-аша... — протянула бабушка. — Тогда, конечно, поймаешь... Ну, что ж, давай зажарю твоего карася... Только уж не знаю, как ты его ешь-то будешь. Больно в нем кости мелкие.

Бабушка сняла с крючка карася и положила его на тарелку.

А Костик снова побежал к окну и закинул удочку. И сейчас же высунулся туда сам — не поймалось ли уже что-нибудь? Но пока ничего не поймалось. Пустой крючок болтался над землей и тихонько стучал по поплавку.

— А где дядя Саша? — спросил Костик бабушку.

— По делам пошел. Чай, у него друзей-то тут много.

— Он обещал мою армию посмотреть.

— Ну, раз обещал, значит, придет. Он никогда не обманывает.

И, правда, дядя Саша скоро пришел, и не один, а с другим дядей, которого звали дядя Коля и который тоже был веселым, только совсем не моряком, а просто ходил в таком же костюме, как у папы.

Вначале они зашли на кухню и поговорили с бабушкой, потом дядя Саша сказал: «Ну, вы тут знакомьтесь, а я сейчас», — и убежал во двор, зачем-то прошел по палисаднику.

Вернулся он очень быстро, снял свой черный пиджак и сказал Костику:

— Теперь давай показывай свою армию. Устроим ей боевой смотр.

— А что такое боевой смотр? — спросил Костик.

— Ну, это все равно что парад, — пояснил дядя Саша. — Знаешь, что такое парад?

— Знаю.

— Вот и давай.

Костик выстроил на полу всех своих солдат, и оловянные пушки, и заводной танк, и инерционный самолет, и сзади поставил все свои грузовики и легковые машины, потому что они тоже могли понадобиться. Получилось очень внушительно.

Дяде Саше и дяде Коле армия понравилась.

— А ты кто в этой армии? — спросил Костику дядя Саша.

— Я — красный! — гордо ответил Костик.

— Ну, красный — это понягню, — сказал

дядя Саша.— Это, так сказать, само собой разумеется. Мы все красные. А вот должность у тебя какая?

— Красный командир!

— Ну, что ж, будем считать тебя командиром. А теперь вот что, командир. Армию мы твою поглядели. Армия что надо. Все хорошо. Только какой же ты командир без ружья? Красному командиру просто необходимо ружье.

— У меня наган есть,— сказал Костик.— Он из пистонов стреляет.

— Что ж, на худой конец можно обойтись и наганом. Но ружье-то вообще лучше. Ты это учти.

— Ладно, учту,— ответил Костик.— Только где мне его взять?

— А это уж я не знаю.— Дядя Саша развел руками.— Да, брат, скажи-ка мне, после сна на твою удочку что-нибудь клюнуло?

— Ключуло! Ключуло!— радостно ответил Костик.— Настоящая рыбка клюнула! Маленький карасик. Мне его бабушка на ужин зажарит.

— Это здорово! Поздравляю!— Дядя Саша снова, как взрослому, пожал Костику руку.— Видишь, брат, какая великая штука крючок! А без крючка бы ты ничего не выловил.

— Конечно,— согласился Костик.

— А после этого ты удочку закинул?— спросил дядя Саша.

— Закинул! Закинул! Она и сейчас лежит на окне закинутая! Вот смотри!

Костик подбежал к окну и хотел, как обычно, поднять удочку одной рукой. Но удочка не поднималась. Она почему-то стала очень тяжелой. Костик с трудом поднял ее двумя руками. И, когда он ее поднял, он увидел, что на крючке висит замечательная, совсем новенькая игрушечная двустволка. Такую двустволку Костик видал только в игрушечном магазине, а у него самого ее еще ни разу не было.

Он схватил двустволку, снял ее с крючка и растерянно протянул дяде Саше.

— Смотри, дядя Саша. Двустволка поймалась. Она теперь моя?

— Конечно, твоя. Раз на твоей удочке, на твоём крючке— значит твоя.

— Моя! Мся!— Костик запрыгал от радости.— У меня двустволка клюнула! Ура! Бабушка!— Он побежал на кухню.— Бабушка, у меня двустволка на удочку клюнула!

Бабушка жарила рыбу, глядела в сковородку и не сразу поняла, что говорит ей Костик.

— Какая еще двустволка?

Костик протянул бабушке новое ружье. Бабушка посмотрела на двустволку и покачала головой.

— Как же она у тебя клюнула-то?

— На крючок, бабушка. Я удочку вынул, а там двустволка...

— Видать, у тебя удочка-то волшебная,— заметила бабушка.

— Конечно, волшебная,— подтвердил Костик.

И он тут же побежал в комнату и закричал:

— Дядя Саша, у меня удочка волшебная!

— Это тебе, наверно, мальчик Летик помогает,— высказал предположение дядя Саша.

— Какой мальчик Летик?— спросил Костик.— Я никакого мальчика не видел.

— А его никто из детишек не видит,— уверенно сказал дядя Саша.— Его видят только взрослые. И то очень редко.

— А почему?

— Потому что он добрый волшебник. Он летом приносит детишкам подарки и бьёт на волшебные удочки... Ты ведь знаешь, что зимой подарки приносят дед Мороз и Снегурочка?

— Знаю,— ответил Костик.— Они и мне все елочные игрушки принесли. И елку они мне украсили...

— Ну вот. А летом-то их нет. Это ты знаешь?

— Знаю. Они в дремучем лесу спят и ждут зиму. Так бабушка говорит.

— Правильно говорит,— подтвердил дядя Саша.— А подарки летом детишкам разносить все равно надо. У кого день рождения, у кого волшебная удочка, у кого еще там что-нибудь. Вот и делает это маленький мальчик Летик. Правда, он не ко всем приходит. Кто себя плохо ведет, бабушку не слушается или папу с мамой, тому мальчик Летик уж ни за что подарка не принесет.

— А мне принесет?

— Вот принес же. Это потому, что ты себя сегодня, наверно, хорошо вел. Правда?

— Да,— согласился Костик.— Я себя сегодня хорошо вел. Меня бабушка даже ни разу в угол не поставила.

— Вот видишь, мальчик Летик это сразу заметил.

До самого ужина и даже немного после него Костик стрелял во дворе из своего нового ружья по курам, воробьям и кошке. Правда, все они после этого оставались живы, но зато шуму и треску было так много, что бабушка несколько раз выбежала на крыльцо и просила:

— Да уймись ты, ради бога! Помолчи хоть минутку!

Костик минуту молчал, а потом прикладывал ружье к плечу, закрывал один глаз и снова кричал:

— Тра-та-та-та-та! Тра-та-та-та-та!

В конце концов бабушка не выдержала, увела его в дом, вымыла и уложила спать.

Засыпая, Костик пытался представить себе мальчика Летика, но мальчик Летик почему-то не представлялся, а вместо него Костик увидел усатого, на коне и с саблей Чапаева, совсем такого, какого показывали недавно по телевизору. Чапаев махал саблей, тарачил глаза и громко кричал:

— Тра-та-та-та-та!

А потом и Чапаева не стало видно.

* * *

Утром, едва проснувшись, Костик вскочил с кровати и бросился к окну.

На этот раз на крючок попала самая лучшая конфета — «Мишка».

Она была холодная и влажная от росы. Видно, мальчик Летик повесил ее давно, и она долго болталась на крючке.

Костик зажал конфету в руке, закинул снова удочку и крикнул в окно:

— Спасибо, мальчик Летик!

Где-то за углом беспокойно отозвался петух.

Костик выбежал в соседнюю комнату, где спал дядя Саша, разбудил его и показал конфету.

— Смотри, дядя Саша! Мне мальчик Летик конфету на удочку повесил. Можно, я ее прямо сейчас съем?

— Можно... — сонно проговорил дядя Саша. — Все, что мальчик Летик вешает, нужно сейчас же есть, а то он обидится.

Дядя Саша закрыл глаза, перевернулся на другой бок и снова заснул. А Костик тихонько, на цыпочках, пошел к своим игрушкам, взял ружье, прицелился в воробья, которого увидел на заборчике палисадника, и громко застрочил:

— Тра-та-та-та-та!

За завтраком бабушка, как всегда, налила Костику ложку рыбьего жира, а Костик стал капризничать и не хотел его пить. Он оттолкнул ложку, и рыбий жир пролился в хлебницу.

Бабушка рассердилась и после завтрака поставила Костика в угол. Потом она его, правда, простила, и он до самого обеда играл во дворе — пускал в корыте заводную лодку и возил в грузовике песок.

Раза три Костик подбегал к окну в столовой и поднимал удочку. Но на крючке ничего не было. Видно, мальчик Летик узнал, что Костик за завтраком не послушался бабушку.

Костик уже стал думать, что мальчик Летик теперь никогда ничего не принесет, и хотел спросить за обедом у дяди Саши, как попросить у мальчика Летика прощения или сказать ему, что теперь он будет во всем слушаться бабушку.

Но вдруг, перед самым обедом, поднимая удочку, Костик почувствовал, что на крючке что-то есть.

И на самом деле — на крючке была при-

вязана совсем малюсенькая бутылочка, закрытая резиновой пробкой. А в бутылочке было что-то желтое и густое.

Костик уселся на полу и стал осторожно открывать пробку.

Как раз в это время в комнату вошел дядя Саша, остановился у дверей и стал смотреть, что делает Костик.

А Костик вынул наконец пробку, поднес бутылочку к носу, понюхал и почувствовал знакомый неприятный запах рыбьего жира.

— Рыбий жир... — растерянно произнес он и оглянулся на дядю Сашу. — Дядя Саша, зачем мальчик Летик принес мне рыбий жир?

— А вот уж этого я не знаю! — Дядя Саша развел руками. — Ему виднее, что надо принести. Но, раз он принес, надо выпить. А то он обидится и ничего больше не принесет.

— Хорошо, я выпью, — покорно сказал Костик. — Только ты мне дашь чем-нибудь заесть?

— А это — пожалуйста!

И дядя Саша вынул из кармана конфету «Мишка» — точно такую же, какую утром Костик поймал на крючок.

Этот день был удивительно удачным. На удочку все время что-нибудь ловилось.

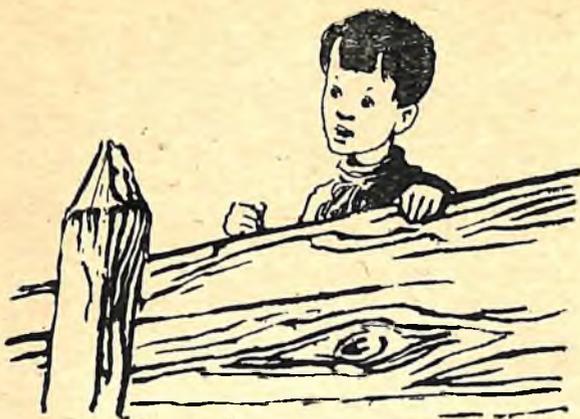
Сразу после обеда Костик вытащил из-за окна большое румяное яблоко и тут же его съел. Потом, когда он поспал и снова вытащил удочку, на крючке уже болталось большое вкусное печенье. Его Костик тоже съел тут же, запивая чаем. Перед ужином Костик снова обнаружил на крючке конфету «Мишка», а после ужина перед самым сном, когда Костик поднял удочку в последний раз, к крючку была привязана чудесная маленькая лодочка с сидениями. Бабушка, увидев эту лодочку, сказала:

— Это из сосновой коры. Дядя Саша такие вырезал, когда мальчишкой был. Они хорошо плавают.

Костик хотел было испробовать это, но бабушка стала укладывать его спать.

Костик спорил с бабушкой и не хотел ложиться. Ему казалось, будто он еще не все выловил своей волшебной удочкой. Но дядя Саша поднял удочку и показал Костика пустой крючок.

— Все, брат, — сказал дядя Саша. — Сегодня никакого улова больше не будет. Мальчик Летик спать ушел. Он ведь тоже за день набегался.

В постель Костик лег вместе с лодкой и так и уснул, не выпуская ее из своей маленькой ладошки.

Утром Костик сразу побежал к бочке с водой, которая стояла во дворе, и пустил в нее лодочку. Лодочка и на самом деле очень хорошо плавала и не тонула, даже если перевертывалась и в нее наливалась вода.

В это время через забор перелез веснушчатый мальчишка Колька, который был на год старше Костика и жил в соседнем доме.

Колька подошел к бочке, посмотрел на лодочку и попросил:

— Дай поиграть, а?

— Не дам, — ответил Костик.

— Да-ай, — протянул Колька. — Что тебе — жалко?

Костик не ответил. Он не любил давать свои игрушки другим ребятам. Ему всегда казалось, что они сломают или заберут их.

Колька не стал больше уговаривать Костика, пошел обратно к забору, влез на него и крикнул:

— Жадина-говядина! Жадина-говядина!

Костик обиделся и показал Кольке язык. В это время открылась калитка, и во двор вошел с улицы дядя Саша.

Костик бросился к нему и сразу пожаловался:

— Дядя Саша, а Колька дразнится!

От забора, где сидел Колька, снова донеслось:

— Жадина-говядина!

Дядя Саша повернул голову, сердито посмотрел на Кольку. Колька сразу же прыгнул с забора в свой двор.

— Почему он тебя так дразнит?— спросил дядя Саша.

— Я ему лодочку не дал поиграть.

— А почему ты не дал?

Костик надул губы и опустил голову.

— Это очень плохо,— сказал дядя Саша.— Значит, ты жадный мальчик. А жадных никто не любит. И если мальчик Летик узнает, что ты жадный, он ничего не будет тебе приносить. Я бы тебе советовал позвать сейчас к себе Колю и поиграть с ним лодочкой и всеми игрушками, какие у тебя есть.

Дядя Саша произнес это строго и ушел в дом.

Костик остался во дворе и вначале хотел было крикнуть Кольке, чтобы тот, так и быть, перелез через забор обратно и играл его лодочкой. Но потом он подумал, что все равно мальчика Летика сейчас нет и он не узнает, играл Колька лодочкой или не играл. И Костик решил Кольку сейчас не звать, а позвать когда-нибудь потом, когда он сам наиграется новой лодочкой.

Однако мальчик Летик все равно узнал, что Костик так и не позвал Кольку. И в тот день на волшебную удочку ничего больше не поймалось. И на другой день тоже ничего не поймалось. Костик подбегал к удочке все утро и перед обедом, но крючок был пуст.

Тогда после сна Костик сам позвал к себе Кольку, принес во двор новую лодочку, и катер, и даже заводную лодку с гребцом, который подарил дядя Саша.

Колька пускал все это в бочке и был очень осторожен, ничего не сломал и, когда наигрался, помог Костику отнести все это домой.

Костику очень понравилось играть с Колькой.

Он сказал:

— Приходи ко мне завтра тоже. Будем всеми-всеми игрушками вместе играть.

— Хорошо, приду,— согласился Колька.

Играть с Колькой было так интересно, что на другой день Костик совсем забыл про свою удочку и вспомнил о ней только после ужина.

Он подошел к окну, взял удочку и сразу почувствовал, что на нее что-то клюнуло. И правда — на крючке болтался прозрачный пакетик, а в нем был стаканчик с мороженым.

Видно, мальчик Летик узнал, что Костик стал добрым, и простил его.

После этого Костик играл с Колькой своими игрушками каждый день и даже не только с Колькой, но и с двумя другими мальчишками, которых Колька привел с собой. И никто ничего не сломал. И Колька теперь тоже приносил к Костику свои игрушки.

Дядя Саша тоже иногда играл с Кости-ком и Колькой.

Костику было очень весело...

Но вот однажды дядя Саша вынул из-под кровати чемодан, стер с него мокрой тряпкой пыль и стал укладывать свои вещи.

— Ты уезжаешь, да?— грустно спросил Костик.

— Да, Костя, уезжаю. Ничего не поде-лаешь. Кончился мой отпуск.

— А когда ты еще приедешь?

— Не знаю, брат. Может, не скоро.

— А когда? Через месяц?

— Нет, Костик, не через месяц. Не раньше, чем через год. А может, и через два.

— А я сам вырасту большой и к тебе приеду.

— Давай, брат, приезжай! Там такие боевые хлопцы нужны.

Дядя Саша погладил Костика по голове и продолжал собираться.

Вечером, после ужина, он уехал.

Костик проводил его до угла и поцеловал на прощанье в щеку. А потом долго глядел, как дядя Саша шел по улице к вокзалу,— высокий, в черном костюме, с чемоданом в руке. И Костику отчего-то стало очень скучно и очень захотелось к маме и папе, захотелось, чтобы они погладили его по голове и поцеловали.

Когда Костик вернулся в дом, он уви-дел, что на окне, как и обычно, лежит его бамбуковая удочка.

Костик потянул ее, но удочка не подда-валась. Тогда Костик изо всех сил потянул ее двумя руками и с трудом вытащил на подоконник большой, совсем новенький де-ревянный грузовик, в котором запросто могла уместиться вся его армия.

Однако играть грузовиком одному, без Кольки, почему-то не хотелось.

Костик поставил грузовик в угол, ко всем игрушкам, снова закинул удочку, пошел на кухню, уткнулся там бабушке в колени и долго стоял молча.

— Жалко, что дядя Саша уехал?—спро-сила бабушка.

Костик кивнул и буркнул ей в подол:

— Жалко.

Бабушка посмотрела в окно. За окном ветер нес большие желтые листья. Бабушка грустно сказала:

— Вот и лето кончилось...

Потом она прочитала Костику книжку и уложила спать. И Костик не спорил и быстро уснул.

На другой день с утра лил дождь.

Костику вначале было очень скучно, но потом пришел Колька, начал играть новым грузовиком, и сразу стало весело.

На волшебную удочку в этот день почему-то ничего не поймалось. Костик пощупал холодный и мокрый крючок и снова закинул его за окно.

Перед обедом на удочке тоже ничего не было. И после сна — тоже ничего.

Вначале Костик думал, что это — из-за дождя, что мальчик Летик не хочет в дождь разносить подарки.

Но к вечеру дождь прошел, а крючок вол-

шебной удочки все был пустым и холодным. Так Костик и лег спать, ничего не поймав за день.

На следующий день дождя не было, но не было и солнца. После завтрака Костик долго стоял во дворе и звал Кольку. Но Колька не выходил. Потом пришла из магазина его мама, услышала, что Костик зовет его, и сказала, что Кольку на целую неделю увез к себе в деревню дедушка.

На удочку в этот день опять ничего не ловилось, и Костик подумал, что она, наверно, перестала быть волшебной. Бабушка ведь говорила, что лето кончилось. Видно, и добрый мальчик Летик уехал в какие-нибудь теплые места, и теперь остается только ждать зимы, ждать, пока проснутся в своем дремучем лесу дед Мороз и Снегурочка и снова начнут приносить разные подарки.

И еще Костик ждал теперь Кольку, потому что вдвоем играть интереснее, чем одному.

РЕБЯТА!

В 1962 году для вас в г. Тюмени вышли книги

«Взвейтесь кострами». Этот большой подарочный сборник стихов, рассказов, повестей Тюменское книжное издательство выпустило к 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина.

Над книгой потрудились много людей: писатели и поэты, художники и даже музыканты. Они, каждый по-своему, кто в стихах, кто в прозе, кто в музыке, кто в рисунках рассказали ребятам о их товарищах.

На страницах книги вы встретитесь со своими любимыми писателями — С. Я. Маршаком, С. Михалковым, Н. Носовым, С. Баруздиным, Н. Осининым, прочтете стихи, рассказы, очерки писателей Свердловской, Омской, Новосибирской областей, познакомитесь с новыми произведениями тюменских писателей. А в разделе «Творчество детей» найдете стихи и рассказы сверстников-пионеров. О своих мечтах, о школьной жизни говорят юные поэты и прозаики.

«Сабля командира, «Первый лагерь», «Серебряный горн» — книжки, входящие в пионерскую серию, также вышедшую к юбилею. Каждая из них отражает разные моменты из жизни пионерских отрядов, из жизни юных ленинцев. Все они документальны, то есть рас-

сказывают о событиях, действительно происходивших в нашем крае.

Как-то, роюсь в архивах, писатель В. И. Еловских обнаружил документы о красногвардейском отряде Данилы Васильевича Шаронова, боровшемся против белогвардейцев в Ишиме в 1918 году. В документах рассказывалось также о тринадцатилетнем красногвардейце Аркаше — приемном сыне командира. Аркаша вместе с другими бойцами ходил в атаку, бывал в разведке. Сохранилась фотография юного разведчика, где он был запечатлен в красногвардейской форме и с саблей.

Все это заинтересовало писателя, он даже ездил в Челябинск, где разыскал очевидцев, в том числе бывшего красногвардейца А. И. Меховых, воевавшего вместе с Шароновым. Разговаривал он и с другими людьми, знавшими Аркашу.

В результате всех этих встреч, разговоров, изучения документов родилась книжка «Сабля командира», рассказавшая о мальчишке, жившем и боровшемся за счастье людей в далекие 20-е годы.

Вторая книжка из пионерской серии — «Первый лагерь» А. Кудряшовой переносит юных читателей

в 30-е годы. Это было время, когда в деревнях создавались первые коммуны, когда в стране было еще много трудностей. Но, несмотря на это, Советская власть постоянно помнила о детях, она создавала детские дома, пионерские лагеря.

В книжке А. Кудряшовой рассказана история создания первого пионерского лагеря нашей области имени Зои Космодемьянской. Как много непохожего на сегодняшний отдых было в тех лагерях. Ребята ходили до лагеря пешком, сами заботились о еде, помогали старшим в их борьбе с кулаками соседних деревень. Но, несмотря на все трудности и невзгоды, жизнь в лагере была ключом, она была подчас интересней, чем в некоторых нынешних лагерях.

«Серебряный горн» Б. Маклакова — это рассказ уже о современных ребятах, о ваших сверстниках,

живущих в городе Тобольске, о их заботах, радостях и огорчениях.

«Костя-путешественник» А. Черняева — короткая повесть для детей среднего школьного возраста. В ней рассказывается, как пятиклассник Костя, городской житель, попадает на Крайний Север, в тундру. Здесь он живет в чуме, у старика ненца Вылко. Много удивительного о тундре, о жизни и быте рыбаков ненцев узнает здесь Костя. В конце лета довольный, счастливый Костя возвращается домой.

«Сокровища стеклянных шкафов» И. Давыдова. Это очерк о тобольских косторезах, о том, как создаются изделия из кости, получившие мировое признание. Работы тобольских мастеров не раз завоевывали золотые и серебряные медали на международных выставках.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Лецкий. Завтра твое. Стихи	3
Ольга Чернова. Монеты в Настинных косичках	4
Юван Шесталов. Северное сияние. Мой Север. Лыж- ник. Стихи	15
Иван Ермаков. Голубая стрекозка. Сказка-быль	17
П. Амелин. Пионерия. Стихи	38
А. Тарханов. Старый кедр. Звериные пропы. Стихи	39
С. Мальцев. Честь класса	40
М. Лесной. Факир	45

Рассказы охотников, рыбаков, любителей природы

Н. Смирнов. Лесной житель	49
В. Сидоренко. На старице	51

Невыдуманные истории

Е. Ананьев. Волк на аркане	55
--------------------------------------	----

Уголок краеведа

И. Давыдов. Самый крупный в стране	56
Тюменские куранты	57

Наши славные земляки

С. Верников. По следам юности героя	58
---	----

Для малышей

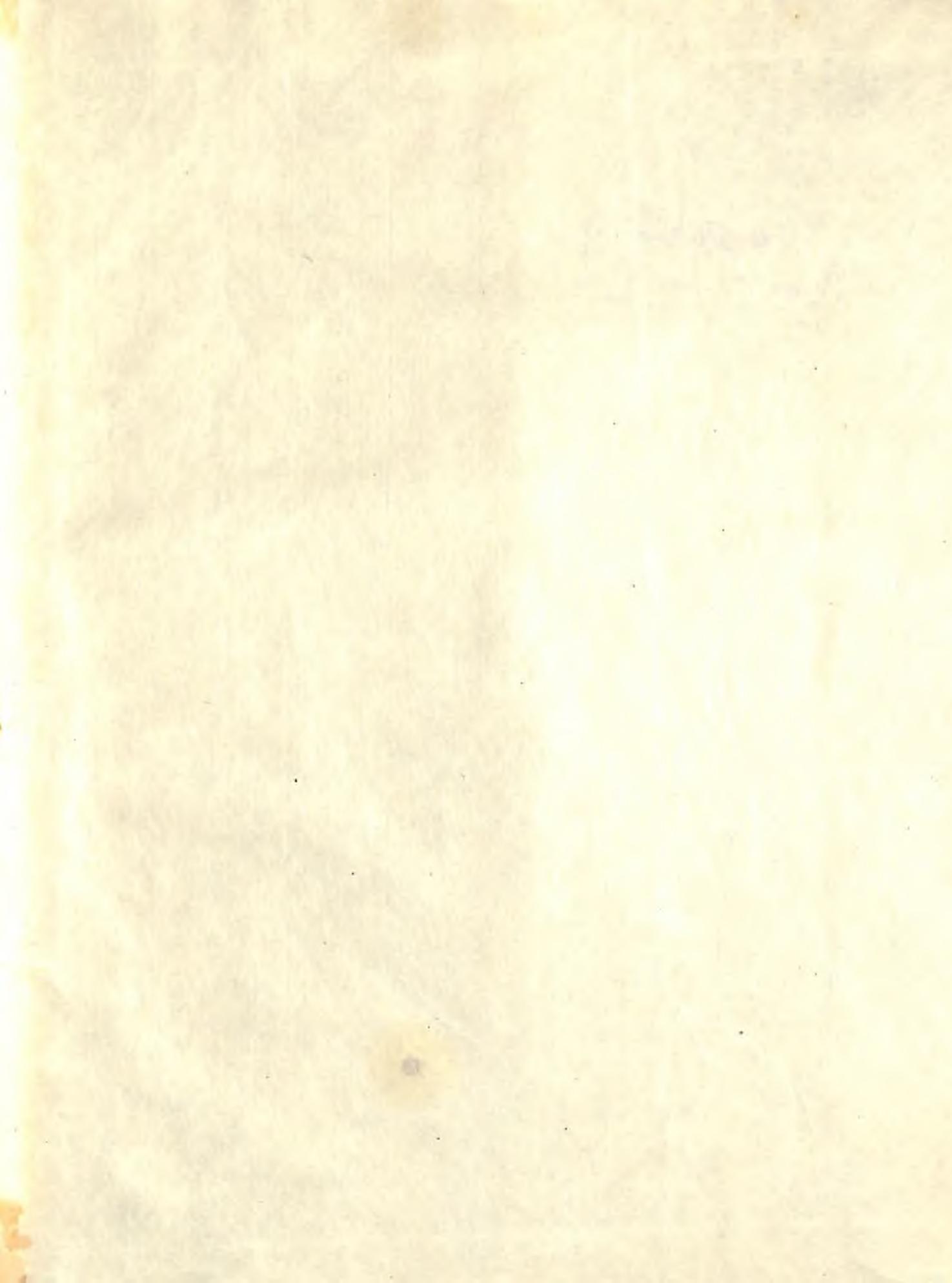
Е. Крыжановская. Помогаю маме. Наш кот. Стихи	69
К. Лагунов. Кукурпах	70
Е. Фейерабэнд. Вот так дом. Круглые хатки. Замечательный улов. Стихи	117
Михаил Лецкин. Что учили? Стихи	120
В. Суслов. Апрель. Град. Стихи	124
А. Шестаков. Волчок. Стихи	126
И. Давыдов. Волшебная удочка	127

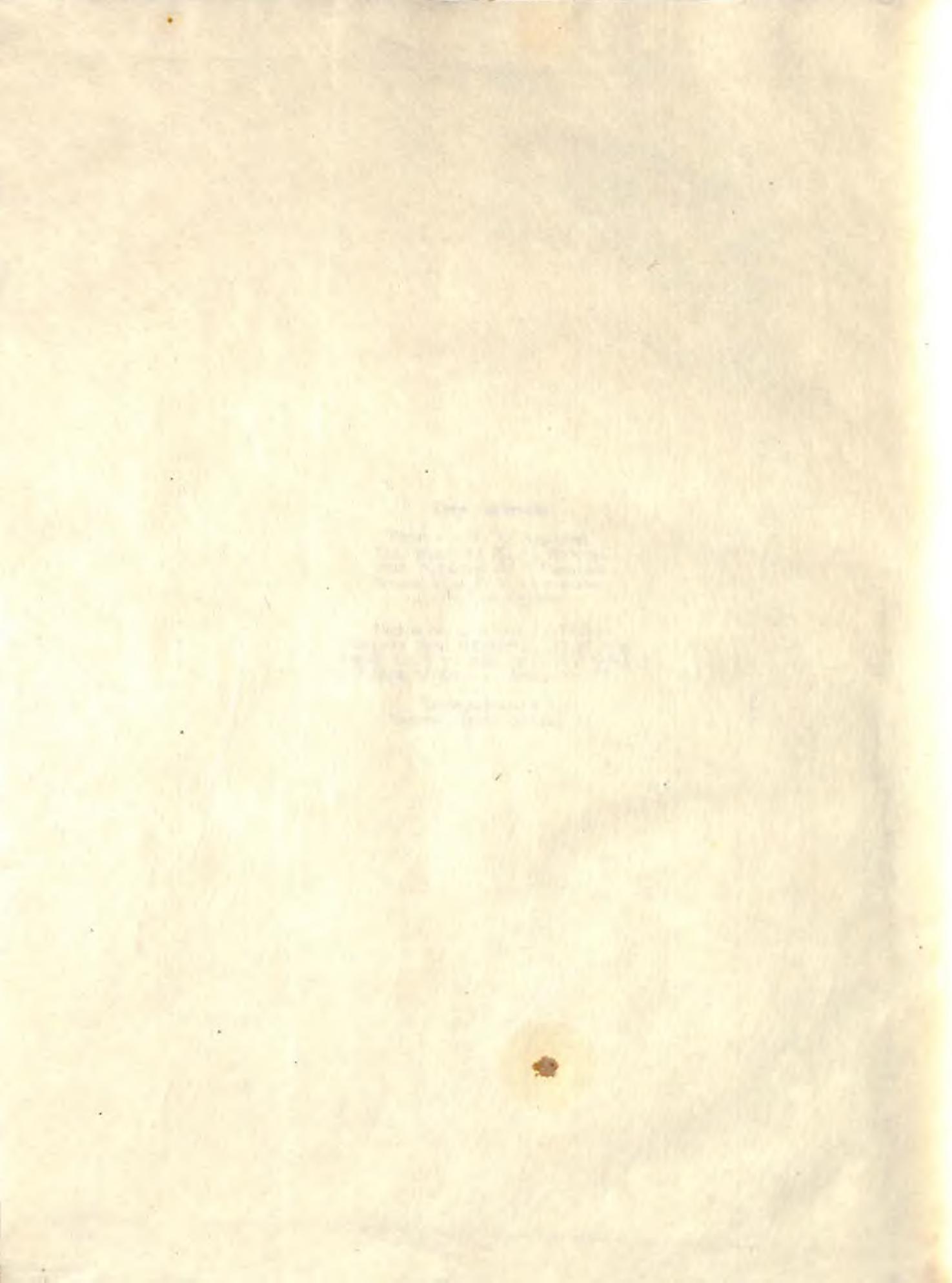
Твои товарищи

Редактор И. В. Черняева.
Худ. редактор Е. К. Кобелев.
Техн. редактор Л. Т. Овечкин.
Корректоры Р. Г. Солодкина,
Г. И. Меньшенина.

Подписано в печать 1/VI-63 г.
Формат бум. 84x108¹/₁₆. 14,35 печ.
листа. 12,65 уч.-изд. листа. РД 00034.
Тираж 15000 экз. Заказ № 5371.

Типография № 1.
Тюмень, Первомайская, 11.

Цветкова

Зр

НОВАЯ ЦЕНА

9

руб

— коп

Цена 75 коп.